Ника Лунара

НАША ДЕВОЧКА-3

18+

Ника Лунара
НАША ДЕВОЧКА – 3

https://litres.ru/74713448
SelfPub; 2026

Аннотация

Прошлое не умирает до конца, оно лишь затаивается, чтобы однажды вернуться жгучей болью и проверить на прочность всё, что было построено с таким трудом.

Алина наконец обрела долгожданный покой рядом с теми, кто стал для неё всем. Но призрак из прошлой жизни рушит эту хрупкую идиллию. Никита, которого все считали погибшим, возвращается не тенью, а угрозой. Он готов забрать её в свой мир, не считаясь с правилами, законами и чужими чувствами.

Кирилл и Артём готовы на всё, чтобы защитить свою девочку, но их собственная ревность и вечное противостояние лишь расшатывают стены их общего дома. Оказавшись между двух огней и вновь затянутой в орбиту опасного, надломленного человека, Алина должна сделать выбор.

Готовы ли вы заглянуть в бездну, где любовь граничит с одержимостью, а путь к свету требует невероятной смелости и милосердия?

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	9
Глава 3.	13
Глава 4.	24
Глава 5.	34
Глава 6.	41
Глава 7.	47
Глава 8.	60
Глава 9.	80
Глава 10.	89
Глава 11.	121
Глава 12.	129
Глава 13.	136
Глава 14.	141
Глава 15.	150
Глава 16.	168
Глава 17.	174
Глава 18.	190
Глава 19.	201
Глава 20.	214
Конец ознакомительного фрагмента.	218

Ника Лунара
НАША ДЕВОЧКА – 3

Глава 1.

После тёплого ужина в ресторане, наполненного смехом, поздравлениями и лёгким вином, компания разошлась, и Алина вернулась домой. Внутри царила мягкая тишина, только приглушённый свет ламп и уют, созданный руками Кирилла и Артёма. Они сидели вместе на диване, окружённые подарками, словно на маленьком островке праздника, где было тепло и спокойно.

— Пора открывать подарки, — улыбнулась Алина. Её глаза сияли радостью.

Парни с интересом смотрели на коробки, одни были яркие и нарядные, другие — скромные, в простой обёртке. Они распаковывали их по очереди, перебрасываясь шутками и лёгкими подколами. Улыбка не сходила с её лица, и всё казалось почти волшебным. Всё казалось завершённым — день, полный света и любви. Только тени прошлого редко спрашивают разрешения, чтобы вернуться.

Одна коробка выделялась — без надписи, обёрнутая в плотную бумагу и перевязанная шершавым бантом. Алина взяла её в руки и чуть нахмурилась.

— Кто-то забыл подписать, — пробормотала она, развязывая ленту.

Внутри лежала изящная статуэтка: принцесса Жасмин в бирюзовом наряде, с волнистыми волосами и удивительно живыми глазами. На шее принцессы — тонкая цепочка с кулоном.

Кирилл и Артём переглянулись.

— Это кто? — спросил Кирилл, поднимая брови.

— Жасмин, — тихо ответила Алина. — Никита так меня называл...

Голос её стал тише, а сердце забилось быстрее.

В этот момент завибрировал телефон. На экране высветилось сообщение от неизвестного номера:

«*С днём рождения, Жасмин. Моя кончина была убедительной, не правда ли? Скучаешь?*»

Всё внутри Алины сжалось. Никита — дерзкий байкер, которого давно считали погибшим в уличной аварии, словно призрак, возвращался.

Кирилл резко напрягся. Его взгляд стал острым, напряжённым.

— Никита? — выдохнул он. Словно не верил, но уже понимал.

Артём побледнел, руки сжались в кулаки.

— Мы же видели... всё. Новости, фото с места аварии... — его голос был глухим, но в нём скользнуло сомнение.

Прошлое возвращалось не тенью — угрозой.

Кирилл аккуратно коснулся Алины за руку, пытаясь её успокоить.

— Наверное, кто-то решил сыграть на воспоминаниях. Странная шутка, но Никита... он мёртв. Мы это видели, это факт.

— Да, — поддержал Артём, пытаясь говорить мягко. — Это просто совпадение. Кто-то нарыл старую информацию, имя... возможно, даже знал о прозвище, но не более.

Алина кивнула, но тревога её не отпускала. Взгляд упал на кулон на шее Жасмин — сердце, обвитое знаком бесконечности. Она сняла его, прижала к ладони: холодный металл будто пульсировал в такт её страху.

— Что это за кулон? — спросил Кирилл.

— Я никогда его не видела, — прошептала Алина.

— Он... слишком личный, — нахмурился Артём. — Слишком в его стиле. Сердце и знак бесконечности — это как будто...

— ...как будто это невидимая нить — тонкая, прочная, с петлёй на конце, — закончила она. — И это про контроль. Он оставил метку.

Наступила тишина. Кирилл встал, отошёл к окну. Артём, словно чувствуя, что сейчас Кирилл произнесет что-то, что не должна услышать их девочка, подошёл к Кириллу и встал рядом. Алина в это время подняла кулон к свету, вглядываясь в его узор, будто искала в металле ответ.

Кирилл тихо, не оборачиваясь, сказал:

— Мы не можем это игнорировать, если он жив и рядом — всё только начинается.

Артём кивнул:

— Мы не дадим ему добраться до неё ни через подарки, ни через символы, ни через прошлое.

***

— Ты видел её лицо... — сказал Кирилл, — когда прочитала это сообщение.

— Видел, — коротко ответил Артём. — Губы побелели. Еле держалась, чтобы не разрыдаться, как будто её ударили изнутри.

— Она боится и правильно делает, — Кирилл говорил сдержанно, но в голосе слышалась тревога. — Потому что если это правда...

— Это правда, — перебил Артём. — Никита. Стиль, давление, время. Он умеет вылезать в самый уязвимый момент.

— Мы поверили в его смерть, потому что так было проще.

— А он, возможно, просто исчез. Пережидал, наблюдал, готовился.

— Полиция?

Артём бросил быструю усмешку.

— С чем? Подарок и СМС? Без доказательств это бред. Он псих, но не идиот. Следов не оставит.

Кирилл напрягся.

— Значит, охрана?

— Камеры, наблюдение, люди. Я свяжусь с теми, кто уме-

ет работать тихо.

— Из серой зоны?

— Да, но эффективные. Если он решит появиться лично, мы должны быть готовы.

Кирилл кивнул. Потом замер.

— Алине говорить?

— Пока нет. Скажем — профилактика. Пусть чувствует, что всё под контролем. Если расскажем, она может сорваться или решит пойти навстречу к ему из жалости или ностальгии.

— Она не такая, — резко возразил Кирилл.

— Она стала другой, — ответил Артём. — И ты это знаешь. Кулон тронул в ней что-то.

Кирилл закрыл глаза, будто на миг хотел исчезнуть.

— Завтра займёмся, с утра.

— Завтра может быть поздно, — сказал Артём.

Где-то за стеной скрипнула кровать. Алина перевернулась во сне.

Мужчины замолчали.

— Мы её не отдадим, — тихо сказал Кирилл.

Артём посмотрел в окно.

— Если только она сама не решит иначе.

Глава 2.

Утро было обманчиво спокойным. Свет мягко заливал комнату, воздух был наполнен запахом кофе и чего-то вкусного. Кирилл, как всегда, встал первым. Артёма рядом тоже не было. Алина потянулась, зарылась в подушку... и не сразу вспомнила о странном сообщении, кулоне, о призраке из прошлого.

Сознание пробудилось полностью, и тут же всплыла в памяти принцесса Жасмин, цепочка с кулончиком... Она резко села в кровати.

«Это был не сон».

В гостиной хлопнула дверца шкафа. Послышались шаги, голоса. Кирилл и Артём говорили вполголоса, но в воздухе чувствовалась тревога.

Алина вышла босиком, в длинной рубашке. Они стояли у окна, оба с телефонами, сосредоточенные, с тревожными тенями на лицах.

— Доброе утро, — хрипло сказала она.

Они обернулись почти синхронно, улыбнулись.

— Доброе, — отозвался Кирилл, ставя чашку на стол. — Я сварил кофе. Хочешь?

Алина кивнула. Что-то в их лицах подсказало: они уже обсудили всё, без неё.

— Вы рано... — она села. — Не могли уснуть?

Артём бросил взгляд на Кирилла, потом на неё.

— Да. Беспокойная ночь.

Кирилл поставил перед ней чашку, мягко коснулся плеча:

— Мы подумали, что стоит усилить безопасность. Камера у входа, сигнализация. Артём связался с людьми, они уже в пути.

Алина замерла.

— Вы думаете, он... где-то рядом?

— Мы не уверены, — быстро ответил Кирилл. — Но не хотим рисковать, лучше перестраховаться.

Алина сжала ладони, голос стал тише:

— А если он просто хотел сказать, что жив? Без угроз?

Артём смотрел на неё долго:

— Люди, инсценирующие свою смерть, не делают это ради дружеского привета.

Он шагнул к планшету, вывел на экран схему.

— Камеры будут не только у ворот. Под лестницей установим автономную. Без единой точки доступа — никакой общей системы.

— Ни одной лазейки, — подтвердил Кирилл. — Он не дойдёт даже до калитки.

Всё уже было решено до того, как она проснулась. Пока спала, они успели организовать охрану, систему наблюдения, проверку оборудования. Они действовали быстро. Слишком быстро, словно уже сталкивались с угрозой.

Кирилл не отходил от ноутбука, постоянно вёл перегово-

ры: охрана, техника, схема наблюдения. Артём возился в гараже: то сверлил, то тянул проводку, то исчезал на заднем дворе.

Алина ходила по дому, как в тумане. Старалась быть полезной: вытирала полки от пыли, собирала посуду, раскладывала остатки еды, но движения давались с трудом. Сознание пульсировало где-то за пределами настоящего.

Иногда она замирала у окна, глядя в лес. Прислушивалась, не шаги ли на гравии? Однажды ей показалось, что в зарослях промелькнула тень... Но это был соседский кот.

На обед они снова собрались втроём. Кирилл разогрел лазанью, налил вина. Пытались говорить о постороннем — про фильм, про смешной подарок от коллег. Алина кивала, но не улыбалась.

После еды она разобрала подарки и сложила в угол гостиной. Все — кроме одного.

Коробочка без подписи не отпускала. Она долго вертела её в руках... Потом, будто извиняясь даже перед собой, убрала в нижний ящик комода к прочим безделушкам.«На всякий случай. Пусть пока полежит».

***

Поздний вечер. Дом утонул в полутьме. Из кухни доносились голоса мужчин — негромкие, перемешанные с бульканьем кофеварки и стуком посуды. Они обсуждали, как защитить её, что делать дальше, а она не слушала.

Алина прошла мимо гостиной. В углу всё ещё лежали

неразобранные подарки: какие-то в упаковке, какие-то без. Рядом — открытки, ленточки...

Она остановилась, открыла нижний ящик комода. Там, в углу находилась неприметная коробочка без подписи. Алина сначала просто смотрела, потом медленно достала, открыла. Жасмин в бирюзовом платье. Глаза, будто знающие слишком много. На шее — кулон. Алина сняла его, прохладный металл лёг в ладонь: сердце, обвитое знаком бесконечности. Кулон будто пульсировал — слабо, но ощутимо, как предчувствие.

Почему я дрожу? Не только от страха. Почему моё сердце знает, что он вернётся? Почему часть меня ждёт этого?

Она поднесла кулон к свету. На внутренней стороне оказалась гравировка. Почти незаметная: *«Ты — моя бесконечность. Н.»*

Мир будто замер. Алина стояла одна в полутёмной комнате с кулоном в руке и чувствовала, будто чей-то голос уже звучит у неё за спиной: тёплый, жуткий, слишком знакомый.

Глава 3.

Утро выдалось ясным, но холодным. Небо было слишком голубым, трава слишком зелёной. Всё казалось неуместно живым, будто мир ещё не понял: что-то надвигается.

Алина сидела на онлайн-сессии с психологом. Женщина на экране, лет сорока пяти, в мягком свитере, с ясным, спокойным взглядом, казалась укоренённой, как дерево. Рядом с ней тишина будто не давила, а удерживала, будто защищала.

— Вам страшно? — спросила она тихо.

Алина кивнула.

— Да, но не тем страхом, как в фильмах. Это... как будто где-то глубоко работает мотор тревоги. Тихо, но без остановки.

— Эти чувства связаны с конкретным человеком?

— С Никитой. — Она выдохнула. — Мы почти не общались, но у меня всё время было ощущение, будто он зашёл дальше, чем должен.

— Расскажите, что вы знаете о нём.

Алина отвела взгляд. Говорить было неловко, будто она выдавала чужую тайну, которой не хотела владеть.

— У него тяжёлое прошлое. Мать — срывы, психиатрия; отец ушёл. С девяти лет жил почти на улице. Потом условка за драку, байкерские тусовки, подполье, какие-то связи

с криминальными людьми, неформальные группировки, видео с насилием... Артём нашёл о нём досье... там всё это было.

— А лично Никита что рассказывал?

— Почти ничего. Он больше наблюдал. Смотрел, будто уже всё про меня знал. Один раз сказал: «Ты такая же, как она. Только тебя ещё можно спасти».

— Она?

Алина чуть сжалась.

— Думаю, он имел в виду свою бывшую, Кристину. Её убили, жестоко. Он не говорил прямо, но всё, что делал, похоже на попытку исправить то, что не смог тогда.

Психолог долго молчала, затем кивнула.

— Возможно, он перенёс вину на вас или зафиксировался не на личности, а на возможности, на шансе сделать всё иначе.

— Но ведь у нас не было отношений, — прошептала Алина. — Я ему ничего не должна.

— Чтобы стать частью чужой травмы, не нужно быть близкими, иногда достаточно просто напомнить.

Алина тихо усмехнулась.

— Он никогда не говорил, что любит. Но всё, что делал... как будто верил, что спасает.

— Это не забота, Алина, — мягко сказала психолог. — Это насилие, завёрнутое в миф о спасении. Он действует не из любви, а из боли и потребности контролировать хоть что-

то в этом мире.

— И это «что-то» — я?

— Не вы, а ваш образ. Он придумал его и держится за него, как за спасательный круг.

Алина опустила глаза.

— Но часть меня всё равно ждёт, что он появится, — тихо сказала она.

— Это не вина, а симптом, — ответила психолог. — Связь с тем, кто пугает и притягивает одновременно. Она не истина, просто след от боли.

Алина кивнула.

— Я его не боюсь. Он никогда не кричал, не давил. Просто приходил. Садился рядом, молчал. Но так, что в этом молчании было больше смысла, чем в словах.

Психолог взглянула внимательнее.

— Именно в этом и опасность. Он не пугает, он успокаивает. Ты начинаешь чувствовать себя в безопасности там, где тебя медленно подчиняют.

— Я чувствовала, будто он видит меня насквозь. Не снаружи, изнутри. Рядом с ним я дышала... будто наконец стала собой.

— Это иллюзия контроля, — ответила психолог. — Его молчание — инструмент. Он не говорит, потому что управляет ощущением.

— Это плохо, что я чувствую свободу рядом с ним?

— Нет. Это честно и очень по-человечески. Есть люди,

которые действуют как наркотик, точно подстраиваются под боль. Они не угрожают, они ждут.

Алина сжала пальцы.

— Но он ведь ничего не делает, не пишет, просто где-то рядом. Как охранник, а не охотник.

— Это не делает его безопасным, — спокойно сказала психолог. — Вы чувствуете покой в его тени. Но кто сказал, что эта тень всегда будет неподвижна? Если он решит, что вас «забирают», может ударить. Не по вам — по ним.

Алина вздрогнула.

— По Кириллу? По Артёму?

— Возможно. Он может решить, что они держат вас в клетке.

Алина молчала.

— Но он ведь просто... есть, как дыхание где-то за спиной. Не страшно, наоборот, легче.

— Это и есть связанная угроза, — объяснила психолог. — Когда чувство опасности ассоциируется с защитой. Когда тот, кто может ранить, кажется единственным, кто способен уберечь.

Экран телефона мигнул. Новое сообщение. Алина машинально взглянула и застыла.Номер неизвестен. Текст короткий:

«Ты не одна. Я рядом. Они не поймут, зачем я здесь.

Но ты — поймёшь. Я не наврежу.

Я — твой воздух. Дыши. Просто дыши.

— *Н.»*

Алина сжала телефон. Внутри будто прошёл холодный ток: не боль, не ужас, а ощущение, что кто-то только что коснулся её изнутри.

— Это он, да? — спросила психолог.

Алина кивнула.

— Он рядом. И мне... почему-то легче.

— Что вы чувствуете сейчас?

— Что это ненормально, — тихо сказала она. — Но часть меня всё равно хочет верить.

— Это не любовь, Алина. Это зависимость от боли.

— Но он не злой, не чудовище. Просто... потерянный человек. Если бы кто-то тогда выслушал его, может, всё было бы иначе.

— Возможно, — кивнула психолог. — Но вы не обязаны его спасать. Спасение работает, только если оба идут к свету. Если один тянет вниз, вы утонете вместе.

Алина кивнула.

— Он очень хочет быть нужным, но делает это так, что все бегут.

— Потому что путает нужность с контролем, — ответила психолог. — А контроль — это не связь, это страх потерять.

Алина сжала руки, потом вдруг подняла взгляд:

— Знаете, что странно? Когда Кирилл с Артёмом разговаривали с ним — ну, пытались выяснить, кто он, зачем он появился, он их провоцировал, очень жёстко. Выводил на

эмоции, говорил гадости, играл словами, но он ни разу...

— ...не тронул их, — закончила психолог.

Алина кивнула.

— Ни одного удара. Ни попытки напугать физически. Хотя, я уверена, он умеет.

— Это важное наблюдение, — тихо сказала психолог.

— О чём это говорит?

— О внутреннем кодексе, — ответила она после паузы. — Даже у разрушенного человека может быть своя этика: система «кого можно», «кого нельзя». Возможно, он не боится Кирилла и Артёма, но считает их не главной мишенью. А может он держит себя, чтобы не потерять вас окончательно.

Алина задумалась.

— То есть он опасен, но контролируемо?

— Пока да. Но контроль, основанный на чувствах, нестабилен. Вы для него якорь, и в то же время буря. Если он почувствует, что вы уходите, он может сорваться или исчезнуть. Всё зависит от того, что он сам сочтёт предательством.

Алина перевела дыхание, взгляд скользнул в сторону.

— А если я хочу понять его?

— Тогда слушайте, когда придёт момент, — сказала психолог. — Но не теряйте себя и не пытайтесь лечить того, кто не хочет быть вылеченным.

Алина усмехнулась, но без улыбки.

— Он так хочет быть нужным, но делает всё, чтобы оттолкнуть.

— Потому что путает нужность с контролем, — вновь повторила свои слова психолог.

***

Тем временем Кирилл был в участке. Местный отдел полиции выглядел точно так же, как и двадцать лет назад: облупленные стены, чайник с известковым налётом, старый системный блок, гудящий под столом. Кирилл сидел на жёстком пластиковом стуле, скрестив руки.

Перед ним — мужчина лет под пятьдесят, с серыми мешками под глазами и выражением хронической усталости. На бейджике значилось: «Майор Лисов».

— Нам нужно посмотреть список людей, которые могли получить доступ к личной информации, — повторил Кирилл. — К персональным данным, адресам, базе водительских прав, социальным аккаунтам, справкам. Всё, что хоть как-то связано с Никитой и Алиной.

Майор не смотрел на него, он крутил в руках ручку, как привык крутить бесконечно одни и те же пустые жалобы.

— Вы сами подтвердили, — сказал он, не поднимая глаз, — что Никита Серов официально мёртв. Есть заключение экспертов по ДТП, обгоревшее тело, совпадение ДНК.

Кирилл сдержанно кивнул.

— Да. Только он, видимо, не в курсе, потому что пишет ей СМС. Подробные, эмоциональные, с фразами, которые никто другой знать не может. Он знал, где она будет справлять день рождение и оставил ей подарок.

Майор приподнял брови.

— Угрозы?

— Пока нет.

— Тогда, простите, мы не можем завести дело.

Кирилл нахмурился:

— Почему?

— Нет состава. Ни угрозы жизни, ни насилия, ни проникновения в жилище. Никаких оснований. Даже если вы уверены, что это он — всё, что мы можем сделать сейчас, это принять заявление и закрыть папку. Потому что, по бумагам, Серова не существует.

Кирилл смотрел на него, как на часть системы, которая умеет только стоять в стороне.

— Послушайте, он давно не дурак. У него есть навыки скрываться, он мог получить доступ к досье, к цифровым архивам, к аккаунтам и если он пишет ей, он уже нашёл способ обойти всё, что вы считаете безопасным.

— Мы проверим активность по номеру, — вздохнул Лисов. — Но если там виртуальная симка или VPN, найти его будет практически невозможно.

Кирилл встал.

— Пока вы ищете сигналы, он может уже сидеть в соседнем доме. А если мы дождёмся угрозы?

— Тогда, возможно, будет поздно, — сказал Лисов. И тут же пожал плечами: — Я понимаю вас, правда. Но без фактов, без угроз, без физического контакта это не дело, это догадка.

— Это не догадка. Это началось. И если вы не отнесетесь к этому всерьёз... кто-то пострадает.

Майор развёл руками.

— Оставьте заявление. Мы зафиксируем.

Кирилл подошёл к стойке, заполнил бланк, подписал, подал. Всё как положено. Только уже знал — бесполезно. Он вышел из участка, не попрощавшись, и, захлопнув дверь, тут же набрал номер.

— Глухо, — сказал в трубку. — Всё по регламенту. Не угроза — значит, нет дела. Заявление приняли и положили в стол.

— Я уже всё уладил, — голос Артёма на том конце прозвучал коротко и жёстко. — Люди наготове. Организуем сеть и поймаем его сами.

— Тихо?

— Без лишних вопросов и без огонька. Пока.

Кирилл на секунду закрыл глаза.

— Пока.

Он убрал телефон и сел в машину. На панели мигнул красный сигнал — «низкий уровень топлива». Кирилл не заметил, он смотрел вперёд и знал: теперь они действуют сами.

***

Артём стоял на заднем дворе, между гаражом и высокой туей. Он курил, медленно затягиваясь, как будто дым мог хоть немного приглушить внутреннее напряжение.

Телефон поднесён к уху. Он чертил носком ботинка на

гравии какую-то линию — привычка, которая осталась ещё с курсов выживания.

— Он мог быть на том ралли? — спросил он наконец, негромко. — Тот, кого в протоколе вписали как «неизвестный гонщик». Без документов, с фальшивыми номерами. Это мог быть он?

На том конце провода — хриплый, обкуренный голос, как будто насквозь пропитанный моторным маслом и десятками ночей на шоссе.

— Мог.

И если это он, значит, он не просто вернулся. Он проверяет, кто будет искать и как. Артём сжал пальцами корпус телефона.

— Я найду его.

— Ты не найдёшь его первым, — ответили спокойно. — Он уже нашёл вас.

Повисла пауза. Гудок мотора где-то внизу напомнил о близости дороги. Артём закурил вторую.

— Мне нужен список всех, кто участвовал в подпольных гонках за последние два месяца. Неофициальных. Всё, что не в базе.

— Уже работаем, но таких людей не ищут, они ищут сами. Никита всегда играл на опережение. Даже в 2023-м, когда мы думали, что его закроют, он вышел через три дня, потому что просчитал всё.

— Значит, мне нужно просчитать его.

— Ошибаешься, Арт. Тебе нужно стать непредсказуемым. Он играет против алгоритма. Не лезь на рожон, он не терпит прямолинейных.

Артём затушил сигарету об металлический край ограждения. Пепел рассыпался, как крошечная угроза.

— Ты боишься его?

— Я уважаю его, а это хуже.

— Мне плевать, — бросил Артём. — Он тронет её, я порву ему горло.

— Он не тронет её. Он ждёт, когда она сама сделает шаг или ошибётся. И ты знаешь, что она может.

Артём закрыл глаза. Один вдох. Один выдох.

— Тогда мы не дадим ей ошибиться.

Он сбросил звонок, открыл хранилище в гараже, ввёл код и достал планшет. На экране открылась схема поселка с камерами, точками доступа и периметром. Он начал расставлять «слепые зоны», обозначая те участки, куда не дотягивалась штатная система. Артём больше не верил в штат.

Глава 4.

Сигарета тлела, почти не дымя. Никита сидел на бетонной плите, в тени давно заброшенной заправки, и смотрел в ночь. Из труб торчала арматура, как сломанные пальцы. Далеко внизу горели огни. Посёлок. Там, где она.

Он бывал здесь часто. Не жил, а возвращался. Место цепляло чем-то своим: тишиной, высотой, ощущением забвения. Никто сюда не заходил. Никого не интересовало, что осталось от этой развалюхи у трассы, а ему было нужно именно такое место, где можно просто смотреть. Сюда он приходил, когда не знал, куда девать себя, когда нужно было быть рядом, не подходя близко.

Он затянулся не в удовольствие, а по привычке. Курево было дешёвое, руки покрывала тонкая пыль, как всегда. Чисто, но не вымыто. На плече висела старая кофта, и запах гари накрепко въелся в ткань. Он вспомнил ту ночь.

На трассе творился ад, рваный и ослепительный, с хрипом металла и запахом горящей резины. Машины складывались в груды искорёженного железа, искры летели, как пули, а воздух дрожал от жара.

Никита стоял на обочине, оцепенев. Под ногами хрустел гравий, плечо жгло — выбито, губы разбиты, дыхание срывалось. Его выбросило из машины, метрах в десяти. Он не сразу понял, что жив: просто стоял, слушал, как что-то тре-

щит, дышал и не чувствовал собственного тела.

Витёк остался внутри, он был за рулём. Напарник, с которым Никита прошёл сотни ночных трасс. Угрюмый, надёжный, из тех, кто не задаёт вопросов. Пять лет — как одна дорога.

Сегодня вести должен был Никита. Машина оставалась на нём, а документы лежали в бардачке. Всё просчитано, всё по плану. Но в последний момент он вдруг сказал:

— Ты сядь. Я посмотрю со стороны.

И Витёк сел.

Никита не сразу понял, что забыл документы, думая, будто оставил их в рюкзаке, как всегда. Витёк ничего не проверил. Теперь кузов пылал, крыша обугливалась, и вдруг он увидел рядом с машиной свой чёрный кожаный бумажник. За рулём сидела объятая пламенем фигура.

Гонка была оформлена на имя Никиты Серова, а за рулём находилось сгоревшее тело. Значит... мёртв он, Никита Серов, и его имя завтра появится в сводках. Тогда в голове Никиты вспыхнула холодная, ровная мысль, подобная пулевому попаданию в затылок: «Это шанс. Исчезни. Никто не будет искать Витька. А Никиту похоронят». Это не побег, а настоящее перерождение.

Вокруг всё ещё гудел хаос. Дымились машины, сирены надрывались, воздух был густ от гари и крика. Кто-то звал по имени, кто-то рыдал, кто-то снимал на телефон, но Никиту никто не заметил, никто не знал, что он был здесь.

Он поднялся, пошатнулся, достал из рюкзака второй телефон, цепочку, карточку — всё, что могло выдать, кем он был. Положил рядом с машиной. Не бросил — положил. Аккуратно, как крест на могилу. Потом вытер лицо рукавом. Дым, пепел, кровь — всё смешалось. Он посмотрел на огонь и отвернулся.

В ту ночь Никита Серов сгорел, а тот, кто вышел из огня, уже не был им.

Он шёл в темноту без страха. Теперь у этой тьмы было имя и своя игра. В мире, где Никита мёртв, можно быть кем угодно — тенью, эхом, дыханием за спиной. Можно смотреть и оставаться невидимым. Можно жить без права быть найденным. Он перешёл черту и впервые за долгое время почувствовал, как бьётся сердце. И это был удар не от страха, а от самой жизни.

***

Никита шёл всю ночь, сначала по просёлочной дороге, потом вдоль железнодорожных путей, где трава липла к ботинкам, а шаги будто тонули в сырости. В голове звенело от боли и выжженного воздуха, но тело шло само, из необходимости.

К рассвету он добрался до места, которое когда-то сам выбрал: старый сарай на краю частного сектора. Когда-то здесь жил старик, чинивший велосипеды и продававший керосин. Теперь здесь была только тишина, покосившийся забор, обугленные стены и стёртая вывеска.

Это было его «если что». Не убежище и не план спасе-

ния, просто точка на карте, где можно было исчезнуть на сутки-другие, если всё пойдёт не по сценарию. Он готовил это место заранее. Потому что в его мире вопрос «а если?» всегда стоял рядом с риском:

«Если погоня».

«Если кто-то сдаст».

«Если сорвётся».

«Если выстрелит первым».

В углу, под старыми покрышками, лежал металлический ящик. Всё было на месте: кнопочный телефон, запаянный конверт, свёрток с документами. Никита достал телефон, включил. Экран мигнул: 76% заряда. Хватит. Он заряжал его заранее, потом держал выключенным. Это был его резервный выход не для связи, а для исчезновения.

Рядом лежал запаянный конверт с новой SIM-картой, без имени. Он открыл его, вставил карту в слот. Один номер — одна попытка. Света знала сигнал: незнакомый вызов без сообщений, без повторов. Они договорились об этом когда-то, на всякий случай. Тогда всё казалось игрой.

Обычно такие тайники заводят параноики или профессионалы. Никита был и тем, и другим. Он не думал, что придёт сюда именно так — выжженный, с трещиной в плече и грязью под ногтями. Но когда, шатаясь, толкнул дверь и увидел сумку, обрадовался. Он уже однажды спас себя, только задолго до того, как всё пошло к чёрту.

Никита держал телефон в руке, будто тот весил больше

килограмма. Большая кнопка вызова была тусклой и стёртой. Он смотрел на неё долго и всё же нажал. Один гудок, длинный. Тишина. Второй. И вдруг послышался голос, родной и спокойный.

— Жив?

Не вопрос, а проверка факта.

— Пока, — выдохнул он.

— Где ты? — голос сестры чуть дрожал.

— Неважно. Слушай внимательно. Мне нужно, чтобы они подумали, что я сгорел. Что я был в той машине, на гонках.

Света замолчала. Никита слышал, как она делает медленный вдох, слишком долгий. Не потому что не поняла, а потому что поняла с первого слова.

— Там кто?

— Витёк. Он остался, сгорел.

— А ты?

— Я ушёл. Случай. В машине мои документы.

— И ты хочешь...

— Хочу, чтобы его похоронили как меня.

Снова пауза.

— Ник, это не шутка.

— Я знаю. Я больше не хочу быть тем, кем был. Помоги мне умереть. Официально.

— Что нужно делать?

— Ты медсестра, у тебя есть доступ, знакомые. Там будет тело. Без опознания надо, чтобы всё сошлось.

— ДНК?

— Да. Что-нибудь из моих проб. Действуй как сочтёшь нужным. Сделай так, чтобы Витька приняли за меня. Пусть отпечатки не берут, пусть не копают, пусть закроют дело как «понятную трагедию».

— Ник, ты с ума сошёл. Это незаконно. Понимаешь, чем это обернётся?

— Это свобода. Это жизнь. Это начало.

Никита услышал, как что-то скрипнуло, будто Света опустилась на стул.

— Ты же знаешь, я не спрошу, почему, — заявила она наконец.

— Спасибо тебе за это.

— Я сделаю всё, что смогу.

— Не надо больше, чем сможешь. Только чётко.

— Ты уверен?

Никита закрыл глаза.

— Я впервые чувствую, что это правильно.

Она не попрощалась, просто отключилась, а он остался в темноте. Один, без имени, с новой жизнью, родившейся из пепла.

***

В первые дни Никита почти не спал. Тело выживало на инерции, разум находился на отчуждении. Он просыпался от звуков собственного дыхания, вздрагивал от света, держал нож рядом с подушкой, хотя знал — никто его не ищет. По-

тому что все были уверены: он мёртв.

Света сделала всё, как он просил: подменила, замела, задокументировала. В протоколе было имя «Никита Серов», а в морге — тело, сгоревшее до неузнаваемости. Никто не полез глубже, никому не нужно было больше, а значит, всё получилось.

Год назад Никита заплатил хозяину старого ангара на окраине. Сказал, что оставит технику на хранение. Хозяин кивнул, взял деньги и больше сюда не заходил. Никита тогда и не планировал возвращаться. Просто знал: в жизни, где всё держится на случайностях, должен быть один угол, где можно исчезнуть.

Теперь этот угол стал спасением.

Он толкнул створку, и петли жалобно скрипнули. Внутри витал запах металла, пыли и застоявшегося воздуха. Тот же бетонный пол, покосившаяся балка, узкое окно под потолком, откуда падала бледная полоса света. Под брезентовым тентом стоял мотоцикл, его собственный, без номеров. Он сам его чинил, перебирал двигатель ночами, заменял детали и смазывал цепь. Когда-то это был просто запасной вариант, а теперь остался единственной дорогой.

Он снял тент, провёл ладонью по прохладному металлу. Всё было на месте.

Никита поставил армейскую раскладушку в угол, бросил куртку и несколько дней почти не выходил. Привыкал к тишине. Она была новой. Раньше тишина давила на него, те-

перь стала домом. Он врастал в неё, как дерево в землю.

Позже появился Ржавый — дальнобойщик, которому Никита когда-то спас груз от ограбления. Ржавый ничего не спрашивал, просто оставил ключи от старого вагончика у лесополосы.

— Живи. Там газ и печка работает. Тебя никто не найдёт, и я тебя не видел.

Этого было достаточно.

Иногда Никита выезжал ночью на старом, потрёпанном мотоцикле без номеров, в каске с затемнённым визором. Он ездил только ради того, чтобы купить еды, вдохнуть асфальт, почувствовать движение. Никита обходил старые улицы, не приближался к району Алины, не писал, не звонил, не дышал в её сторону. Но следил издалека, через старых знакомых. Один из них, Гриня, бывший хакер и недоучившийся программист, давно спился, но руки помнили, как подключать то, что другим не положено. Никита привёз ему пачку наличных.

— Надо смотреть за одним адресом. Камеры. Подъезды. Только глаз.

— Девочка?

— Не твоя.

Он настроил всё за день. Подключил удалённый доступ к внешним камерам охраны не напрямую, а через «серую зону». У Никиты на телефоне появился прямой эфир с калитки их дома. Он не включал звук, не приближал лицо, а толь-

ко наблюдал.

Иногда он сидел у окна вагончика, зажимал сигарету между губами, не зажигая, и смотрел в экран. Она проходила босиком по террасе с чашкой кофе, иногда смеялась, иногда касалась листьев в саду. Он видел, как она улыбается Кириллу, как прислоняется к плечу Артёма. И внутри всё сжималось не от ревности, а от чего-то другого. От острого осознания, что он больше не в её мире. Он для всех мертв, и для неё тоже.

Он не знал, как объяснить это. Она никогда не была его. Они почти не говорили, не жили вместе, даже не целовались. Но в ней было то, чего он не видел ни в ком — лёгкость, честность, умение быть живой. С ней не хотелось притворяться, хотелось просто быть. Но рядом с ней уже были те, кто дышит, кто защищает, кто имеет право. Он не должен был мешать. Пока.

Никита стал тенью, что наблюдает не ради нападения, а ради защиты. Если кто-то нарушит её покой, он появится первым.

Иногда он шептал в пустоту:

— Я рядом. Не для тебя, для себя, потому что если исчезну, ты останешься в клетке, а я в пустоте.

Никита не хотел быть бурей в её жизни, он хотел быть выбором, дыханием, шансом, если всё рухнет. Хотел, чтобы она знала — есть путь, который не ведёт назад и не держит на цепи. Пока она жила свободно, он тоже чувствовал, что

жив. И пока её мир оставался целым, он позволял себе быть лишь призраком с сердцем, которое всё ещё бьётся.

Глава 5.

Мужчины сидели в кабинете. Тёплое дерево стен, мягкий свет лампы, чашки, распечатки с камер — всё казалось безопасным. Но воздух был натянут, как струна перед разрывом.Кирилл смотрел в экран планшета. Артём курил прямо в помещении. Дым стелился между ними границей, недосказанностью.

— Он дразнит нас, — хрипло сказал Артём. — И ты позволяешь ему это делать.

— Я не позволяю, — ровно ответил Кирилл. — Я просто не бросаюсь на пустоту. У нас нет доказательств.

— Зато у нас есть глаза. И она. Ты видел её сегодня?

— Видел.

— Она разваливается, Кирилл. А ты сраный дипломат! Он издевается. Он рядом, а ты молчишь!

— Я не молчу. Я думаю.

— Пока ты думаешь, он дышит нам в затылок!

Кирилл поднял взгляд.

— И что ты предлагаешь? Поймать и избить? Как тогда?

— Тогда? — фыркнул Артём. — Тогда я должен был сломать ему череп. За то, что он думал о ней и за каждое его слово.

— Ты чуть не убил его!

— Да потому что ты помешал!

Кирилл встал. В голосе дрогнуло.

— Помешал? Я пытался остановить тебя, когда ты сорвался, как бешеный! Если бы я не встал между вами, он бы в реанимации лежал, в лучшем случае!

— И что? Лучше было бы.

— Лучше было бы, если бы ты хоть раз поставил её безопасность выше своих эмоций!

Алина стояла в коридоре. Она не слышала слов, только глухие удары голосов.Видела, как один прошёл мимо, не взглянув, а второй закрылся в кабинете.

В этот момент она перестала чувствовать себя женщиной, любимой, частью. Она была полем боя. Призом, за который идут ва-банк. Им обоим важно, чтобы она жила, но никто не спросил, жива ли она внутри. Это стало невыносимым.

Алина ушла на кухню. Села, поставила кружку, и даже не вспомнила, налита ли в ней вода. Уткнулась лицом в ладони. Её вдруг прорвало от бессилия, от этой бесконечной игры, где она главный объект, но без права выбора. Она заплакала тихо, судорожно, без крика, так, что внутри всё дрожало.

Кирилл услышал не громкий, но режущий всхлип. Он почти побежал. На кухне царил полумрак: огонёк плиты, слабый свет из окна. Алина сидела, сгорбившись над столом, будто пыталась уменьшиться до исчезновения. Плечи подрагивали, руки сжаты в кулаки. Это был не просто срыв, это был конец терпения. Конец веры, что они справятся.

Кирилл подошёл. Не знал, с чего начать. Присел рядом.

Обнял медленно, осторожно, без слов. Просто прижал, как будто держал последнюю живую часть этого дома. Алина вцепилась в его свитер, как в спасательный круг.

— Я не могу, — прошептала она, и голос дрогнул, — Ты и Артём... вы как два хищника. Но вы оба забыли, ради кого всё это. Вы соревнуетесь кто ближе, кто спасает лучше, а я просто хочу дышать.

Кирилл молчал. Слушал.

— Вы друг друга не слышите, — продолжала она. — Не ищете компромисс. Каждый хочет быть правым и сильным. А я между вами как кусок земли, за который идут сражения.

— Ты не одна, — тихо выдохнул он. — Мы с тобой.

— Вы рядом, — она вскинула взгляд. — Но вы давите. Вы оба будто два стальных нерва, натянутых над моей головой. Один шаг, и взорвётесь.

— Я стараюсь... — начал Кирилл.

— Я не трофей, Кирилл! — перебила она. — Не слабое звено. Я просто устала. Хочу жить, дышать, быть собой, а не объектом охраны. Не хочу выбирать между вами, не хочу быть центром шторма. Я просто хочу покоя.

Она зарылась лицом в его грудь. Тело дрожало. Кирилл крепче прижал её к себе, положил подбородок на макушку. Он тоже дрожал, но молчал, потому что слов уже не хватало.

Она не боялась Никиту. Она боялась остаться одна между двумя друзьями, которые из любви теряли её.

***

Поздний вечер. Воздух в саду стоял густой, как перед грозой. Луна светила слишком ярко, будто нарочно высвечивая чужие лица и несказанные слова. Артём стоял у фонаря, облокотившись на перила. Курил. Кирилл находился чуть в стороне, руки в карманах, взгляд в землю. Они говорили шёпотом, напряжённо.

— Ты опять решил всё за неё? — Артём бросил окурок. — Думаешь, раз мягче говоришь, то имеешь больше прав?

— Я не решаю за неё, — отрезал Кирилл. — Я оберегаю.

— От кого? От меня или от себя?

— Ото всех, даже от тебя.

— Ты всё ещё думаешь, что она выберет тебя?

— Я вообще не думаю о выборе. Я думаю, как бы её не потерять.

— А я, как бы она вообще осталась жива, Кирилл.

Пауза, секунда и Кирилл шагнул ближе.

— Ты не слышишь ничего, кроме себя. Ты действуешь, будто один, но она не твоя.

— Твоя?

— Нет. Она ничья. Но если ты её сломаешь, я этого не прощу.

Артём вспыхнул.

— Я не Никита.

— Иногда ты не лучше.

И всё. Рвануло. Артём толкнул его не сильно, но с яростью. Кирилл ударил в ответ словом, но это было хуже:

— Ты не спасаешь её. Ты тот, кого она боится, когда ты злишься.

Они вцепились друг в друга не как враги, а как те, кто слишком долго делил одно пространство, чтобы теперь просто разойтись с миром. Звук тяжёлого дыхания, хруст под ботинками, сдавленные фразы.

И тут выбежала Алина в рубашке, босиком, волосы спутаны. Глаза мокрые от слёз и злости.

— Да вы что творите?! — закричала она. — Вы с ума сошли?!

Они обернулись. Оба. В миг застыли. Она стояла, дрожащая, будто не воздух, а гнев держит её вертикально.

— Сколько можно?! Вы хотите для меня защиты?! Так защищайте! Но не друг от друга! Не с кулаками!

Она вбежала между ними и начала лупить своими женскими кулачками по их телам, по рукам, куда попадала.

— Вы оба меня душите! Каждый по-своему! Один молчанием, второй напором! Я устала! Я не вещь, не знак вопроса, не флаг, за который дерутся! Я человек! Женщина! И я... я просто хочу, чтобы вы были рядом, а не превращали мою жизнь в поле боя!

Артём схватил её за запястья мягко, но крепко, притянул к себе, прижал.

— Всё, тихо... тише... все будет хорошо.

Она замерла у его груди, чуть дрожала. Он гладил её по спине, по волосам. Дышал рядом. Кирилл стоял, смотрел на

них. Лицо мёртвое, только губы дрогнули. Он медленно развернулся, прошёл мимо. Не сказал ни слова, исчез в доме. Через минуту хлопнула дверь спальни.

***

Никита сидел, уставившись в монитор, где всё уже стихло: в саду даже листья, казалось, перестали шевелиться. Фонарь тускло мерцал, дверь дома заскрипела и закрылась, но в голове у него всё ещё звучал её крик, её рыдания, удары руками по телам тех, кто должен был её защищать. Никита не двигался и почти не моргал: внутри что-то хрустнуло, далёко и точно, как перелом.

— Всё так просто, — прошептал он себе. — Один толчок, одна статуэтка, один кулон, одно сообщение, и вы уже не герои, уже не опора, не щит. Готовы рушить изнутри свой союз.

Пальцы медленно пробежали по губам. Он слушал тишину, как слушают бой часов. В его голове вырисовывались лица: Кирилл — тот, кто устраивает охрану и схемы, кому проще выстраивать систему, чем смотреть людям в глаза, когда они рушатся; Артём — тот, кто рвёт и играет пожаром, но боится падения глубже, чем его собственная боль. И она — Алина: птица с подрезанными крыльями, которая всё равно помнит вкус ветра и умеет летать, даже если клетка украшена позолотой.

Он глубоко вдохнул. Слова рождались точно, как приказ самому себе:

— Я не собираюсь её похищать. Это не кража, если человек перестал быть своим в собственном доме. Это не преступление, если душа кричит о свободе. Я не хочу отнимать её у кого-то, я хочу вернуть ей её саму.

Никита посмотрел на экран, чуть наклонился, как будто так лучше слышал собственный план. Медленно опустил руку и нажал клавишу. Экран погас. Решение было принято.

— Ещё одно касание, — прошептал он, — и она сделает шаг: либо навстречу свободе, либо прямо с края.

Тишина ответила ему ровным, холодным эхом.

Глава 6.

«Ты устала. Я это вижу. Я не вхожу, н е мешаю.

Просто напоминаю: ты сильнее, чем они думают. И свободнее, чем сама веришь.

Если когда-нибудь тебе станет душно — я рядом. Молча. Просто... рядом.

Твоя бесконечность - Н.»

Алина сидела в кресле, сжимая в руке телефон. Экран внезапно вспыхнул. Незнакомый номер. Пальцы дрогнули, но она всё же открыла сообщение. Прочитала один раз, а потом перечитала снова. Грудь сжалась от странного, липкого чувства дежавю, словно этот невидимый отправитель знал её слишком близко, слишком точно. Она не ответила, не удалила сообщение и никому ничего не рассказала. Просто погасила экран и прижала телефон к груди, словно охраняя внутри его голос.

***

— У тебя точно сегодня нет ничего срочного? — спросил Кирилл, завязывая галстук на ходу.

— Всё по моей части пока заморожено. Два дня, и можно вернуться в ритм, — ответила Алина, поправляя ворот свитера.

— Значит, перерыв официально подтверждён, — вставил Артём, заглядывая в кухню. — Отдыхай, пей чай, гуляй. Мо-

жешь даже не открывать мессенджеры.

— Так вы меня списали, да? — попыталась пошутить Алина.

— Мы тебя оберегаем, — серьёзно сказал Кирилл. — И если решишь выйти, только с охраной.

Через час они уже разъехались. Кирилл поехал на встречу с охраной, Артём в офис. Алине нужно было всего ничего: аптека и магазин. Рома, охранник, был спокоен, неразговорчив. Подогнал машину, открыл дверь, промолчал всю дорогу.

Алина смотрела в окно. Мысли летали медленно, как чайки на ветру. Где-то в глубине всё ещё звенело сообщение от Никиты. Оно отпустило, но не ушло.

На подъезде к дому машина дёрнулась. Глухой хлопок.

— Чёрт... — выругался Рома. — Колесо. Шип, наверное, или стекло. Сейчас гляну.

Он вышел, обошёл машину, открыл багажник.

— Пять минут, Алина Сергеевна. В багажнике запаска, не переживайте.

Алина кивнула и тоже вышла. Неподалёку стояла старая лавка, за ней — узкий склон и кустарник, тропинка, ведущая в сторону леса. Место выглядело диким, но странно спокойным. Она села. Сложила руки на коленях, глядя в точку, где ветер колыхал траву.

Тело почувствовало раньше сознания. Спина напряглась. Воздух стал плотнее. Она повернула голову и увидела его.

Никита стоял чуть поодаль: в кроссовой куртке, с расстёгнутым воротом, шлем в одной руке. Он поднял ладони, будто сдавался.

— Не бойся, Жасмин, — сказал тихо. — Я твой. Не враг, не призрак. Просто... друг.

Алина не двинулась, только осторожно кивнула. Он подошёл ближе, ровно на то расстояние, где уже чувствуешь дыхание, но ещё трудно дотянуться.

— Я здесь, потому что вижу, когда тебе больно, — продолжил он тише. — Не потому что шпионю, а потому что ты не просто женщина, ты буря. И когда эта буря затихает, я знаю: что-то идёт не так.

— Ты следишь за мной? — её голос был едва слышен.

— Да, — честно ответил он. — Потому что ты не умеешь просить о помощи. А я... умею приходить, когда необходимо.

Она сжала пальцы.

— У меня есть двое. Два сильных, настоящих мужчины. Я их люблю. Они моя семья. Ты зачем всё рушишь?

Он посмотрел прямо в глаза без злости, без тени колебания.

— Я ничего не рушу. Я просто напомнил, что строить нужно на крепком. Иногда достаточно одной трещины: их ошибки, твоего сомнения, чужого слова. Я просто ускорил момент правды, чтобы ты увидела — не всё так крепко, как кажется.

— Это не честно.

— А честно, когда ты не спишь по ночам, потому что не знаешь, кого из них не ранить?

Он сделал шаг ближе.

— Честно, когда ты притворяешься спокойной, чтобы не быть лишней. Жасмин... ты не лишняя. Ни для кого. Но со мной ты не часть игры, ты центр, её смысл.

Он положил ей в ладонь небольшой камень. Его пальцы лишь скользнули по её коже — тепло осталось, как тлеющий след.

— Я не зову тебя. Я просто напоминаю, что я есть. Когда воздух кончится, вспомни, кто умеет открывать двери, а не запирать.

Он повернулся и ушёл, только ветер остался, и биение в её шее, частое, пульсирующее, будто от предчувствия.

Позади щёлкнул домкрат. Рома поднялся, вытирая руки о тряпку:

— Всё готово. Можно ехать, — сказал он спокойно, даже не взглянув в её сторону.

Он не заметил ни второго дыхания в воздухе, ни взгляда из-за деревьев. Алина поднялась медленно, словно возвращалась не с лавочки, а из сна. В ладони лежал камешек, уже остывший, но тень тепла от его прикосновения осталась.

***

Дом спал. Артём в гостиной смотрел новости, делая вид, что слушает. Кирилл давно ушёл в спальню, но тусклый свет под дверью всё ещё горел.

Алина лежала в своей комнате, той самой, которую Кирилл и Артём настояли обустроить отдельно. Небольшая, светлая, с креслом у окна и тонкой белой шторой, она была редким островком, но необходимым. Иногда она спала с ними: часто — втроём, реже вдвоём. Но были дни, когда она не справлялась даже с их любовью. Когда тепло превращалось в давление, забота в удушье, а желание защитить в ощущение, что от неё ждут слишком многого. И тогда она уходила сюда, чтобы дышать, чтобы побыть одной, чтобы снова стать собой.

Сегодня был именно такой вечер. Алина лежала на боку, лицом к окну. Занавески тихо колыхались от сквозняка, прохладный воздух щекотал кожу, а тело будто лихорадило изнутри. Не от стыда и не от вины, а потому что всё внутри звенело, как нежные колокольчики.

На тумбочке стояли лампа, стакан воды и маленькая шкатулка, куда она аккуратно положила камешек перед сном. Обычный, холодный. И всё же казалось, он жил своей жизнью, словно знал, что стал символом, якорем или ловушкой.

Она осторожно открыла крышку шкатулки, достала камень, провела по его гладкой поверхности пальцами, а потом сжала в ладони. Так и осталась лежать, с кулаком под щекой, с тишиной в голове и пульсом, который не давал уснуть. Слова вертелись внутри, словно записанные на плёнку, и снова включались, стоило закрыть глаза: *«Ты не лишняя. Со мной ты — центр. Когда дышать станет нечем, вспомни, кто*

умеет открывать двери».

Алина зажмурилась. В темноте ей будто снова явилось его лицо, чуть насмешливое, тёплое. В нём было что-то дикое, но не опасное... пока. Будто он держит зверя на цепи, но только ради неё. И страшно было не то, что он жив, не то, что следит, а то, что часть её души ждала этого присутствия, этой игры опасного доверия. Как возвращения запаха после дождя. Как легального безумия, которое можно позволить себе хотя бы раз, чтобы понять, кто ты на самом деле.

Она прижала камешек к груди.

— Только не ломай меня, — прошептала. — Если ты действительно меня чувствуешь, не ломай.

Но в ответ была лишь тишина. И всё же внутри что-то дрогнуло, как будто он действительно был рядом. Слышал. Молчал. Ждал.

Глава 7.

День клонился к вечеру, но жара не спадала. Солнце било наискосок, отсвечивая от гравия, прожигая стекло, распаляя металлические ручки дверей. Во дворе витал тёплый, почти детский запах — дым от углей, специи, что-то уютное, простое и будто бы не отсюда.

Кирилл стоял у мангала с щипцами в руках, задумчиво ворочил мясо. На нём надета простая футболка с короткими рукавами и шорты. Летний образ, почти расслабленный, но плечи всё равно зажаты, будто он готов к атаке, даже здесь, на собственной земле.

Артём развалился в плетёном кресле под навесом, одной рукой обхватил бутылку пива, вторую закинул за голову, нога на ногу. Внешне ленив, небрежен, но глаза слишком внимательны.

— Ты вообще в курсе, сколько стоила эта мебель? — проворчал Кирилл, не отрывая взгляда от мангала.

— Учитывая, что ты её выбирал месяц? Миллион нервов и половина твоей печени.

— Каблуками не пинай. Там ротанг, он нежный.

— Как твои чувства, — ухмыльнулся Арт.

Кирилл хмыкнул:

— Напомни мне, зачем я вообще тебя кормлю?

— Потому что без меня ты был бы тревожный зануда с

гастритом и без вкуса к жизни.

— Без тебя я бы хотя бы спокойно жарил мясо, а не вспоминал, как кто-то орал во сне.

— Один раз было.

Кирилл бросил на него взгляд через плечо:

— Два.

— Первый не считается. Там комар укусил.

Они оба рассмеялись. Смех был настоящим, лёгким, как воздух после бури, но он быстро ушёл. Вечер снова налился тягучим молчанием. Кирилл перевернул последний кусок мяса, вдохнул:

— Всё равно не так. Чувствуешь?

— Ага, — тихо ответил Артём. — Словно это не дом, а клетка. И мы уже не знаем, кого в ней держим — её... или себя.

Кирилл хотел ответить, но дверь за его спиной хлопнула чуть громче обычного. Они обернулись.

Алина шла босиком по ступеням. На ней — лёгкая юбка и короткий топ, а плечи тронуты солнцем, будто кто-то пальцами прошёлся по коже. Волосы еле колыхались от лёгкого ветерка. Она не смотрела на них. Её взгляд был направлен за изгородь, туда, где кончается безопасная территория.

Артём поднял глаза первым.

— Эй, — позвал он мягко. — Иди сюда.

Она подошла. Он убрал бутылку, ладонью провёл по её бедру, медленно, почти извиняясь. Легко приобнял за ноги.

— Всё хорошо, — сказал почти шёпотом.

Кирилл бросил взгляд на них и отвернулся, сделав вид, что сосредоточен на мангале.

— Присаживайся, Али, — негромко сказал Кир. — Еда почти готова.

— Я не голодна, — её голос был спокойным, ровным. Но в этой ровности что-то дрогнуло. — Я просто хотела подышать.

Артём сжал её колено.

— Ты снова отдаляешься. Мы здесь, рядом, а ты будто за стеклом.

— Вы всегда рядом, — медленно произнесла она. — Вот только от этого становится душно.

Повисла пауза. Ветер качнул листву. Ни один из парней не пошевелился.

— Душно от чего? — спросил Кирилл, хрипло, как будто через силу.

— От того, что я больше не чувствую, где заканчиваюсь я и начинаются ваши страхи.Вы смотрите на меня, как на хрупкий сосуд. Разобьюсь, и осколки вам собирать, а я не хочу быть вашим хрусталём.

— Потому что ты уже трещишь, Али, — выдохнул Артём. — Мы это видим. Тебя почти нет.

Она отстранилась медленно, будто обжигаясь. Села напротив спокойно, решительно.

— Я просто живу, Арт. Просто живу, а вы как стены: на-

дёжные, прочные, но я зажата между ними. Вы держите меня крепче, чем Никита когда-либо смотрел.

Кирилл напрягся. Артём поднялся резко, как от удара.

— Ты сейчас сравнила нас с ним?

— Нет... — слишком быстро произнесла Алина. — Я просто сказала, что вы слишком боитесь его. Будто он заразен, а он просто человек, просто мальчик.

— Просто мальчик?! — Артём шагнул ближе. Его голос стал густым, как приближающийся гром. — Этот мальчик «просто» инсценировал смерть, устроил спектакль с пеплом и теперь играет с нами, как хочет. Ты зовёшь это «просто»?

— Ник не тронул меня ни разу. Он был внимательным, осторожным. И... — она запнулась.

— Ты только что назвала его Ник?! — Артём зарычал. — Ты в своём уме, Алина? Ты понимаешь, как это звучит?

— Это просто имя.

— Нет, не просто. Это доверие. Это, чёрт возьми, тепло. Ты будто ждёшь его.

Кирилл медленно сел, вытер руки. Его лицо стало маской.

— Алина, — произнёс он тихо. — Только честно. Ты вообще хочешь, чтобы мы его нашли?

Она посмотрела на них. Двое сильных, надёжных, как колонны, как щит. И вместе с тем как клетка, из которой нельзя уйти.

— Я не хочу крови, — прошептала Алина. — Я не хочу, чтобы вы сожрали друг друга и, тем более, меня.

Артём усмехнулся без веселья.

— Не переживай. Разберёмся аккуратно, без крови. Если только ты не встанешь между нами и этим ублюдком.

Она вскинула голову, в её взгляде запылало пламя.

— Ты серьёзно сейчас?

— А что? — голос стал острым, как нож. — Ты уже оправдываешь его. Называешь Ником. Ласково так. Защищаешь и при этом хочешь, чтобы мы стояли в стороне и молча смотрели, как он опять лезет в твою жизнь, в нашу жизнь?

— Ты... — она задыхалась. — Вы оба не слышите. Я говорю: я трещу! А вы рычите друг на друга, как волки! Вам важнее, кто из вас прав, чем как мне больно!

— Потому что мы видим, как ты исчезаешь! — взорвался Артём.

— Пошли вы оба, — сказала она, не крича, но с такой силой, что слова ударили по ним, как плеть. — Я больше не могу. Не могу жить между вами, как военный трофей, как повод для драки.

Она встала резко, почти побежала к дому. Дверь её комнаты закрылась бесшумно, но в этой тишине хлопок был бы тише.

***

Мясо уже не шипело, только тлело, покрываясь тонкой хрупкой коркой.Ветер разносил пепел по плитке, как будто пытался стереть не следы ужина, а остатки сказанного — слов, от которых теперь хотелось отмахнуться.

Где-то в листве на кроне дерева едва заметно мигнула крошечная камера. А далеко, за километры отсюда, в комнате с экранами и тишиной, Никита откинулся на стуле и глубоко выдохнул.

Он поставил чашку на край стола, взял пульт и медленно прокрутил запись назад. Звук не громкий, но достаточно отчётливый. Он слушал, как она отступает, как двое других спорят, как в её голосе и взгляде с каждой минутой становится всё меньше веры.

— Всё, — шепчет он, не улыбаясь. — Это не я её ломаю, это они. Я просто подберу, когда станет совсем темно.

Он чуть усмехнулся, уголком губ. Положил ладонь рядом с чёрным телефоном без сим-карты.

— Пора.

***

Субботний вечер тянулся вязко. Солнце уже садилось, но внутри всё ещё пульсировало. И не от жары, а от тяжёлого разговора, которого не должно было случиться. Про шашлыки все забыли, но дымка стояла не во дворе, а словно застряла в голове, где всё ещё тлели эмоции.

Алина сидела у себя в комнате, на своей личной территории, где можно было хотя бы на минуту перестать быть чьей-то. Телефон она держала в руке, а пальцы лениво листали ленту соцсетей: вверх, вниз, снова вверх. Она не читала текст и не вникала в картинки, просто механически заполняла паузы этим движением.

Дверь тихо приоткрылась. Кирилл вошёл и неуверенно остановился на пороге, потом сел рядом.

— Я не сержусь, — сказала она, не поднимая глаз.

— Я знаю, — так же тихо ответил он. — Мы... перегнули. Мы хотели как лучше, но получилось, как всегда.

Она медленно повернула голову, взглянула на него: глаза усталые, чуть припухшие, но не злые.

— Кир, я вас люблю всей кожей, каждой жилкой. Но это уже не про чувства, это про кислород. Я не могу выйти одна: йога под контролем, магазин под надзором, сон под наблюдением. Я дышу, будто у меня расписание и фильтр в лёгких и я с ума схожу от этого.

Он опустил глаза. Пальцы на коленях нервно дёрнулись, потом сжались в кулаки.

— Я хочу съездить к Лере на выходные. Просто побыть с ней. Поболтать, поспать в другой обстановке, посмотреть фильмы не боясь, что кто-то где-то подслушивает. Я прошу только на один день.

Он смотрел на неё молча, боялся, что ответ разрушит хрупкое равновесие.

— Одна? — спросил он, почти хрипло.

— Я буду с Лерой, но без охраны, без машин с затонированными окнами. Я обещаю каждые два часа присылать видео, голосовые, координаты, что хотите. Но, пожалуйста,пусть хоть этот день будет без тени за плечом.

На пороге появился Артём. Он стоял, опираясь на косяк.

Лицо напряжённое, взгляд колючий, но в нём была не злость, а что-то другое: усталость, страх, признание.

— Хотя бы пусть у подъезда кто-то будет, — бросил он.

Алина подняла глаза и покачала головой тихо, уверенно.

— Нет. Только я и Лера, и молчание. Я просто хочу перезагрузиться, пока у меня ещё есть кнопка «вкл». Обещайте.

Тишина повисла, как пауза перед бурей, а потом последовал медленный кивок.

— Мы отвезём, — произнёс Кирилл. — И не забудь: каждые два-три часа, и держи зарядку под рукой.

Алина медленно кивнула в ответ. В этом кивке была не покорность, не благодарность, а лёгкое облегчение, как будто на секунду она снова стала собой настоящей, живой, свободной.

***

Кирилл и Артём вышли из машины первыми. Солнце клонилось к горизонту, и в его мягком свете трое казались на мгновение обычными, как будто всё ещё можно было повернуть вспять.

Кирилл подошёл к Алине первым. Обнял крепко, чуть дольше обычного. Перед тем как поцеловать в губы, склонился ближе и прошептал:

— Я тебя люблю, очень. Просто помни об этом. Всегда.

Потом — Артём. Его объятие было другим: сильным, сдерживающим. Он прижался губами ко лбу, потом к виску, и, наконец, коснулся её губ. Взгляд не отрывался от её глаз:

— Я люблю тебя. Даже когда злюсь, даже когда не понимаю.

Она кивнула, с трудом сдерживая дрожь. Попыталась улыбнуться, и в этот раз получилось почти по-настоящему.

Лера, стоявшая на крыльце, подмигнула им с лёгким озорством:

— Обещаю — отмою, напою, верну в строй. Душевное равновесие гарантировано.

Алина махнула на прощание. Кирилл и Артём не ушли сразу. Они стояли, пока за девчонками не захлопнулась дверь.

***

Квартира Леры дышала теплом: яркие подушки, гирлянда над рабочим столом, кашпо с зеленью. Дом, где можно не бояться быть собой. Девочки сидели на полу, укутавшись в плед, с бокалами вина. Воздух был тёплым, молчание добрым.

— Я правда не знаю, что со мной, — прошептала Алина, глядя в бокал с вином. — Как будто сердце разрывается пополам. Никита пугает, но тянет. Это больно и в то же время живо до самых кончиков пальцев.

— Ты просто истощена, — сказала Лера, мягко наливая ещё вина. — Ты в эпицентре урагана, а всё, чего хочешь, это тихий берег, и это абсолютно нормально. Любая бы на твоём месте этого захотела.

Алина кивнула. Потом достала телефон, сделала снимок

их двоих, под пледом, с вином и уставшими, но живыми лицами. И отправила в общий чат: «Всё хорошо. Мы с Лерой под вином и пледом. Уже соскучилась. Завтра снова будем вместе, как бы ни было сейчас нелегко. Люблю вас». Поставила сердечко, потом ещё раз перечитала сообщение и улыбнулась. Хоть и на секунду, но искренне.

И тут послышался стук в дверь. Лера приподнялась, бросив на неё взгляд:

— Мы никого не ждём, наверное, курьер ошибся или сосед пришёл за солью, как обычно.

Алина осталась на месте, но внутренне сжалась. Через несколько секунд в прихожей раздался глухой звук, как будто что-то тяжёлое упало или кто-то. Алина резко встала, пошла вперёд. Всё происходило будто в вязком сне. Остановилась в дверях.

Он стоял там, сам Никита. Тёмная куртка облегала силуэт, лицо едва угадывалось в тенях, но глаза сверкали живым светом, ярким, пронзительным, обжигающим. Они проникали прямо в её душу, не упуская ни единой детали.

— Привет, детка, — сказал он почти ласково с той самой улыбкой, от которой внутри всё сжималось.

— Как ты сюда попал?! — голос Алины чуть дрожал.

— Не бойся. Я не причиню тебе зла.

— Где Лера?! Что ты с ней сделал?!

Из-за его плеча вышел второй мужчина. Он был плотного телосложения, одет в чёрное. Мужчина держал Леру на ру-

ках, словно спящую.

Он аккуратно уложил её на диван, подложив под голову подушку.

— Что ты ей сделал?! — крик сорвался с горла.

— Только сон. Хлороформ. Несколько вдохов, и она уже спит. Это минут на двадцать, всё быстро. Она ничего не почувствовала, — ответил Никита спокойно, почти заботливо.

Алина метнулась к столу, схватила телефон, но он опередил. Ловко, без резкости, просто перехватил её руку и плавно забрал устройство.

— Жасмин... Мне не нужны твои псы. Я пришёл не за этим. Я пришёл, чтобы дать тебе свободу.

— Свободу? Это ты называешь свободой?! Ты свёл меня с ума, Ник! Письма, страх, ожидание. Ты рушишь всё, что я пыталась выстроить!

— Нет, — мягко прошептал он. — Я просто показал, что оно не держится. Что всё хрупкое, натянутое. А ты не для клетки, ты для ветра.

В этот момент Алина заметила: второй мужчина уже вынимал из бедра Леры иглу.

— Что ты ей дал?! — вскакивая, бросилась она вперёд, но Никита мгновенно схватил её за плечи, удержал, не давая приблизиться.

— Диазепам, — тихо сказал он, почти шёпотом. — Успокоительное. Сон сейчас лучшее, что может с ней случиться.

— Ты... ты сумасшедший.

— Возможно, но я её не тронул и тебя не трону. Пока ты сама не захочешь, — и подмигнул.

Его пальцы скользнули по её руке. Не крепко, не принуждающе, почти нежно.

— Ты боишься меня и всё же чувствуешь, что я рядом. Всегда был и всегда буду.

Алина пошатнулась.

— Я закричу! Подниму весь дом на уши!

— Не закричишь, — прошептал он. — Потому что глубоко внутри ты знала, что я приду. Ты чувствовала.

Он достал из кармана платок и медленно начал разворачивать его, будто давал ей время отступить. Алина не двигалась. В глазах — смесь страха и странного притяжения. Только что она кричала, даже пыталась оттолкнуть его, а теперь будто забыла, как сопротивляться.

— Прости. Я не могу больше ждать, пока тебя окончательно добьют, — сказал он тихо. — Я просто хочу быть рядом, пока ты не вспомнишь, как дышать.

Слова звучали как заклинание: спокойно, уверенно, с теплотой. Она почувствовала, как напряжение в теле постепенно отпускает, как страх растворяется в тихом голосе. Рука его была твёрдой, но осторожной. Платок пах химией и его кожей. И внезапно, почти сама того не замечая, Алина позволила ему приложить ткань к лицу. Он будто фокусник, мягким словом и точным движением усмирил её сопротивление, пригласил в этот странный, опасный танец доверия.

Мир потемнел.

Глава 8.

Несколько часов назад.

Полумрак комнаты дрожал от бледного свечения монитора. Никита сидел неподвижно: лицо в резких тенях, пальцы лежат на тачпаде. На экране идёт трансляция с уличной камеры: тот же двор, те же дом.

И вдруг он замечает движение. Это машина. Алина выходит, волосы собраны, сумка на плече. Кирилл рядом, Артём чуть позади. Они садятся в автомобиль и спокойно уезжают, как будто всё под контролем.

Никита приложил телефон к уху и коротко отдал распоряжение:

— Начали движение. Найди маршрут и где остановятся. Срочно.

Через несколько минут голос в трубке дал адрес:

— Дом на Декабристов, 12. Девятиэтажка, седьмой этаж. Там живёт её подруга Лера.

Никита на мгновение откинулся в кресле и улыбнулся без радости: не триумф, а спокойная неизбежность. План слепился в голове быстро, словно ждал импульса. Никита резко закрыл ноутбук, натянул куртку, схватил рюкзак, ключи и выскочил из квартиры.

***

Света ждала его уже подготовленной. На столе лежал ак-

куратно упакованный кейс, маленький флакон, одноразовые перчатки и салфетки.

— Всё, как просил. Раствор свежий. Минут двадцать, и человек «выключен». Без боли.

Она не задавала вопросов.

— Спасибо, — кивнул Никита, взял сумку и вышел.

***

Действовал он быстро и бережно. Алину он вынес на руках осторожно, будто изготовленную из тонкого фарфора. Её тело было расслаблено, дыхание ровное; всё выглядело так, словно девушка просто спит. Напарник проверил комнату, протёр ручки, оставив минимум следов; телефон Алины аккуратно пожили рядом с Лерой.

Алину положили в машину мягко и без лишнего шума. Никита посмотрел напарнику в глаза: тихое «будь осторожен» прозвучало как наказ. Через несколько минут их уже не было: машина растворилась в потоке ночных огней и теней, несущаяся за город, туда, где не долетит ни свет фонарей, ни чужое любопытство.

***

Артём первым заметил: в общем чате было последнее сообщение три часа назад. Он нахмурился.

— Странно, — пробормотал он. — Она обещала писать каждые пару часов.

Кирилл уже проверял свой телефон, пусто: ни фото, ни голосовых. Тревога начала жечь внутри, сначала лёгким жа-

ром, потом настоящим огнём. Артём набрал: «Всё нормально?» и стал ждать. Минуты тянулись. Когда вызов не получил ответа, тревога превратилась в действие: Кирилл резко встал, Артём уже застёгивал куртку.

По пути Артём позвонил Лере. Сначала гудки, потом сброс.

Через тридцать пять минут они были у подъезда Леры, лифт рванул вверх под дрожащие удары пальцев Кирилла на кнопке. Артём быстро побежал вверх по лестнице, не сбавляя темп.

Седьмой этаж. Дверь Леры чуть приоткрыта. Миг тишины, и Кирилл ворвался внутрь.

— Алина?! — его голос рвал пространство. Артём ринулся за ним, проверяя комнаты.

— Али?! Лера?!

Нигде ни звука. Пустота была выверена, как настоящая декорация.

Кирилл первым заметил Леру на диване. Лицо бледное, холодное. Он прикоснулся к её шее. Пульс был слабым, но ровным.

— Жива, — выдохнул он, но в голосе дрогнула паника: «просто без сознания».

Артём прошёлся взглядом по квартире: плед на полу, бокалы с вином, одна подушка валяется под креслом. Окна закрыты. Никакой борьбы. Кирилл поднял с тумбочки телефон Алины; экран был чёрный, выключен. Рядом лежала её

резинка для волос, как крошечный, но тревожный знак.

Он медленно выпрямился и сказал, едва слышно:

— Её забрали...

Артём шепнул в ответ:

— Только он мог.

И они посмотрели друг на друга в этот момент не просто как друзья, как двое, кому угрожают потерей самого дорогого. Кирилл позвонил в скорую, Артём в полицию; их руки дрожали, когда они набирали номера, потому что знали: минутная пауза может стать решающей.

***

Полиция приехала тихо, без сирен. Когда звонят *свои,* всё делается иначе. Следом приехала скорая. Врач вошёл быстро, проверил пульс Леры, давление, зрачки.

— Состояние стабильное. Реакция на сильный седатив. Похоже, диазепам или хлоралгидрат, — сказал он ровно, привычно. — Медикаментозный сон. Поставим глюкозу, физраствор. Через час придёт в себя. Если нет, вызовите повторно.

***

Кирилл и Артём стояли на балконе, курили молча. Когда машина скорой уехала, в квартиру снова вошёл полицейский с блокнотом в руке и строгим взглядом. Именно в этот момент Лера пошевелилась. Пальцы дёрнулись, веки дрогнули. Она приоткрыла глаза, моргнула несколько раз, с трудом пробиваясь сквозь плотный туман. Кирилл сразу оказался

рядом.

— Лер, ты как? — тихо, почти шёпотом произнёс он.

Она попыталась приподняться, но тело ещё не слушалось. Голос был слабым, будто издалека:

— Алина...

— Где она? Что случилось? — Кирилл подался вперёд.

Лера зажмурилась, будто собиралась с силами.

— Кто-то был у двери. Я подумала, что это сосед. Он... приложил что-то к лицу. Всё потемнело. Быстро, как вспышка, я даже не успела испугаться.

— Ты его видела? — спросил Артём.

— Нет... Только голос. Спокойный, почти ласковый... сказал: *«просто расслабься»*. Я подумала это шутка шутка, а потом — провал.

Она вздрогнула.

— Алина была на кухне. Она не знала. Где она? Где?

Кирилл сжал кулаки, челюсть напряглась.

— Её нет. Он забрал её. Чёрт возьми, мы не успели.

В глазах Артема горел холодный, почти звериный огонь.

— Мы его найдём, любой ценой.

***

Алина лежала без сознания на заднем сиденье, под пледом. Грудь поднималась ровно, губы чуть подрагивали во сне. Никита время от времени смотрел на неё в зеркало заднего вида. Рядом стояла термокружка с кофе. Не для неё, для него. Дорога длинная, а ночь бесконечная, но он знал

каждый поворот.

— Потерпи, детка, — шептал он, ведя машину. — Скоро всё закончится. Ты будешь дышать. Без них, без страха. Только ты и я.

Он вспомнил тот взгляд, прежде чем она потеряла сознание: ни крика, ни ужаса. Только понимание. Как будто она знала, что он придёт.

— «Ты не закричишь», — сказал он тогда и не ошибся.

Машина свернула с трассы к заброшенной заправке. Ржавая вывеска болталась на одном крюке, колонки заросли мхом. Сюда никто не заезжал уже много лет.

Никита заглушил мотор, вышел. Под ногами хрустел щебень. Ветер шевелил обрывки баннера. На бетонной плите у колонки красовалась знакомая старая царапина, оставленная им когда-то. Никита провёл ключом по ржавчине, добавив новую — крошечное сердце с символом бесконечности. Метка. След. Напоминание.

Закурил, сделал пару затяжек. Воздух был густым, ночным. Всё шло по плану.

Вернувшись к машине, он взглянул на Алину: спокойное лицо, дыхание ровное.Он снова сел за руль. Машина мягко вошла в темноту дороги. Через сорок минут показался поворот в лес. Пыль, гравий, тишина. Колёса хрустели, фары вырывали из мрака только ближайшие стволы. Ни одного указателя, ни намёка на цивилизацию. Здесь не ловил ни один сотовый оператор.

Никита ехал медленно, уверенно. Он знал эту дорогу до каждого корня и колеи. Нашёл место ещё год назад, случайно, когда искал, где можно исчезнуть на время. Старый тренировочный лагерь, когда-то здесь проходили сборы охранных структур. Теперь только ржавая сетка, бетонные блоки, покосившиеся ангары и пара кирпичных корпусов, наполовину заросших мхом.

Один корпус он тогда расчистил на всякий случай. Без особых удобств, но жить можно: старый генератор на солярке, плитка, бак с водой, аптечка, несколько инструментов. Всё простое, подручное, но работало.

Он заглушил двигатель, прислушался: только ветер шумел в ветвях. Обошёл машину, открыл заднюю дверь, осторожно достал Алину. Тепло её тела пробивалось сквозь плед. Он прижал её ближе, вдохнул запах волос.

— Всё хорошо, детка, — прошептал. — Тише...

Внутри комнаты было холодно, но сухо. Белёные стены, стол из строительных щитов, металлическая кровать у стены, над ней висела старая лампа на проводе. На столе стояли кружка, свеча, лежала зажигалка. Пахло металлом и пылью.

Он уложил девушку на кровать, расправил волосы, убрал плед. Из ящика стола достал кожаный ремешок с защёлкой, что-то между наручником и туристическим браслетом. Внутри мягкая подкладка, чтобы не оставляло следов. Прикрепил один конец к её запястью, второй к металлическому основанию кровати. Щелчок замка прозвучал глухо, как

точка в тишине.

Он провёл пальцами по её щеке.

— Прости, Али. Только на первое время. Ты же у нас упрямая. Я не хочу тебя пугать, но здесь... если ты выйдешь в ночь, ты исчезнешь: звери, овраги, болота. Ты не найдёшь дороги.

Он смотрел на неё.

— Но я не враг, Алина, и не маньяк. Я просто... твой. Единственный, кто ни разу не предал.

Она пошевелилась, губы дрогнули, лоб нахмурился.

— Ну вот, — прошептал он. — Пора просыпаться.

Пальцы на её руке дёрнулись, ресницы затрепетали, веки приоткрылись.

— Где я? — голос был хриплым, едва слышным.

— Тсс. Не бойся. — Он наклонился ближе, глядя ей в глаза. — Всё хорошо. Ты в безопасности. Я рядом.

Сначала её взгляд был мутным, как через дымку, потом сфокусировался. Она попыталась подняться и почувствовала, что рука не двигается.

— Что это? — дыхание сбилось. — Что ты сделал?

— Не паникуй, это временно. Просто пока ты не поймёшь, что я не опасность. Здесь никто не найдёт нас, — говорил он мягко, почти ласково, как человек, вынужденный оправдываться. — Я не причиню тебе вреда, никогда. Но ты должна остаться, хотя бы... пока не услышишь меня.

Он опустил локти на колени. Взгляд спокойный, прямой.

— Хочешь, кричи. Тут всё равно никто не услышит. Хочешь, молчи. Я просто побуду рядом.

Алина резко дёрнула руку, металл звякнул.

— Ты... с ума сошёл?! — голос сорвался. — Что ты сделал?! Где я?! Это что — цепь?!

Никита не двинулся. Только посмотрел внимательнее.

— Али, дыши. Просто дыши. Я же рядом.

— Ты похитил меня! — её голос дрожал. — Как ты мог?!

Она снова дёрнулась, запаниковала.

— Артём... Кирилл... Они будут искать! Они решат, что я пропала! Что я умерла! Они сойдут с ума, Ник! Ты не понимаешь!

Он встал.

— Я понимаю, ещё как.

Он говорил тихо, но в каждом слове было напряжение.

— Если они найдут тебя сейчас, они не обнимут и не утешат. Они будут злиться и бояться — на меня за то, что я увёз тебя, на себя, потому что испугались потерять тебя, и на тебя... потому что ты стала их смыслом, и теперь они в растерянности.

— Да! Я исчезла! Потому что ты меня украл! — закричала она.

— Нет, — ответил он спокойно. — Потому что ты уже исчезала, Али. Не телом, а внутри. Ты просто плыла по течению. Я сумел вытащить тебя.

Слёзы выступили на её ресницах.

— Как ты вообще мог? Я не игрушка, Ник.

Он опустил голову, кивнул.

— Знаю. Ты — воздух. Я говорил тебе: когда дышать станет нечем, я окажусь рядом.

Он опустился на корточки у кровати.

— Я не враг, Алина. Просто сделал то, на что ты сама не решилась.

Он кивнул на окно.

— Там километры леса. Ни связи, ни дорог, только тьма и звери. Ты можешь бежать, если хочешь, но тебя быстрее найдёт зверь, чем человек.

— Ты пугаешь меня.

Он произнёс тихо:

— Пугаю, потому что правда страшная. Но я не причиню тебе боли. Я не держу тебя здесь как пленницу, ты здесь как... как странница, которая заблудилась, но может остановиться и перевести дыхание. Я хочу, что бы ты смогла уйти от всего, что давит, от тех, кто рядом, и наконец услышать себя. Чтобы почувствовала, кто ты на самом деле, когда смотришь не на других, а внутрь своего сердца.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами: ужас, растерянность и тень сомнения смешались в одном взгляде.

— Отпусти меня, — прошептала она. — Пожалуйста.

Никита медленно выдохнул.

— Отпущу, — сказал он. — Когда услышу, что ты просишь не из-за страха, а осознанно.

Он встал, отошёл к двери.

— Поспи, — тихо добавил. — Завтра поговорим.

Он вышел. Щёлкнул замок. Тишина осталась с ней, холодная и плотная, как стены этого места.

***

Проснулась она резко. Попытка сесть обернулась неприятным ощущением — запястье всё ещё было пристёгнуто. Металл держал крепко, не позволяя полностью подняться. Пришлось снова опуститься на подушку. На мгновение показалось, что это сон, кошмар, который сейчас рассеется. Но воздух был слишком настоящий — сухой, с запахом пыли, хвои и железа.

Алина медленно села, втянула воздух сквозь зубы. Жива. Одна. Прикована к кровати.На тумбочке стоял стакан воды, рядом лежали булочка и пачка влажных салфеток. И рядом — ключ. Маленький, металлический, обыкновенный. Просто лежал, словно вызов или проверка.

Через секунду он уже был в её руках. Замок щёлкнул, рука обрела свободу. Алина сразу натянула кофту и подошла к двери. Дёрнула ручку — заперто.

— Конечно, — выдохнула она.

Она прошлась по комнате. Всё чисто, аккуратно, создавая полное ощущение, что здесь действительно живут. На столе лежали блокнот и ручка. В углу возвышался шкаф с одеждой: худи, футболки, тёплый плед. Всё женское, именно её размера.

Это пугало больше, чем сама ситуация.

Алина отдёрнула занавески. За стеклом расстилался густой лес. Деревья стояли сплошной стеной, а солнце пробивалось сквозь листву золотыми пятнами. Ни дороги, ни забора, ни единого следа чужой жизни.

— Где я, чёрт возьми... — прошептала она.

Тело била мелкая дрожь. Она открыла дверь в соседнюю комнату. Там оказалась мини-кухня: раковина, плита, заварник, две кружки. На столе лежала записка:

«Я рядом. Не бойся. Утром был здесь, не стал будить. Никуда не денусь. Вернусь, и мы поговорим. Не нужно паники. P.S. Если нужно, вот карта. Только помни: за деревьями находится болото. С любовью, твоя бесконечность. Н.»

Карта была от руки: дом, несколько троп, жирная линия — *«Дальше не идти»*. Снизу стрелка: *«Тебе туда не надо. Я проверил»*.

Алина опустилась на стул. Не знала, чего бояться больше, того, что он её запер, или того, как тщательно всё предусмотрел. Он точно не маньяк. Не ломает, а выжидает, убеждает.

Дверь щёлкнула. Никита вошёл тихо. На нём простая чёрная футболка, волосы чуть влажные, в руках пакет с хлебом. Алина стояла у окна, прижав локти к груди. Он заметил: не дрожит, но напряжена.

— Доброе утро, Жасмин, — голос его был хриплым, но тёплым.

— Мне в туалет нужно, — ответила она без приветствия.

— Где он?

Никита не удивился, лишь кивнул.

— Пошли. Я провожу.

Он шёл впереди, не оборачиваясь. Она настороженно двигалась за ним. Туалет оказался за металлической дверью с засовом, но внутри было чисто и сухо. Там нашлось даже зеркало и освежитель.

Никита не стоял у входа, просто отошёл, опёрся о стену.

— Спокойно, — сказал он. — Я подожду.

Когда она вышла, он не пытался её тронуть, только проводил обратно.

Алина встала у кровати, не садясь.

— Ты ведёшь себя как... — голос дрогнул, — как маньяк. И мне страшно. Очень.

— Знаю, — тихо ответил он. — И мне жаль.

Она моргнула. Не ожидала такого ответа.

Он сел на пол, прислонился к стене.

— Жаль не то, что я тебя забрал, — сказал он глухо. — А то, что иначе ты бы никогда не услышала меня. Ты жила между двумя стенами. Красивыми, надёжными, но не своими. Я хотел показать тебе другую жизнь. Показать, что ты всё это время сидела в клетке, а за её пределами есть что-то настоящее. Хотел повернуть тебя лицом к зеркалу.

Алина выдохнула. В голове всплыл голос психолога: *«Говори твёрдо, без слёз. Спокойно»*.Она попыталась.

— Ты выбрал силу, Никита. Пусть без насилия, но всё рав-

но силу. Ты решил за меня и это страшно. Ты говоришь, что рядом, а я привязана, изолирована. Это не защита, это захват.

Он молчал. Потом поднялся, подошёл ближе.

— Можно? — спросил.

Она не ответила. Он подошёл ближе и обнял аккуратно, осторожно. Алина не сопротивлялась, но вновь вспомнила слова психолога: *«Смотри в глаза. Не бойся. Покажи, что не ты в его руках, а он перед выбором»*. Алина медленно отстранилась, посмотрела прямо в глаза.

— Это твой выбор, Никита. И последствия тоже твои. Если хочешь остаться в моей жизни хотя бы кем-то, хотя бы тенью, перестань быть моей тюрьмой.

Он ничего не ответил, только кивнул.

***

Минут через пятнадцать Никита вышел из кухни. В руках он держал старый жестяной поднос с облупившейся по краям краской. На нём стояли две тарелки: овсянка с орехами, ложка мёда и термокружка с чаем. Рядом лежали ломтики жареного хлеба и два отварных яйца. Всё просто, по-солдатски, но аккуратно, практически заботливо. Он поставил поднос на стол, поправил край салфетки так, будто в этом заключалась особая важность. Секунду смотрел не на еду, а на то, как пар от чая стелется по воздуху. Потом тихо сказал:

— Чтобы было легче просыпаться. Без еды ты сдуешься, Жасмин.

Алина не двинулась. Он сам поднёс поднос к кровати, сел рядом. Она не притронулась к еде, лишь смотрела на тарелку, сжав руки в замок. Никита не торопил.

— И как долго ты собираешься держать меня здесь? — тихо спросила она, не поднимая взгляда.

— Пока не успокоишься, — ответил он. — Пока не вспомнишь, кто ты есть.

— Ты не имеешь на это права, — голос стал твёрже. — Ты не Бог, не спаситель, не герой.Она подняла глаза, в них блеснуло раздражение.

— Ты просто похититель.

Он чуть отстранился, будто собирался что-то сказать, но не успел, Алина резко вскочила и ударила его в плечо, потом ещё раз. Её кулаки дрожали, дыхание сбивалось.

— Мразь! Как ты мог?! Ты сделал мне больно! Морально, физически, ты... ты...

Никита крепко перехватил её запястья, но без грубости.

— Али... тихо, — прошептал. — Детка, ты не хочешь этого, ты просто на грани.

— Я хочу выбраться! — выкрикнула она, но голос уже ломался, будто рвался на слёзы.

Он осторожно потянул её к себе, удерживая, пока сопротивление не перешло в дрожь.

— Всё, слышишь? Хватит. Я рядом, — шептал он.

Она билась ещё мгновение, потом обмякла, будто тело вспомнило, как дышать. Слёзы сами покатились по щекам.

Он не отпускал. Гладил по волосам, тихо, нежно.

— Не бойся, — сказал он, склоняясь к её виску. — Я не враг, я берег. Мне не нужно всё. Мне нужно, чтобы ты просто дышала.

Он наклонился, вдохнул её запах, тот самый, который ему не забыть. Её нежная кожа, мягкие волосы. Алина. Глаза его на секунду закрылись. Он будто вдыхал свободу.

Она вздрогнула. Внутри что-то переломилось. Не сломалось, а смягчилось, как лёд под первыми лучами солнца. Потом Алина выпрямилась, посмотрела ему в глаза.

— Ты ведёшь себя так, будто всё нормально, — выдохнула она. — Но это ненормально.

— Конечно, нет, — спокойно ответил он. — А твоя «нормальность» — это что? Контроль, охрана, тишина под замком?

— Не говори так о них, — голос дрожал.

— Почему? Я же прав. Один строит клетку из заботы, второй из злости. И оба думают, что ты их собственность.

— Замолчи, — прошептала она. — Ты ничего не знаешь. Я люблю их и они любят меня.

— Я не забираю твою любовь, — тихо сказал Никита. — Я хочу, чтобы ты не умирала, живя рядом с ними. Я знаю, как ты выглядишь, когда счастлива.

Алина зажмурилась. Он вновь притянул её к себе, обнял. Она только сжалась и уткнулась лбом ему в плечо.

— Всё пройдёт, — шептал он. — Мы немного здесь по-

живём. Просто отдышишься. Без шума, без их войны. Только не бойся. Плакать можно, Жасмин. но не из-за меня.

Она всхлипнула снова, а он прижал крепче.

***

Солнце поднялось высоко. Свет ложился косыми полосами на пол, пылинки в воздухе плавали, как золотая пыль. За стеной ровно, размеренно шуршал лес, будто дыхание живого существа. Тишина стояла почти звенящая.

Зашёл Никита. Алина сидела на кровати уже полностью одетая. На ней была легкая рубашка, тонкие штаны, а ноги оставались босыми. На лице застыла усталость, а в осанке читалась настороженность.

— Пойдём, — сказал он. — Покажу территорию.

— Мне можно?

— Можно, — кивнул он. — Пока ты не глупишь, можно всё.

Дверь скрипнула, и в помещение ворвался густой лесной воздух с запахом холодной листвы, сырой земли и смолы. Воздух был свежим, до рези в лёгких.

Лагерь оказался больше, чем она ожидала: несколько корпусов, поросших мхом, выцветшие таблички, прогнивший пирс у маленького пруда, следы старых костров. Главный корпус, где они ночевали, выглядел единственным обжитым. Окна вымыты, крыша подлатана. Забора не было, только плотная стена леса.

Алина шла по тропинке, чувствуя под ногами мягкую

хвою.

— Мы далеко от города? — спросила она.

— Километров шестьдесят, — ответил он. — Вокруг только охотничьи тропы. Ни света, ни связи.

Он остановился, посмотрел в сторону деревьев.

— Если решишь сбежать, сначала замёрзнешь, потом проголодаешься, потом, может, на кого-то наткнёшься, но не на человека.

— И ты думаешь, это утешает?

Он чуть усмехнулся.

— Это не утешение, это правда. Просто говорю, как есть.

Они подошли к старому пеньку. Алина села, Никита остался стоять.

— Что это за место?

— Бывший тренировочный лагерь. Когда-то тут отрабатывали выживание, потом закрыли.

Он обвёл взглядом территорию.

— Нашёл случайно. Починил одну комнату, оставил на всякий случай.

— На какой? — тихо спросила она.

Он помолчал.

— Если снова захочу исчезнуть.

Она опустила взгляд. Ветер тронул её волосы, и он едва удержался, чтобы не поправить их.

— Здесь тебя никто не найдёт, — сказал он мягко, без угрозы. — Пока я сам этого не захочу.

— Не нужно, — ответила она спокойно. — Просто покажи, кто ты на самом деле. Без игры и без маски.

Он прищурился.

— Ты первая, кто попросил это.

Она подняла глаза, вдохнула и тихо сказала:

— Никита, передай им письмо. Кириллу и Артёму. Пусть знают, что я жива, что со мной всё в порядке.

Он нахмурился, тяжело выдохнул.

— Ты уверена? Они могут понять это неправильно.

— Пусть поймут, как смогут. Мне нужно, чтобы они знали правду.

Он опустил взгляд, потом чуть усмехнулся, с усталостью.

— Тогда давай так. Я передам, но... за одно условие.

Она насторожилась.

— Какое?

— Знаешь... Сейчас я, наверное, поведу себя как козёл, но я очень хочу почувствовать тебя... по-настоящему, по-взрослому.

Он сделал шаг ближе, его голос стал тише:

— Если ты поцелуешь меня именно так, я передам письмо.

Алина замерла. Сердце билось гулко, воздух между ними стал плотным, как перед грозой. Никита не тянулся, ждал. Она понимала, что не в том положении, чтобы диктовать условия, но желание вернуть хоть какую-то связь с парнями давало силы.

И всё же, через мгновение, Алина сделала шаг сама. Почти неосознанно. Их губы встретились. Не страстно, осторожно, будто они оба боялись разрушить хрупкий покой, в котором оказались.

Алина почувствовала, как холодок волнения пробежал по спине, а внутри загорелось тепло. Она не могла отрицать, в глубине души тоже была готова попробовать, узнать его ближе, понять, что скрывается за маской.

Её руки инстинктивно легли на его грудь, ощутив ритм его сердца, он бился быстро, но ровно. В этот момент Никита не был похитителем, не был врагом. Он был близким, живым, настоящим. Поцелуй стал глубже, крепче, их дыхание смешалось, и на мгновение мир вокруг перестал существовать. Был только он, она и то непонятное притяжение, которое тянуло их друг к другу, несмотря на все обстоятельства. Когда они оторвались друг от друга, Никита смотрел на неё с лёгкой улыбкой и теплом в глазах.

— Спасибо, — сказал он. — Передам письмо, но это для твоего спокойствия, не для их. И мне придется на несколько часов тебя оставить здесь, одну.

Она кивнула.

— Хорошо.

Глава 9.

На балконе квартиры Леры было холодно. Ночь обнимала город, и лишь смутный свет фонарей дробил темноту на тонкие полосы. Кирилл оперся о перила; в груди у него пульсировало напряжение, в голове роились мысли, от которых не было покоя. Злость и паника нарастали, но он знал, давать им волю нельзя.

— Как так получилось? — выдохнул он тихо.

Артём стоял рядом, ссутуленный, будто под тяжестью того груза, который уже не снять. Он не отвечал, только смотрел вниз, туда, где редели огни.

— Я не позволю уйти ему безнаказанным, — сказал Кирилл жёстче. — Действуем быстро. Я подключаю охранников, тех, с кем работал раньше. Никакой полиции, никакого шума. Профессионалы ищут быстро и спокойно.

Артём коротко кивнул, лицо его застыло каменной маской.

— Я подниму волонтёров, подключу свои контакты. Подъезды, окраины, дачи, пустыри — прочёсываем всё. Чем больше людей, тем выше шанс.

— И камеры, — добавил Кирилл. — Подъезд, ближайшие улицы, магазины. Я буду отправлять запросы, кто-то мог что-то заснять.

Артём выдохнул, провёл рукой по затылку.

— Предупредим тех, кто крутится на улице. Если он не один, кто-то может помочь, кто-то может сдать. Надо понять, кто этот «кто-то».

— Я подниму старые связи, — твёрдо сказал Кирилл. — Даже если это дорого, я готов.

Телефоны не умолкали: новые сообщения, звонки, подтверждения. Кто-то предлагал машину, кто-то — дроны, кто-то готов был идти в лес. Кирилл мельком посмотрел на экран и сжал челюсть. В его голове промелькнула мысль: это уже не просто поиск, это личная война. Артём выглядел измученным, но глаза у него горели решимостью.

— Мы найдём её, — сказал он глухо. — Найдём и вернём.

— Вперёд, — отозвался Кирилл ровным тоном. — Время не ждёт.

Два часа спустя во временном штабе, маленьком кафе на первом этаже бизнес-центра, стоял гул: волонтёры приходили и уходили, приносили данные, обсуждали маршруты. Кирилл сидел над распечатками карт и фрагментами с камер, Артём говорил по телефону с бывшими коллегами.

— Есть зацепка, — подошёл к ним один из ребят. — На выезде из города, где-то пять часов назад, засветилась тёмная машина без номеров. Камера зафиксировала силуэт смазано, но видно: чёрный кузов, низкая посадка, срезанный бампер. Мы запросили снимок.

— Без номеров? — прищурился Кирилл.

— Угу. И фары не заводские, переделанные. Звучит зна-

комо?

Артём и Кирилл обменялись взглядом.

— В его стиле, — пробормотал Артём. — Он собирал машины по кускам, рассказывали.

— Если это он, — отозвался Кирилл, — значит, у нас есть направление.

— Но не время, — мрачно бросил Артём. — Он уходит быстро.

— Как Лера? — спросил Кирилл. — Она в порядке?

— Напугана, но держится. Мы поставили к ней охрану.

Кирилл встал.

— Я поеду на то место, где зафиксировали машину. Сам. Хочу посмотреть.

— Я с тобой, — сказал Артём.

Их взгляды встретились, спора не было, был только общий гнев. Началась охота.

Поиск увёл их за город.

Заброшенная автозаправка встретила их гнилыми колонками и разбитыми стёклами; дождь моросил, превращая гальку в вязкую грязь. Там, под навесом, бетонная плита была исписана следами прошлого: пепел, сигаретный фильтр, едва различимый отпечаток обуви. Кирилл замер.

— Он был здесь совсем недавно, — тихо сказал он.

Артём сжал кулаки.

— Но Алины здесь не было. Значит, водит нас кругами.

Кирилл выдохнул, устало глядя в темноту.

— Или оставляет следы специально, чтобы мы искали, но не нашли, — предположил он.

Возле одного из бетонных блоков на ржавой поверхности чётко проступал свежий знак: сердце, вписанное в знак бесконечности. Кирилл замер, Артём подошёл ближе; их глаза пересеклись полными понимания.

— Как на её кулоне, — проговорил Кирилл.

— Он играет, — выдавил Артём через зубы. — Не просто убегает, он ведёт нас. Знает, где мы будем раньше, чем мы сами.

— Если он оставляет метки, — сказал Кирилл, — значит, он не уверен. Боится или готовит финал.

— Тогда нужно торопиться, — резко произнёс Артём. — До финала добираются те, кто не сдаётся.

Они обошли окрестности. Местные жители молчали или боялись; один старик скривил губы и сказал хрипло:

— Здесь иногда мелькает фара по ночам, по дороге вдоль оврага. Потом снова встаёт гробовая тишина, даже звери не воют.

Сумерки сгущались, и Кирилл стоял, глядя на линию леса.

— Мы ищем не там, он оставляет физические следы нарочно, — сказал Кир. — Но главная его тактика психологическая: он работает с её ощущениями и решениями и это сложнее отследить.

Артём развернулся и пнул камень в овраг; голос его прорвался из глубины:

— У нас есть камеры, дроны, люди. И у нас пока пусто.

— У нас есть время, — отчеканил Кирилл. — И оно ещё не вышло, но если мы сейчас сдадимся, Алина умрёт.

Молчание повисло густым грузом. Артём посмотрел в глаза Кириллу с холодной решимостью:

— Если она умрёт, — сказал он тихо, — я убью его своими руками, несколько раз.

***

Ночь выедала нервы. В кафе, где базировался их штаб, волонтёры потихоньку расходились; карты, рации и пустые кружки с кофе оставались на столах. Утро наступало, а ребята почти не спали.

Кирилл отложил телефон.

— Его будто нет, — прошептал он. — Как призрак. Он выжигает за собой следы.

Артём медленно опустился на стул.

— Он просто ждал, ждал момента. Вошёл в её жизнь, забрал её и исчез. Бесследно.

— Нет, — сказал Кирилл, и в голосе дрогнула уверенность. — Он не исчез. Он ведёт нас, шаг за шагом. И мы идём, потому что он знает — мы не остановимся.

— Никогда, — произнёс Артём.

Вечер опустился на офис, окутывая всё полутёмной тенью. Кирилл сидел в переговорной, склонившись над планшетом, перематывая ленту с камер в ускорении. Столько часов и только пустота: машины, прохожие, обычная бессмыс-

ленная суета. Он знал: шанс найти хоть что-то — ничтожен.

Дверь открылась, и Артём вошёл молча, держа в руках две бутылки воды. Он протянул одну Кириллу.

— Ты не ел, — сказал тихо.

Кирилл не ответил, взгляд застывший, но внутри всё кипело.

— Я не могу отвести глаз, — выдавил он наконец. — Где-то там он был. Пусть хотя бы один кадр, один силуэт, что угодно.

Артём сел рядом, стараясь не создавать лишнего напряжения.

— Мы всё проверили, — сказал он. — Если он и действовал, то только ночью, как тень. Ни на одной заправке его нет, ни в списках автосервисов, ни по дронам. Ни...

— Стой, — резко вскинул руку Кирилл и перемотал запись назад.

— Что? — наклонился ближе Артём.

Кирилл поставил на паузу.

— Вот. Смотри.

На экране застыл кадр с камеры у магазина техники на выезде из города. Время — 4:23 утра, почти сутки назад. Темно, фонари моргают, а вдоль дороги идёт высокий мужчина в куртке с капюшоном, на плече висит спортивная сумка. Он не оглядывается.

— И что здесь такого? — спросил Артём, не сразу уловив важность момента.

Кирилл приблизил изображение.

— Смотри внимательнее. На сумке едва различимый знак. Маленькая нашивка в виде сердца, прорезанного молнией. Алина рассказывала нам, такой был у Никиты. Уникальный, как он сам.

— Значит, это он, — произнёс Кирилл глухо. — Или кто-то хочет, чтобы мы так думали.

Он передал планшет Артёму.

— Следи, куда он идёт. Старое шоссе ведёт к отрезанному посёлку. Там почти никто не живёт: пара дач и база отдыха, закрытая ещё до ковида.

Артём достал карту.

— Я знаю это место. На машине ехать два часа. Если он там, он не оставил нам явной дороги. Только лес, только бездорожье.

Кирилл сжал кулак, чувствуя, как напряжение сжимает грудь.

— Значит, идти туда напрямую — ловушка. Но мы должны понять, что он хочет нам сказать.

Артём посмотрел на него.

— Нам придётся идти, но осторожно. Ник слишком умён, чтобы просто ждать. Он ведёт нас по своему пути.

Кирилл кивнул, принимая неизбежность.

— Тогда в лес, но без ошибок. Мы не должны оказаться там, где он нас ждёт. Мы должны найти то, что он не учёл.

Молчание заполнило переговорную, пока они собирались,

готовясь к ночному выходу в темноту.

***

Утром на разведку отправили группу волонтёров, опытных следопытов и местных жителей, знавших лес лучше всех. Они шли по тонкой грани между надеждой и страхом, прочёсывая каждый куст и заглядывая в каждый овраг.

Дни шли, но результата не было: ни следа, ни звука, ни даже тени от машины Никиты. Казалось, он растворился в этом лесу, оставив лишь холодный ветер и глухую тишину.

Кирилл и Артём оставались в штабе, перебирая записи, анализируя каждую мелочь, пытаясь понять, какую игру ведёт Никита. Время поджимало, а тревога росла с каждой минутой.

— Он слишком хитёр, — вздохнул Кирилл. — Но он не может оставаться вне досягаемости вечно.

— Значит, мы должны быть готовы к тому, что он вернётся, — сказал Артём, сжимая кулаки. — И встретить его, когда это случится.

В тишине штаба раздался звонок телефона, сигнал нового поворота в опасной игре.

Кирилл поднял трубку, напряжённо прислушиваясь.

— Мы нашли что-то, — прохрипел волонтёр. — Заброшенный домик, несколько следов на земле, но Алины там нет. Похоже, кто-то недавно был, но сейчас никого.

— Как вы это определили? — сжался Кирилл, ощущая холодок тревоги.

— Следы свежие, — ответил волонтёр. — Кто-то осторожно, но целенаправленно ходил туда и обратно. Мы поставили метки и будем ждать.

Артём взглянул на Кирилла, в их глазах читалась смесь усталости и осторожной надежды.

— Он всё ещё здесь, — тихо сказал Кирилл. — Но играет с нами в прятки.

— Тогда нам придётся поднять ставки, — вздохнул Артём. — Мы не можем позволить ему ускользать вечно.

Глава 10.

Вечер медленно опускался на территорию. Краски становились мягче, воздух плотнее, тени длиннее. В комнате, где Алине предстояло провести ещё одну ночь, стояла особая вязкая, настороженная тишина, будто любое движение могло пробудить что-то, спрятанное в темноте.

Когда она обернулась, Никита уже стоял у двери. Его голос прозвучал спокойно, почти равнодушно:

— Я буду спать с тобой.

Алина замерла, будто её ударило током. Губы дрогнули, но слова застряли где-то в горле.

— Ты серьёзно? Ты думаешь, я этого хочу?

Никита шагнул в комнату, не повышая голоса, будто не собирался спорить:

— Хочешь ты или нет, вариантов всё равно нет. Кровать на всю базу одна.

Она отступила, сжимая кулаки, и её голос дрогнул:

— Нет. Это неправильно.

Он не ответил сразу, лишь вздохнул, глядя прямо, без раздражения.

— Либо принимаешь спокойно, либо я усыплю тебя, — произнёс он тихо.

Эти слова прозвучали жёстко, но в них не было злости, только усталое решение. Алина чувствовала, как внутри всё

протестует, но сил спорить уже не осталось. Никита снял куртку, рубашку, надел простую футболку и шорты. Его движения были размеренными, будто он сам гасил внутри себя что-то опасное.

Он лёг на кровать, вытянулся, раскинув руки, и, не глядя, сказал мягко:

— Ну, иди сюда.

Алина постояла в стороне, сердце разрывалось от внутреннего конфликта. Она боялась, ненавидела эту близость, но с другой стороны, усталость и одиночество давили невыносимо.

Никита посмотрел на неё, и в его глазах мелькнула просьба, почти мольба.

— Ты что, правда будешь стоять там всю ночь? Ты же замёрзнешь.

Алина шагнула вперёд, осторожно, будто переступала границу. Села на край кровати, чувствуя, как рядом с ним воздух становится гуще. Никита протянул руку и аккуратно потянул её ближе, укладывая рядом, затем обнял за талию.

— Куда мне девать руки, — усмехнулся он, — если кровать такая узкая.

Она попыталась отстраниться, но он удержал её, не грубо, просто не отпуская. И вдруг, почти у самого уха, прозвучал его шёпот:

— Расслабься... Не бойся меня. Я не трону тебя.

Его дыхание обжигало кожу, а слова тонули в тишине, ста-

новясь чем-то большим, чем просто обещание.

— Я буду повторять это столько, сколько нужно, — сказал он. — Пока ты не поверишь.

Алина сжалась сильнее, чувствуя, как сердце колотится в груди, но его голос оставался ровным, тёплым, почти гипнотическим.

— Расслабься, Алина... Не бойся.

Он не торопился, не требовал, всё для того, чтобы она почувствовала: он рядом. И больше ничего. И эта простая близость, вопреки всему, не пугала, она убаюкивала.

Тревога всё ещё жила где-то глубоко, но слова Никиты, его дыхание, спокойный ритм сердца рядом, медленно пробивались сквозь панцирь.

«Я не трону тебя...» — повторял он, снова и снова, будто заклинание.

И в какой-то момент Алина перестала сопротивляться. Не ему — себе, усталости, тяжести, страху.

Сон пришёл незаметно, как тихое облегчение после долгого напряжения.

Проснулась она от тепла — внешнего и внутреннего. Солнце уже пробивалось сквозь мутные оконные стёкла, но свет оставался мягким, кроны деревьев заслоняли большую часть неба. В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь чириканьем птиц и ровным, размеренным дыханием рядом.

Рядом...

Никита спал. На спине, с рукой под головой и другой на её

талии. Как будто это было естественно, держать её вот так, не присваивая, не отпуская. Во сне он казался другим. Без привычного напряжения, без внутреннего жара. Молодым, даже красивым. Правильные черты, чистый лоб, чёткая линия скул, длинные ресницы, почти детские. Лёгкая щетина придавала лицу ту взрослость, которой он так старательно добивался наяву.

«Ему ведь всего двадцать три...» — подумала она. *«Всего шесть лет разницы. И всё же сейчас он кажется еще младше, чем выглядит обычно. Уязвимее, чище».*

Алина не могла отвести взгляд. Разглядывала его почти с любопытством, почти с нежностью, как человека, которого должна ненавидеть. В этом было что-то запретное: смотреть на того, кто лишил её свободы, и при этом видеть в нём не чудовище, а живое тепло, дыхание, покой. Будто страх растворился где-то между лесом, узкой кроватью и тихим утром, которое вдруг оказалось слишком мирным для их странного заточения.

Он пошевелился. Не открывая глаз, тихо выдохнул, и сонно, почти неосознанно, пробормотал что-то. Его пальцы на её талии чуть сжались, не грубо, а скорее по привычке.

— Тебе стало легче? — прошептал он, открывая глаза.

Она молчала, наблюдая. Настороженно, но без прежнего ужаса.

— Ты дрожишь, — мягко сказал он. — Даже сейчас.

— Может, потому что ты похитил меня, — ответила она

сухо, не меняя интонации.

Никита кивнул. Без иронии.

— Я не оправдываюсь. Просто хочу, чтобы ты знала, я не собираюсь причинять тебе боль.

Он смотрел прямо в глаза, спокойно. Словно видел в ней не пленницу, а человека.

— И ты правда думаешь, я тебе поверю? — её голос был хрипловат, будто ещё не проснулся.

— Нет, — он едва улыбнулся. — Думаю, это займёт время.

Она ничего не ответила, но и не отодвинулась.

Никита больше не пытался говорить. Закрыл глаза, оставив руку на месте. Алина лежала рядом, смотрела в потолок и пыталась понять: чего она боится сильнее — его, или себя рядом с ним.

Потом она осторожно высвободилась из-под его руки, села на край кровати. Пол под босыми ногами тихо скрипнул. Она натянула кофту, подошла к умывальнику, умылась из ведра, посмотрела в треснувшее зеркало и на секунду не узнала отражение. Женщина в нём была усталой, но уже не испуганной.

***

На столе стоял пластиковый контейнер, рядом лежали несколько пакетов. В одном был батон и плавленый сыр, в другом две банки тушёнки, пачка крупы, бутылка воды и растворимый кофе.

— Романтики не будет, — усмехнулся он, доставая старую походную плитку. — Но есть надо.

Щёлкнула зажигалка. Пока вода закипала, Алина смотрела, как он нарезает хлеб, разминает тушёнку, помешивает кашу. Всё спокойно, без суеты, будто это было его обычное, мирное утро.

— Я должен уехать, — сказал он, не поднимая взгляда. — Ненадолго.

— Один? — насторожилась она.

— А с кем же ещё? — хмыкнул. — Тебя, что ли, с собой взять?

Он поднял глаза.

— Нет, — тихо ответила она. — Лучше один.

— Вот и я так думаю, — коротко сказал он.

Никита снял кастрюльку с плитки, разложил кашу по тарелкам, протянул ей.

— Ешь. Горячее.

— Это надолго? — спросила она, уже не отводя взгляда.

— Пару часов, может, три. Не дольше, если повезёт.

— И ты... оставишь меня здесь?

— Запру, — спокойно ответил он. — Нужно. Безопасность.

В голосе звучала не угроза, а сожаление.

— Я не хочу, чтобы ты заблудилась или наткнулась на кого-то,

Она не ответила. Только ела, не поднимая глаз. Каша ока-

залась неожиданно вкусной — простой, сытной, домашней.

***

Никита собирался быстро: закинул рюкзак за спину, проверил телефон, сунул в карман её письмо. Перед тем как выйти, обернулся.

— Дверь закрою, — сказал спокойно. — Прости. Еды и воды достаточно. В ящике лежат книги. А в углу, если заметила, старый магнитофон. Работает от батареек. Найдёшь кассеты — включи. Здесь тихо... может, с музыкой не будет так страшно.

— А если что-то случится? — спросила она, чувствуя, как в груди поднимается волна тревоги.

— Не случится, — коротко ответил он.

Никита вышел. Замок щёлкнул.

Алина стояла у двери, слушая, как за стеной стихает шаг. Потом медленно обошла комнату, будто проверяя границы своей новой реальности. Села на кровать, встала, опять прошлась. Нашла ящик. Внутри действительно были книги: Чехов, Лондон, старая фантастика, обложки вытерты, страницы пожелтели.

В углу стоял магнитофон. Тяжёлый, потертый, с облупившимися кнопками. Внутри была вставлена кассета с криво написанной надписью: *«Сборник 90-х»*. Она нажала «Play».

Сначала послышался хрип, потом голос из прошлого: *«Мальчик хочет в Тамбов...»*

Алина вдруг рассмеялась, впервые за время заточения.

Смех сорвался сам, нервный, но живой, от абсурдности происходящего, от того, что где-то в глубине леса, в запертой комнате, звучит старая поп-песня, и мир на миг кажется почти нормальным.

«*С ума сошла*», — подумала она, — «*или начинаю сходить*».

Но пока солнце медленно ползло по стене, а за окном перекликались птицы, Алина просто лежала и слушала.

Музыка перемешалась с шорохом старых динамиков, кассета зажевала ленту. Она вытащила её, повертела в руках и со вздохом отключила магнитофон. Мягкая, тёплая, терпимая тишина снова вернулась.

Алина открыла ящик под книгами и нашла потрёпанную школьную тетрадь с машинкой на обложке. Пожелтевшие страницы, обрывки стихов, перечёркнутые строчки. Дальше — старый кроссворд и детские каракули. На полях написаны смешные надписи: *«Жека лох»*, *«Оля — ведьма»*.

Наверное, когда-то это место было обычным лагерем, детским. Потом его переоборудовали под тренировочную базу или склад, а эти тетради просто остались как призраки чужого лета.

Алина усмехнулась. Мир рушится, а она сидит и разгадывает кроссворд двадцатилетней давности.

«Горная река из четырёх букв...»

«Звук, который издают жабы...»

Почти медитация.

В шкафу у стены она обнаружила журнал *«Крокодил»* за 1986-й. Пожёлтевший, слипшийся по углам. На обложке карикатура на бюрократию, внутри анекдоты и абсурдная сатира.

Она села на пол и стала читать.

— Почему у вас в холодильнике только водка?

— Остальное в аптечке.

Смех вырвался сам. Тихий, почти виноватый. Она прижала журнал к груди.

«Так, Алина. Ты в плену. Читаешь анекдоты. Это нормально? Может, и нет. Но это лучше, чем считать минуты».

Она встала, пошла на кухню, попила воды из бутылки, протёрла стол от пыли, попыталась сделать зарядку, и сдалась на втором упражнении. Усталость накатила внезапно, липкая, вязкая.

Вернувшись в комнату, она легла, раскрыла *Джека Лондона*. Глаза скользили по строкам, но мысли всё равно возвращались к Никите.

Где он? Вернётся ли? Почему, когда дверь захлопнулась, стало тревожнее, чем раньше?

Алина натянула плед, свернулась калачиком и заснула среди дня. Сон был неглубоким, настороженным, будто каждая клетка её тела продолжала слушать, не дышит ли кто-то за стеной.

***

Когда Никита вернулся, было около трёх часов дня. Лес уже начинал густеть тенями, но солнце всё ещё пробивалось сквозь зелёную крону. Он вошёл в комнату неслышно, даже замок щёлкнул как-то тихонечко. А вот дверь в комнату скрипнула, но тоже тихо, почти ласково. Алина спала. Укрывшись пледом, свернувшись на узкой кровати, сжавшись в тепле и покое. Щёка упиралась в ладонь, губы были чуть приоткрыты, дыхание ровное и глубокое.

Он остановился. Сердце будто коротко сбилось с ритма.

«Как можно быть такой... живой даже во сне?» Он не думал, просто подошёл, сел на край кровати. Тонкие лучи света коснулись её лица, и он вдруг понял, что хочет прикоснуться.

Он осторожно наклонился ближе и почти неуловимо поцеловал её в уголок губ.

— Я приехал, — прошептал он, почти беззвучно и положил свою ладонь на её руку.

Она чуть вздрогнула. Глаза приоткрылись, зрачки не сфокусированы, потом зацепились за него. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. Она полусонная, растерянная, он тихий и очень настоящий.

— Ты... — выдохнула она.

Он кивнул.

— Вернулся, как и обещал. Всё хорошо. Я здесь.

Он не убрал руки, но и не удерживал. Просто сидел рядом, смотрел.

— Который час? — прошептала она, не отводя глаз.

— Три. Ты спала спокойно, — сказал он тихо. — Мне хотелось, чтобы так и было. Хоть чуть-чуть мира у тебя.

Он осторожно убрал волосы с её лица.

— Прости, что разбудил. Просто не смог не коснуться, не смог не сказать, что вернулся.

Никита несколько секунд молчал, наблюдая, как Алина медленно просыпается и пытается настроиться на его присутствие. Затем осторожно заговорил:

— Я оставил письмо в почтовом ящике, перед въездом в деревню.

Алина нахмурилась, её голос стал резче:

— Мы почти никогда туда не ходим... Ящик этот проверяют редко. Ты понимаешь, что это значит? Они могут вообще его не заметить.

Никита сжал зубы, но попытался сохранять спокойствие:

— Это был единственный способ передать информацию.

— Ты вообще думаешь, что делаешь? Ты понимаешь, где я? Кто ты такой, чтобы решать, как меня держать?! — она опять запаниковала.

Он встал, плечи напряглись, голос стал резче, даже чуть громче:

— Я делаю это ради твоей же безопасности!

Она в ответ накричала, попыталась встать с кровати, но ноги подкосились от слабости:

— Ты не моя защита. Ты моя тюрьма!

Взрыв эмоций повис в воздухе. Никита сделал шаг к ней, пытаясь смягчить голос, но в нём всё равно сквозила усталость и раздражение:

— Мне тоже тяжело. Ты не понимаешь, что я пытаюсь сделать.

— Попытайся понять меня! — ответила она, глаза полные слёз и гнева.

Они замерли на мгновение, дыхание учащённое, сердце колотилось.

Потом Никита тихо, но твёрдо произнёс:

— Я не уйду. Я буду здесь до тех пор, пока ты не будешь готова.

Алина отвернулась, закрыла лицо руками, пытаясь успокоиться.

И тишина снова заполнила комнату, но теперь она была густой, насыщенной страхом и недоверием, которые им ещё предстоит преодолеть.

Никита шагнул ближе, словно хотел снять всю эту стену между ними одним прикосновением. Он протянул руки и замер, когда увидел, что Алина словно колючий ёж, все мышцы её напряглись, взгляд стал холодным и острым.

Она отшатнулась, будто боясь даже тени его прикосновения.

— Не трогай меня! — выдохнула она едва слышно.

Его терпение лопнуло. Не сдерживая эмоций, он резко махнул рукой по столу, книги и несколько листов упали на

пол.

— Чёрт! — выругался Никита, гнев прорвался в голос.

Алина вздрогнула, её глаза широко раскрылись, в них вспыхнул страх. Она замолчала, не смея даже дышать. Присела на край кровати и закрыла ладонями лицо.

Никита замер, следя за её реакцией. Гнев медленно стал угасать, сменяясь тревогой. Он опустился на корточки рядом с ней, голос стал мягче:

— Прости. Я не хотел. Просто иногда не могу держать это в себе.

Он осторожно поднял одну из упавших книг и аккуратно положил её обратно на стол.

— Понимаю, что пугаю тебя. Это не то, чего я хочу.

Алина не сразу ответила, глаза всё ещё блестели от слёз и страха. Он присел рядом на кровать, обнял её. Его руки были тёплыми и мягкими, будто хотел согреть и защитить одновременно. Он провёл ладонью по её волосам, осторожно, как будто боялся причинить боль.

— Жасмин... — прошептал он, — ты такая хрупкая и красивая, как цветок, который я хочу беречь. Позволь мне быть твоей тенью, твоим покоем.

Он тихо провёл пальцем по её щеке и добавил:

— Я здесь, чтобы охранять тебя. Ты не одна. Дыши со мной, малышка, всё будет хорошо.

— Я скучаю по своим парням...

Никита напрягся, сжал губы, на мгновение замолчал, а по-

том спокойно, но с легкой твердостью ответил:

— Пока они не сделали ничего такого, чтобы я захотел вернуть тебя обратно. Ты здесь, и это сейчас самое важное.

***

Вечер опускался на заброшенный лагерь, мягко затушевывая последние лучи солнца. После скромного ужина, где Никита пытался казаться спокойным, а Алина невозмутимой, пришло время ложиться спать. Но в её груди по-прежнему пульсировало напряжение, словно невидимая пружина, готовая взорваться.

Она лежала на узкой кровати, пытаясь унять тревогу, но мысли рвались в беспорядке. Нужно было что-то делать, просто лежать и бояться было невозможно. В памяти всплывали слова психолога: *«Постарайся найти точки сближения. Без этого вы застрянете в этом состоянии навсегда»*.

Алина ловила себя на мысли, что Никита смотрит на неё, будто тоже чего-то ждёт. Её взгляд упал на его сильные руки. Ещё немного и он может протянуть их к ней, чтобы обнять.

«*Как сделать так, чтобы он почувствовал доверие?*» — думала она. «*Как добиться того, чтобы он отпустил меня, когда придёт время?*»

Сжавшись, она осторожно повернулась к нему, стараясь скрыть страх, но позволила себе немного расслабиться. Когда Никита осторожно скользнул рукой по её волосам и поцеловал в височную область, она не отдернулась.

Её внутренний голос шептал: *«Пусть будут эти поцелуи*

и прикосновения. Но не дальше, не давай ему слишком много, держи дистанцию, сохраняй контроль».

Никита почувствовал её послабление и, не спеша, обнял крепче. Его дыхание стало ровнее, голос мягче.

— Жасмин, — прошептал он, используя нежное прозвище, — я рядом. Ты можешь доверять мне.

Алина закрыла глаза и глубоко вздохнула, в этот момент доверие казалось маленькой, хрупкой искрой, которую нужно беречь. Но в её голове уже строился план, она была готова играть эту игру до конца, чтобы вернуть свободу.

Алина лежала в полумраке, чувствуя тепло рядом. Дыхание Никиты ровное и тихое, казалось, будто этот миг мог длиться вечно, но внутри неё бушевали эмоции.

«Как я могу так спокойно лежать рядом с тем, кто украл мою свободу?» — холодок пробежал по спине. Её сердце сжималось от противоречий: страх, недоверие, злость, и... странное желание понять.

Психолог говорила: «Доверие строится на маленьких шагах. И если хочешь выбраться из ловушки, нужно начать с них». Её губы невольно сжались. *Нужны небольшие уступки, чтобы выстроить мост... Но не сдаться, не потерять себя.*

Она подумала о Кире и Артёме. Именно они ждали её, могли помочь и оставались её настоящими опорами. Их образы в сознании служили прочными якорями, не позволяющими окончательно уплыть в страх и отчаяние.

«Никита человек сложный. В нём есть и зло, и рана. Если

я смогу заглянуть за маску, возможно, он станет тем, кто откроет путь к свободе, а может, и к себе самому».

Алина глубоко вздохнула, чувствуя, как мурашки бегут по коже. Ей нужно было оставаться сильной. На сегодня ей предстояло просто позволить ему быть рядом, а уже завтра решать, как сделать следующий шаг.

«Я позволю ему поцелуи и прикосновения не для удовольствия, а как инструмент. Как способ удержать связь, чтобы однажды открыть дверь и выйти».

Она повернулась к нему лицом и шёпотом сказала самой себе: *«Завтра всё начнётся заново. Я смогу, я должна».*

***

Утро выдалось серым и глухим, будто не наступило вовсе. За запылёнными окнами нависло облачное небо. Лагерь дремал, окутанный сыростью и тишиной, словно весь мир затаился.

Алина открыла глаза и долго лежала, прислушиваясь к ровному дыханию рядом. Никита спал на боку, в мятой футболке и лёгких шортах, одна рука свешивалась с кровати.

Она медленно села, стараясь не скрипнуть кроватью, и потянулась к своему свитеру. Пол был холодным. Осторожно ступая босыми ногами, она прошла к умывальнику. Алина вновь посмотрела на пластиковое ведро с привезённой из города водой — экономный запас, которым Никита дорожил. Рядом стояла жестяная кружка и лежал кусок мыла на деревянной дощечке. Алина зачерпнула немного воды, умы-

лась быстро и бережно, чтобы не пролить ни капли. Холодная влага пробрала до костей, но помогла проснуться окончательно.

«День первый. Или следующий. Уже не важно. Сегодня я должна снова приблизиться. Он ждёт от меня тепла, я дам его, но ровно столько, сколько нужно. Не больше».

Из спальни донёсся глухой звук, Никита зашевелился. Через минуту он вошёл на кухню, потирая шею и зевая. Волосы растрёпаны, взгляд сонный.

— Жасмин... — пробормотал он. — Не хватало только дождя под такое утро.

— Похоже, он будет, — тихо ответила Алина, не оборачиваясь.

Он подошёл ближе, молча потянулся к ведру, плеснул себе немного воды в ладони и быстро умылся, брызгая на пол. Потом посмотрел на неё, уже с пробудившимся вниманием.

— Чая не будет, газ закончился. В следующий раз, когда поеду в город, нужно взять побольше, и воды тоже.

Алина кивнула. Она наблюдала, как он поправляет футболку, как уверенно двигается на своей территории. Но внутри у неё было ощущение чужой клетки.

— Когда ты опять в город?

— А зачем спрашиваешь?

— Просто хочу знать, когда я снова останусь здесь одна.

Он прищурился.

— Боишься или ждёшь?

Она выдержала паузу.

— Ни того, ни другого. Я просто привыкаю.

Никита подошёл ближе, встал напротив и медленно провёл пальцем по её щеке.

— Ты меняешься, Жасмин, с каждым днём.

Алина чуть склонила голову в сторону, не сопротивляясь прикосновению, но и не отвечая на него.

— Может, это ты начинаешь видеть то, что было всегда.

Они стояли близко, как перед тихим, но напряжённым сражением.

Сегодня она даст ему немного больше, т олько чтобы продолжить игру, т олько чтобы подготовить почву. Он привыкает к ней, а она привыкает к ходу событий. Всё должно быть тонко, точно, по плану.

Никита, казалось, не замечал напряжения в её голосе. Он тихо выдохнул, оглядывая пространство кухни, затем взглянул на неё. Он был не столько занят ею, сколько этим местом — заброшенным лагерем, который они делили вдвоём.

— У меня есть план, — сказал он. — Завтра снова поеду в город, привезу нужные вещи. Всё, что мы тут не можем найти. У нас есть пару вещей, что ещё можно использовать. Я постараюсь решить проблему с водой и едой.

Она с интересом посмотрела на него, но оставалась настороженной. Алина постаралась сосредоточиться на его словах, а не на его приближающемся теле. Это её шанс — остаться в его мире, не теряя контроля.

— Я могу помочь, если хочешь. Найду что-то для дома. Что-то, что облегчит твою задачу.

Он усмехнулся, как будто она сказала что-то весьма неожиданное.

— Помочь? Ты ведь не привыкла трудиться. И не нравится тебе это место.

Алина покачала головой, её взгляд был ясным и уверенным.

— Я не принцесса, Никита. Работы не боюсь, я не буду сидеть, сложа руки. Пусть мне это не нравится, но у нас есть одна общая цель — находиться здесь в каком-либо комфорте и быстрее выйти отсюда.

Он вновь замолчал, немного подрагивая от её решительности. Он подумал, что она имеет в виду больше, чем просто «выживание». Возможно, в её словах скрывался не просто интерес, а шаг к примирению или, по крайней мере, к открытию. Но он не стал углубляться в эти размышления, слишком сильно было его желание почувствовать контроль.

— Ладно, — наконец сказал он. — В таком случае, если хочешь помочь, будет нужна пара вещей для лагеря. Ты можешь поискать поблизости. Мы ограничены в движении, но всё равно...

Алина кивнула, принимая это как своего рода «второй шанс». Она знала, что Никита всё ещё не доверяет ей полностью, но в этом моменте было что-то новое — его предложение. Это не было просто исполнением его воли, это было

приглашением стать частью его мира, частью его жизни. Это был маленький шаг, но для неё он значил многое.

— Я сделаю это, — ответила она. — Завтра. И да, Никита, я здесь не по своему желанию. Поэтому, думаю, мне стоит попробовать и понять, что мне здесь делать.

Никита был тронут её решимостью. Он посмотрел на неё, как на кого-то, кого не так легко сломать. Это даже немного удивило его. Она была стойкой. Это привлекало.

— Ты меня удивляешь, Жасмин. Это нравится мне.

Алина коротко кивнула и сделала шаг назад, чтобы не быть слишком близкой.

***

День оставался пасмурным, воздух был прохладен, будто сама природа затаила дыхание. Алина тихо вышла за пределы здания лагеря, ей нужно было просто сменить обстановку. Дышать спёртым воздухом становилось всё труднее. Серое небо, тишина, и лишь шелест ветра в листьях придавали ощущение хоть какой-то свободы.

Она медленно подошла к старому поваленному дереву и села, скрестив руки на коленях. Тело немного расслабилось, впервые за долгое время она чувствовала, что вокруг нет напряжения. Никита остался внутри лагеря. Но тишину резко нарушил треск веток за спиной. Алина не успела даже повернуться, чья-то сильная, грязная рука схватила её за плечо и резко дёрнула назад. Алина чуть не упала, повернула голову.

— Ну, здравствуй, куколка... — раздался сиплый голос с

неприятной хрипотцой. — Такая сладенькая и совсем одна?

Алина вскрикнула, захлёбываясь воздухом от ужаса. Сердце сжалось, как в тисках. Она увидела грязное, небритое лицо с лихорадочным блеском глаз. Мужчина был одет в рваные штаны, на ногах — остатки ботинок. Он весь источал животный запах — смесь пота, земли и гнили.

— Поиграем немного, а? — продолжал он, хватая её за талию, рывком поднимая на ноги. — Ты прям как конфетка...

Алина задрожала всем телом. Мышцы отказались подчиняться. Голос застрял в горле. Страх захлестнул, как волна. Она не могла даже кричать, лишь беззвучно шептала:

— Нет... пожалуйста...

И тут раздался грохот двери, Никита вылетел наружу, как пуля. Лицо его исказилось, это была не просто ярость, это было чистое безумие. Он увидел Алину, сжимающуюся в руках мужчины, и в голове моментально вспыхнул образ: Кристина, его Кристина, изувеченная, сломанная, погибшая от рук точно такого же животного.

— Убери от неё руки, ублюдок, — прорычал Никита. Его голос был низким, угрожающим, почти звериным.

Зэк повернулся, ухмыльнувшись:

— А ты кто такой, папочка? Она сама вышла. Сама хочет ласки...

Он не успел договорить. Никита налетел на него с такой силой, что мужчина не устоял, они оба рухнули в грязь. Никита оказался сверху, и с первого удара хрустнули кости.

— НЕ. ТРОГАЙ. ЕЁ! — каждое слово сопровождалось глухими, тяжёлыми ударами кулаков.

Алина села на землю, прижав ладони к губам, в ужасе наблюдая, как Никита, потеряв контроль, буквально вколачивает ярость в тело напавшего. Лицо зэка превратилось в окровавленную маску, он уже не сопротивлялся, только захлёбывался собственными хрипами.

— За Кристину... за неё... за всех... — Никита не мог остановиться.

Его руки были в крови, дыхание сбивалось, глаза остекленели. В какой-то момент Алина с трудом встала и подбежала, схватив его за плечо:

— Никита, хватит! Он уже не может! Ты его убьёшь!

Он остановился, как будто вынырнув из безумия. Тяжело дышал. Посмотрел на Алину, потом на изуродованное лицо мужчины под собой. Его руки дрожали, сжатые кулаки медленно разжались.

— Он... прикоснулся к тебе... — прохрипел Никита. — Он... почти сделал то же самое...

Алина кивнула, сдерживая слёзы.

— Но ты остановил его. Всё хорошо. Всё... хорошо.

Никита встал, шатаясь, будто выходил из комы. Алина медленно обняла его, прижимая к себе, чувствуя, как его тело дрожит не от злости, а от того, что где-то внутри него снова ожила старая боль.

Позади них лежал едва живой мужчина. Никита тяжело

посмотрел на него.

— Я не позволю никому снова... — сказал он тихо, почти себе. — Никогда.

***

Никита сидел на табурете. Его руки были в крови, суставы распухли, а лицо застыло каменной маской. Алина молча выжимала тряпку в воде, осторожно прикасаясь к его костяшкам. От соприкосновения с ним её просто обжигало, и это ощущалось не физически, а глубоко внутри. Она чувствовала: он всё ещё кипел. В нём продолжала гудеть ярость, точно в раскалённом металле. И от этого у неё дрожали пальцы.

С одной стороны, он спас её, не дал случиться худшему. Она чувствовала, как всё тело откликалось на шок: слабость в коленях, дрожь в губах, солёный привкус слёз. С другой, она только что увидела его таким, каким никогда раньше не видела. Не просто жёстким, не просто вспыльчивым — зверем. Он бил без пощады, без тормозов. Было в этом что-то пугающее, как будто он мог не остановиться вовсе.

— Ты не должен был так... — прошептала она, отводя взгляд. — Но... спасибо.

— Он бы сделал, — коротко бросил Никита. — Я это видел. Тварь.

Алина вздрогнула. В его голосе не было сожаления. Только сталь. И она впервые подумала: «*А если бы однажды я вывела его из себя? Если бы его злость была направлена на меня?*»

— Кристина? — осторожно спросила она. — Ты говорил...

Никита кивнул, не сразу.

— Её убили.

Он выдохнул и добавил:

— Я не успел, не защитил. Когда тебя схватил тот ублюдок, я... просто сорвался. Не видел ничего, кроме её лица.

Она смотрела на него. Впервые не только с сочувствием, с тревогой. Этот человек мог разорвать другого заживо и сделал бы это ради неё, но эта же сила могла быть непредсказуемой.

— Я здесь, — сказала она тихо, сев напротив. — Мне было страшно, Никита.

Он долго смотрел на неё. В его взгляде было что-то детское, сломанное.

— Прости, если напугал.

Она не ответила, просто тихо, осторожно взяла его ладонь в свою, как будто приручала дикого зверя, как будто он мог укусить в любой момент, но пока держался.

— С ним что будем делать? — спросил он.

Алина на секунду замялась.

— Ты его не убил? — в её голосе дрожала надежда и тревога.

— Нет. Но хотелось, очень.

Она закрыла глаза.

— Тогда просто увези его. Подальше. Пусть выберется,

если сможет. Но... не делай этого при мне.

Она выдохнула.

— Я не хочу больше видеть тебя таким.

Он медленно кивнул.

— Я постараюсь. Ради тебя.

Когда он вышел из комнаты, она сжалась на кровати, обняв себя руками. «*Он спас меня, но я видела в нём темноту. И не знаю, кто победит, тот, кто защитил меня, или тот, кто чуть не убил человека. И когда...*» Она закрыла глаза, прижавшись лбом к коленям.Слёзы подступали, но она не позволила им пролиться.

Никита вернулся позже, усталый, измазанный в грязи, но внешне спокойный.Алина сидела на кровати, скрестив ноги, и ждала его. Внутри уже всё закипело: страх, тревога, но и жгучее желание понять.

— Всё? — спросила она тихо.

Он кивнул, бросив взгляд через плечо.

— Да. Он теперь сам по себе. Надеюсь, замёрзнет к утру.

— Тебе легче?

— А должно быть?

Он прошёл к раковине. Плеснул немного воды на руки. Было слышно, как его пальцы шлёпают по коже, как капает вода.

Алина подошла ближе.

— Никита.

Он не обернулся.

— Поговори со мной.

— Не о чем, всё ты уже видела.

— Видела. И хочу понять. Почему тебя так накрыло? Насколько дорога тебе была Кристина?

Он замер, на несколько долгих секунд повисла глухая тишина. Только капала вода из ведра. Потом он выпрямился, не поворачиваясь.

— Она была моей девушкой. Я хотел, что бы она была моей женой. Я её очень любил.

В его голосе не было эмоций, он будто зачитывал сводку.

— Её убил бывший. Маньяк. Преследовал. Я знал, но не верил, что он решится. Потом стало поздно.

Он повернулся. В его глазах была не боль, а пустота, выжженное поле.

— Он ждал её возле дома. Я опоздал на десять минут.

Алина сделала шаг ближе, дрожащими пальцами дотронулась до его руки.

— Ты не виноват.

— Это не меняет ничего. Она умерла. Я жив.

Он выдохнул.

— А теперь ты и всё снова. Только на этот раз я успел. Понимаешь?

Алина кивнула.

— Понимаю. Ты себя всё ещё винишь за случай с Кристиной?

Он усмехнулся, сухо.

— А что мне остаётся? Я не смог её спасти, а тебя едва не напугал до смерти.

— Никита...

Она подошла вплотную, положила ладонь на его щеку. Тёплую, грубую, небритую.Он не шевельнулся.

— То, что ты сделал, было страшно, но и сильно. — Она говорила тихо, почти шёпотом. — Но я видела, как это тебя ломает. Это не должно тебя убивать изнутри, ты не обязан всё тащить один.

Он резко отвёл взгляд.

— Думаешь мне нужен психолог? Я не верю им. Таблетки, разговоры... всё это мусор. Не вытаскивает из ада.

— Нет, — она качнула головой. — Но я вытащу, если ты позволишь.

Он вновь посмотрел на неё таким взглядом, будто не верил, будто искал подвох.

— Ты? Ты вообще понимаешь, с кем рядом стоишь? Я едва не разорвал того человека. Я...

Алина приложила пальцы к его губам.

— Тише. Я рядом с тем, кто бросился защищать. Кто спас, кто способен любить так яростно, что мир рушится.

Она коснулась его груди.

— Но ты ранен, Никита. Глубоко. И тебе нужно помочь. Это не слабость, это шаг.

Он долго смотрел на неё, не моргая, сжав челюсть. Потом выдохнул и прошептал:

— А если я не смогу? Если сорвусь? Если однажды наврежу тебе?

Алина провела пальцами по его щеке, потом по виску, коснулась губами края его лба.

— Тогда доверься мне раньше, не дожидайся, когда станет плохо.

Она опустила руки на его плечи, прижалась лбом к его груди.

— Позволь мне быть рядом, как друг. Я не пугаюсь так легко, как ты думаешь, но я не хочу потерять тебя в этой ярости.

Он стоял, не двигаясь. Потом медленно, осторожно, будто боялся раздавить её, обнял.

— Мне страшно, Али. Я давно так не боялся, даже тогда.

— Я знаю, — прошептала она. — И это хорошо. Твой страх говорит о том, что ты жив. Значит, ты человек.

Он кивнул, долго молчал. Лишь грудь тяжело поднималась и опускалась. В глазах плескалась злость, страх и что-то ещё забытое, почти неживое.

— Ты не обязана меня слушать, — сказал он наконец глухо. — Всё это грязь. Я сам иногда не могу с собой быть. А ты...

— Я хочу, — перебила она мягко. — Потому что ты рядом и мне не всё равно.

Он резко выдохнул, отвёл взгляд.

— Ты слишком хорошая, Алина.

Она усмехнулась.

— Ты слишком закрытый. Ты можешь быть грубым, резким, но я вижу, какой ты внутри. Там не только ярость, там боль и тепло. Просто не отталкивай меня, хорошо? Не нужно обещаний. Позволь быть рядом. Просто быть.

Никита медленно, неуверенно кивнул.

— Не знаю, что из этого выйдет. Но... ладно. Можешь быть.

Он опустился на кровать. Усталость навалилась как бетонная плита. Алина села рядом, не касаясь. Через мгновение он облокотился на колени, уткнулся в ладони.

— Я не помню, когда в последний раз говорил о Кристине. Или вообще о чём-то важном.

— Можешь говорить, когда захочешь, — сказала она. — Или молчать.

Он чуть усмехнулся, глухо.

— Ладно, говорливая. Договорились.

Она аккуратно дотронулась до его плеча. Тишина между ними становилась ощутимой, как воздух перед грозой. Никита не поднимал глаз, но её присутствие рядом чувствовал всем телом — близкое, тёплое, по-настоящему живое.

— Алина, — прошептал он вдруг. Его голос прозвучал с хрипотцой, будто он боролся с самим собой. — Мне иногда кажется, что если я не почувствую чего-то настоящего, я просто сойду с ума.

Он повернулся к ней. В его взгляде не было ни игры, ни

угрозы. Только усталость и боль, замешанные с чем-то ещё... отчаянной потребностью быть живым, быть нужным. Почувствовать хоть один светлый миг.

— Можно? — спросил он, почти шёпотом, но голос дрогнул. Он посмотрел на её губы.

Алина смотрела в его глаза. Её сердце сжалось от нежности и страха, но не перед ним. Перед той хрупкой глубиной, что он открыл. Перед тем, что он не прятался сейчас за грубостью.

Она не ответила словами. Просто медленно потянулась к нему навстречу. Её ладонь коснулась его лица, он вздрогнул, будто этого прикосновения ждал всю жизнь.

Никита слегка склонился. Его губы оказались рядом с её, и тогда Алина сделала последний шаг, прижалась к нему мягко, бережно, почти невесомо. Их поцелуй был тихим, как шёпот в темноте. Без напора, без страсти, только дыхание и тепло, только искра, от которой стало немного светлее.

Когда они отстранились, Никита всё ещё держал её за руку.

— Спасибо, — прошептал он. — Просто за то, что ты есть.

Алина грустно и по-доброму улыбнулась.

— Я рядом. Пока ты впускаешь меня, я рядом.

И в ту ночь их объятия стали не ловушкой и не игрой, а временным островком тишины. Там, где двое больше не чужие.

***

Дыхание Никиты стало ровным, и его рука, лежащая на её талии, чуть ослабла. Алина лежала неподвижно, глядя в темноту. Только сейчас она поняла, зачем он забрал её. Его слова — «тебе нужен перерыв» — теперь звучали не как угроза, а как обещание, странная форма заботы. Он хотел её защитить, дать пространство, которое никто другой не мог дать. Виной всему Кристина. Его боль от прошлого. Но всё пошло иначе. Она сменила страх на внимание. Ведь именно его прошлое, боль Кристины, травмы, бессилие перед утратой формируют эту настойчивую потребность защищать. И вдруг стало ясно: теперь она спасает **его**. Они вдруг поменялись ролями. Никита, который казался непобедимым и бесстрашным, оказался таким же уязвимым, как она сама.

Её губы всё ещё хранили ощущение того тихого поцелуя — настоящего, тёплого, болезненно-человеческого. Сердце билось неровно. «*Я поцеловала его, не потому что влюблена, а потому что он был на грани. Потому что я увидела в нём того, кого больше никто не видит. Он один. Совсем. А я... я не смогла отвернуться*».

Она слегка сжала одеяло, будто искала точку опоры.

«*Но ведь я не могу... Я не могу дать ему больше, чем это. Это мой предел. Всё остальное за гранью дозволенного, за гранью спасения. Мне нужно остаться собой. Помочь — да. Быть рядом — да, но не потеряться*».

Она повернула голову и взглянула на него. «*Я не знаю, смогу ли вытянуть его. Но, может, смогу хотя бы протя-*

нуть руку. Пока он держится за неё, он жив».

Алина сделала глубокий вдох и прикрыла глаза. Завтра всё может измениться. Завтра может быть снова страшно. Но сейчас она выбрала оставаться рядом с ясной головой, с крепкими внутренними границами и с сердцем, в котором пока ещё хватало места для милосердия.

Глава 11.

Кирилл и Артём стояли у стола, слушая доклад волонтёров.

— Заброшенный дом — не то место, — сказал Кирилл, опуская планшет. — Следы свежие, но слишком аккуратные. Кто-то оставил их специально. Это не Никита.

— Значит, он уводит нас в сторону, — нахмурился Артём. — Я проверил всё вокруг: ни машины, ни отпечатков шин, ни следов, ведущих дальше.

Кирилл опустился на край стола, сжимая кулаки.

— Это игра, — произнёс он глухо. — Он хочет, чтобы мы гнались за тенью. Чтобы думали, что он там, где его нет. А сам, тем временем, уходит глубже в лес... или уже далеко отсюда.

Артём посмотрел на него усталым, но твёрдым взглядом.

— Нужно понять, зачем. Что он пытается доказать? Хочет вымотать нас? Сломить?

— Он хочет, чтобы мы поверили, будто он неуловим, — тихо ответил Кирилл. — Но это не так. У каждого есть слабое место. Мы должны найти его и ударить туда.

Они переглянулись без слов, но с одинаковым пониманием: их противостояние только начинается.

Артём развернул карту, пальцем обвёл тропы, уводящие за город.

— Меняем тактику. Перекроем выезды, поставим наблюдение на дороге и в лесу. Никита умён, но не призрак. Он не сможет исчезнуть бесследно.

— А главное, опередить его, — добавил Кирилл. — Пока он не сделал следующий шаг.

Вечером они вернулись в посёлок. Машина остановилась у старых почтовых ящиков у подъезда. Обычно они не обращали на них внимания, в век мессенджеров бумажные письма казались пережитком прошлого.

Но что-то заставило Кирилла открыть ящик. Внутри лежал серый сложенный листок. Он развернул его и, пробежав глазами по строчкам, замер.

— Это... от Алины, — тихо сказал он, и голос его дрогнул.

— Читай! — Артём шагнул ближе.

Кирилл прочёл вслух:

«Мои мальчики! Я жива. В месте, где меня держат, не так уж плохо. Меня не обижают, я не голодаю. Мне не страшно — почти. Разрешила написать, чтобы вы не сходили с ума от переживаний. Жду встречи с вами, очень люблю. Каждого. Ваша девочка».

Несколько секунд они молчали. Облегчение смешалось с холодом тревоги. Письмо — будто луч надежды, пробившийся сквозь тьму, но за ним скрывалось что-то тревожное, недосказанное.

— Мы найдём тебя, Алиночка, — прошептал Кирилл, сжимая бумагу. — Найдём. Обязательно.

Он ещё раз перечитал строки.

— Написано просто, коротко. Похоже на неё. Сдержанно, но от сердца. Только ни слова о месте, о людях. Ни одной подсказки.

Артём взял листок, повертел в руках.

— Бумага чистая, не помятая. Значит, писала не в спешке и не в подвале. И запаха нет — ни табака, ни бензина. Может, ей помогли написать? Или она специально сделала письмо нейтральным, чтобы не выдать себя.

Кирилл нахмурился.

— Меня зацепило слово «не обижают». Оно будто выделено. Что, если ей там действительно не так плохо? Или она договорилась с ним?

Артём покачал головой.

— Слишком мало конкретики: ни времени, ни места. Либо это продуманное послание, либо она боится сказать больше.

Кирилл посмотрел на него внимательно.

— А если она пошла с ним добровольно?

Он произнёс это почти шёпотом, будто боялся самого предположения.

— Он притягивает её, Артём, по-своему. Мы давили, требовали. А он, наверняка, пообещал свободу, простоту.

Артём сжал кулаки.

— Даже если так — это ошибка. Чёртова ошибка. И мы всё равно вернём её.

— Если она ушла с ним, значит, сделала выбор, — тихо сказал Кирилл. — И всё же... мы не можем просто принять это.

Он посмотрел на письмо, словно в глаза живому человеку.

— Она слишком умна, чтобы не понимать, что делает. Если написала, значит, хотела, чтобы мы поняли — она держится. Что у нас ещё есть время.

Артём кивнул.

— Тогда не имеем права останавливаться. Каждый час на счету. Мы должны найти её живой, как бы далеко она ни была.

Знаешь, я не верю, что Алина могла бы так просто уйти с Никитой. Она не поступила бы с нами так, не предупредив. Ей важно было дать хоть какую-то надежду. Значит, она в плену, и это письмо — единственный шанс показать, что с ней всё в порядке. Это её маленький крик о помощи.

**

Кирилл включил ноутбук и нажал кнопку видеосвязи. На экране появилась женщина в очках — строгий, но тёплый взгляд, свет от настольной лампы отражался в линзах.

Алла Валерьевна Лебедева. Тот самый психолог, с которым Алина когда-то проходила онлайн-сессии.

— Здравствуйте, доктор Лебедева, — начал Кирилл. — Я Кирилл Андреев, а это Артём Яров. Мы хотели бы поговорить об Алине.

— Здравствуйте, Кирилл. Здравствуйте, Артём, — отве-

тила она, чуть нахмурившись. — Что-то случилось?

Артём выдохнул и заговорил первым:

— Она пропала несколько дней назад. Мы уверены, что её похитили. Предположительно, Никита. Сегодня получили письмо, оставленное в почтовом ящике. Оно короткое, почти без информации, но написано её рукой. Мы хотим понять, что это может значить. Где она, что с ней могут делать.

Доктор Лебедева сделала паузу, будто собираясь с мыслями.

— В таких случаях важно рассматривать не только факты, но и психологический контекст. Алина сильная девушка, но внутренне истощённая. Её эмоциональные ресурсы были на грани ещё до исчезновения. Никита — человек с подавленной агрессией и возможной травмой из прошлого. Это опасное сочетание.

Кирилл сжал губы.

— Вы хотите сказать, она могла уйти с ним добровольно? Но почему тогда не написала нам прямо?

— Страх, чувство вины, зависимость — всё это может блокировать желание быть откровенной, — мягко сказала Лебедева. — Или ей просто не разрешают писать больше. Такие письма часто становятся единственным способом подать знак, что она жива.

Артём склонился вперёд.

— В каких условиях, по-вашему, её могут держать?

— Скорее всего, изолировано, — ответила она. — Это мо-

жет быть дом, дача, заброшенное здание — любое место, где он чувствует контроль. Важно понимать: для таких людей власть — форма зависимости. Он не обязательно причиняет боль постоянно, но управляет её страхом.

Кирилл нахмурился.

— То есть, физическое насилие возможно?

— К сожалению, да.

— Интим?

— Иногда всё сложнее. Бывает, страх переплетается с привязанностью, тогда человек начинает защищать агрессора, чтобы выжить. Это не просто Стокгольмский синдром, это механизм сохранения души.

Артём сжал кулак.

— Как нам найти её? У него могли быть особые места, где он чувствовал себя сильным?

— Никита импульсивен, но расчётлив. Такие люди выбирают локации, где чувствуют власть и уверенность: лесные домики, охотничьи базы, заброшенные лагеря, — пояснила она. — Изучите всё, что связано с его прошлым. Там, где ему было спокойно, туда он и вернётся.

Кирилл провёл рукой по лицу.

— Письмо чистое, без пятен, без запаха. Бумага обычная, не скомканная.

— Это может означать, что писала она под наблюдением. Или что ему нужно было, чтобы письмо выглядело «нормально». Иногда это часть игры: дать надежду, чтобы про-

длить контроль.

— А если мы её найдём? — спросил Артём после короткой паузы.

— Главное, не торопиться, — ответила доктор Лебедева. — Не задавайте лишних вопросов, не обвиняйте. Ей нужно почувствовать безопасность. Только потом — терапия, восстановление доверия, работа с травмой.

Кирилл задумался, глядя в сторону.

— Она ведь сама говорила, что Никита ей симпатичен. Что он не злой, просто потерянный. Может, она не сопротивляется?

Алла Валерьевна покачала головой.

— Это не симпатия, Кирилл. Это способ выжить. Когда человек заперт, он ищет хоть крупицу света, даже если этот свет от тех, кто его держит. Она не видит выхода, поэтому находит смысл в нём. Это не любовь, это защита психики.

— Спасибо, доктор, — тихо сказал Артём. — Мы не остановимся, пока не вернём её.

— Я с вами, — кивнула она. — Пишите в любое время, даже если это будет ночь.

Экран погас. Комната наполнилась тишиной. Только слабое гудение ноутбука да мерцающий свет отражались в их глазах.

Кирилл и Артём сидели, не двигаясь. С каждым словом психолога груз реальности становился тяжелее, но и решимость крепла.

Теперь они знали: впереди их ждал не просто поиск. Это была борьба за их девочку, за ту, которая всё ещё была где-то рядом, живая, и отчаянно ждала, когда её спасут.

Глава 12.

Утренний воздух был влажный, липкий. Ночь принесла туман, и лес выглядел призрачно. Сквозь мутные стёкла комнаты свет едва пробивался, рассыпаясь серыми тенями по полу.

Алина сидела у окна, обняв колени, босая, в его кофте. Слушала, как капли воды стучат по жестяному навесу. Никита ещё спал. После всего, что было, он спал глубоко, почти мирно без снов, без стонов, как будто впервые за много лет мог позволить себе не сторожить собственное сердце.

Алина смотрела на него долго: на подбородок с щетиной, на спокойное дыхание, на руку, свисающую с кровати. Этот человек вчера был монстром, а сегодня почти ребёнком. Всё перемешалось.

Она тихо встала, прошла на кухню, умылась ледяной водой из ведра и разожгла плитку. Остались яйца, кусок хлеба и один чайный пакетик. Завтрак был почти готов, когда он появился в майке, босой, растрёпанный.

— Пахнет едой, — хрипло сказал он, зевая. — Удивительно что она вообще есть.

— Яйца и хлеб. Шеф, не жалуйся, — она обернулась. Улыбка была сдержанной.

Он подошёл ближе, сел за стол. Некоторое время ел молча. Потом, не поднимая глаз, спросил:

— Ты ведь думаешь, что я опасный.

Алина не сразу ответила.

— Я думаю, ты ранен. А раненые могут быть опасны.

Он усмехнулся горько.

— Спасибо за правду.

Она села напротив, руки лежали на коленях.

— Ты не убил его вчера, значит ты не потерян.

Он поднял взгляд.

— А если я всё равно когда-нибудь сорвусь?

— Тогда я должна быть рядом раньше, — сказала она твёрдо. — И остановить или напомнить тебе, кто ты.

Никита долго молчал, потом прошептал:

— Я скучаю по тебе, даже когда ты рядом, потому что знаю, ты не навсегда со мной.

Алина медленно подошла, обняла сзади осторожно, как держат раненого зверя, и он позволил.

— Ты не клетка, Никита, но и я не птичка. Если хочешь, чтобы я была рядом, не держи меня, а доверься.

Он закрыл глаза, глубоко вдохнул её запах.

— Тогда помоги мне. Только ты можешь.

Никита молчал долго, казалось, боролся с чем-то внутри. Пальцы его чуть дрожали, пока он перебирал крошки на тарелке. Алина не торопила.

— Хочешь знать, кто такая Кристина? — спросил он глухо.

Алина кивнула. Она уже догадывалась, но хотела услы-

шать всю правду из его уст.

— Она была... другой: мягкой, тонкой. Поверила, что я смогу вытащить её из ада. Её бывший парень бил, унижал, запирал, она выбралась сама и нашла меня.

Он тихо усмехнулся, но в этом звуке было слишком много злобы к себе.

— Я думал: «Вот он, шанс. Теперь я всё сделаю правильно. Всё по-настоящему». Но не понял, насколько всё серьёзно. Думал, что с моим появлением кошмар закончится, что любви хватит.

Он тяжело выдохнул, будто из груди вырвался застрявший воздух.

— А потом она исчезла. Её нашли мёртвой, а его не нашли. Ни следа, ни доказательств. Только её тело и мой промах. Я не успел в тот вечер.

Алина села рядом, не касаясь его. Просто слушала, молчала.

— Я сломался, — прошептал он. — Решил, что если не смог тогда, то теперь не позволю никому быть таким же слепым, как я. Ни одному «мягкому» парню, ни одной девушке, которая думает, будто любовь — это защита.

Он поднял взгляд. В глазах плескалась боль и отчаянная искренность.

— Когда я увидел тебя, я понял. Ты похожа на неё. Такая же сильная, уверенная, будто всё под контролем. Ты веришь, что любовь может спасти, но это ложь.

Алина медленно подалась вперёд и, почти неосознанно, коснулась его плеча.

— Это не ложь, Ник. Это просто недосказанность, недоверие. Мы с ними не идеальны, да. Но я выбрала их и мне больно, что ты решил забрать этот выбор у меня.

Алина дышала спокойно, но глаза дрожали от напряжения.

— Ты не должен быть себе палачом. Ни мне, ни Кириллу, ни той девочке — Кристине.Всё, что ты должен, это попробовать простить. Хотя бы начать.

Он закрыл глаза.

— Я не знаю как, — прошептал он. — Я не умею быть без боли.

— Я помогу, — тихо ответила она. — Если захочешь, если впустишь.

Тишина заполнила пространство, словно воздух стал плотнее. Он медленно взял её ладонь, прижал к своей щеке. Кожа горячая. Пальцы дрожат.

— Тогда не уходи пока, пожалуйста.

Алина наклонилась и поцеловала его в висок, без намёка на романтику. Просто касание. Как прикосновение к ране, которую не залечить, но можно хотя бы закрыть рукой.

— Я рядом, — сказала она. — Но не навсегда. Я здесь, чтобы помочь. А потом уйду. Если ты сможешь стоять сам.

Он не ответил, только крепче сжал её ладонь, будто боялся, что если отпустит, снова останется один.

***

Комната погрузилась в густую тишину. Дождь уже стих, но в воздухе оставалась влажная, почти гнетущая плотность. Лагерь замер, лес будто затаил дыхание, слушая их.

Алина сидела на кровати, распуская волосы. Влажные пряди липли к шее, кожа чуть блестела в полутьме.

Рядом, у стены, на полу расположился Никита. Он сидел с закрытыми глазами, не спал, просто ровно дышал, чуть глубже, чем обычно. В его спокойствии чувствовалось напряжение, будто он держал внутри слишком многое, что могло сорваться в любую секунду.

Она смотрела на него долго, не отводя взгляда. Потом медленно соскользнула с кровати и села рядом, скрестив ноги. Осторожно дотронулась до его руки.

— Всё в порядке? — спросила тихо.

Он не открыл глаз, только слегка кивнул.

— Почти. Когда ты рядом — ближе к этому.

Она замолчала на мгновение, потом сказала:

— Я знаю, ты хочешь, чтобы тебе поверили, чтобы ты сам поверил, что не чудовище.

Он усмехнулся с усталой кривизной во взгляде.

— Это так заметно?

— Да. Но знаешь, что ещё видно? — она чуть наклонилась к нему. — Ты всё ещё способен любить. Просто не веришь, что достоин.

Он выдохнул хрипло, будто признание давалось с болью.

— Я боюсь. Что если прикоснусь, то всё разрушу, как всегда.

— Не разрушишь, — прошептала она. — Я рядом.

Он медленно поднял руку и коснулся её щеки. Осторожно, будто боялся, что прикосновение обожжёт. Потом дотронулся до её губ. Сначала просто смотрел, не веря, что она не отступит.

Алина не отстранилась.

Поцелуй получился тихим, медленным. Не страстным, человеческим. Как будто два человека, давно потерявшие веру в нежность, вдруг вспомнили, что она существует. Его ладонь легла на её затылок, скользнула в волосы. Он дышал глубоко, ровно, как перед прыжком в холодную воду, но не спешил. Не требовал, он просил.

Она ответила сама, без страха, без сопротивления. И поцелуй стал глубже, всё ещё осторожный, но уже осознанный. Не страсть, а будто тихое *«я здесь»*. Он чуть наклонился вперёд, притянул её ближе, их лбы соприкоснулись. Она почувствовала, как его дыхание сбилось, а кончики пальцев дрожат у неё на затылке.

— Ты дрожишь, — прошептала она.

— Я просто не хочу испортить, — ответил он едва слышно. — Не хочу снова пугать.

Они сидели рядом ещё какое-то время, дыша в унисон, пока напряжение не стало утихать. Наконец Никита медленно поднялся, подал ей руку:

— Пойдём. Уже поздно.

Алина позволила ему помочь подняться. Они легли рядом. Никита обнял её осторожно, не как охранник, не как владелец, как человек, который наконец получил шанс лечь рядом с тем, кто его не боится. Он прижал её чуть крепче, дыша ей в волосы.

— Я не прошу тебя остаться, но хочу что бы ты знала, что пока ты здесь, я живу.

Алина ничего не ответила. Только слушала его неровное, тяжёлое дыхание, но уже не мучительное.

И в этом дыхании действительно было что-то новое. Словно он впервые за долгое время не прятался от жизни, а *позволял себе чувствовать*.

Глава 13.

Штаб. Поздний вечер.

Шум стих. За окнами слышался лишь редкий гул дороги да скользили отражения фар на мокром асфальте. Кирилл сидел за столом, уткнувшись в планшет с картами, взгляд тусклый, сосредоточенный. Артём стоял у окна, покачиваясь на пятках так, точно готовился к резкому рывку.

— Три дня, — тихо сказал Кирилл. — Она где-то там, а мы всё ещё топчемся на месте.

Артём покачал головой:

— Не совсем. Один из «серых» вышел на связь. Сказал, видел машину, похожую на Никитину, без номеров. Мелькала на границе заповедной зоны, рядом со старой базой охотников.

Кирилл вскинул взгляд.

— Ты уверен?

— Он не врёт, не за те деньги. И главное, машина ехала медленно, будто искала место. Не гнал, не прятался. Искал.

Кирилл провёл рукой по лицу.

— И ещё, — добавил Артём. — Один связной упомянул старое прозвище Никиты. «Змей». Так его называли у байкеров. Хитрый, мстительный, никогда не идёт прямо.

Кирилл поднял взгляд.

— Подходит ему. Ползёт тихо, а удар точный.

— Именно, — кивнул Артём. — Он всегда выбирает момент. Всё, что делает, часть замысла.

— Даже письмо, — тихо сказал Кирилл.

Кирилл поднялся, подошёл к окну. За стеклом клубился туман, и огни трассы тонули в нём, как мысли, которые не дают покоя.

— Надо ехать к этой базе, пока он не сменил локацию.

Артём сел на край стола.

— Возьмём двоих. Без шума. Волонтёры займут другую зону, пусть он думает, что мы пошли по ложному следу.

Кирилл посмотрел на него. В глазах укоренилась усталость, решимость и что-то вроде обречённой веры.

— Это наш шанс.

Они переглянулись. Между ними не осталось споров. Только цель.

— Ради неё, — сказал Кирилл.

— Ради неё, — повторил Артём.

***

Лесная дорога. Ночь. Кирилл держал руль обеими руками, будто боялся отпустить хоть на секунду: «Фары — узкие полосы света. Всё остальное чёрнота. Мы едем в неё. Не зная, куда, не зная, зачем. Только за ней, за Алинкой. Иногда я думаю: может, если бы я не был таким спокойным, таким «удобным», она не попала бы в эту ловушку? Я привык всё держать под контролем, считать шаги, понимать людей, а её... не понял.

Она просила немного тишины, н емного покоя. Я думал, что даю ей это. А, оказывается, давал только паузу перед обрывом. А теперь её держит человек, который не знает, что такое «мера». Он держ ит крепко, а она может и не сразу вырвется, н о я верю. Я должен верить. Иначе зачем я вообще живу?»

Вслух, чуть тихо, произносит:

Артём: «*Твою мать, как же темно. Как же долго. Этот лес словно тянется внутрь меня. Алина... Я помню, как она впервые появилась. Я тогда понял: вот она. Та, кто может сломать любого и даже не заметит. А она тихо ломалась сама, внутри. Я видел, но молчал. Думал, что пройдет, потом — что уже поздно. А теперь поздно совсем.*

Если Никита сделал с ней хоть что-то, хоть коснулся с той болью, с какой он смотрит на мир... я не знаю, выдержу ли. Я не добрый, как Кир. Не умею прощать. Я из тех, кто рвёт, когда больно».

Артем смотрит в темноту за стеклом. И тоже тихо, едва слышно произносит:

***

Старая база. Край заповедника.

Машина остановилась на просёлке. Фары осветили полуразвалившийся забор, проросший травой. Дальше только тьма и шорохи.

— Здесь, — тихо сказал Артём, глуша двигатель.

— Похоже на конец света, — буркнул один из сопровож-

дающих.

Кирилл вышел первым. Воздух был влажный, густой, пах землёй и старой гарью.Перед ними стояли три домика. Один перекошен, другой рухнул. Центральный держался: крыша просела, но стены стояли.

Они вошли. Пол скрипел под ногами, где-то капала вода. Тишина была вязкой, как перед грозой.

— Чисто, — отозвался один из парней после обхода.

Кирилл стоял у печки.

— Он был здесь, — произнёс тихо.

— Когда? — спросил Артём.

— Недавно. Смотри: пепел, фильтр, ржавая кружка, обрывок пакета из-под галет. Всё вычищено. Он оставил следы намеренно.

Артём наклонился ближе, и заметил процарапанный ножом знак: сердце в бесконечности.Тот самый.

— Да он издевается, — выдохнул Кирилл. — Сообщение простое: *«Я был здесь. Но ты опоздал».*

— Мы идём туда, куда он хочет, — глухо сказал Артём. — Он играет.

Кирилл опустил взгляд, потер виски.

— Завтра поднимем дроны. Проверим тропы, ручьи, периметр. Если он где-то рядом, найдём.

— Мы бьёмся в закрытую дверь, — сказал Кирилл, садясь на порог. — А она там.

Артём подошёл, сел рядом.

— Она не одна, — произнёс он после паузы. — Она с ним.

И эта мысль, простая как удар, оказалась страшнее всего, что они видели этой ночью.

Глава 14.

День стоял тяжёлый. Воздух был влажный, липкий, как перед грозой. Всё вокруг будто вымерло: птицы притихли, лес стал глухим, даже ветер замер.

Алина сидела у стены, закутавшись в плед, хотя в комнате было душно. Никита стоял у окна, спиной к ней, неподвижный. Уже минут десять он молча смотрел в сторону деревьев, будто ждал, что из-за них кто-то выйдет.

— Ты что-то увидел? — тихо спросила она.

Он не ответил. Только едва качнул головой, словно отгонял лишние мысли.

— Просто жду, — произнёс наконец. — Не знаю чего. Может, себя самого.

Алина не знала, что сказать. Она чувствовала: что-то в нём меняется. Вчерашняя мягкость растворилась, осталась тягучая тревога, ощущение надвигающегося шторма. В воздухе повисло ожидание.

— Заваришь чай? — попросил он, не оборачиваясь.

Она кивнула, подошла к плите, всё делала на автомате: две кружки, кипяток из термоса, остатки трав. Когда вернулась, он уже сидел за столом, сложив руки, как перед разговором, которого боялся.

— Знаешь, — начал он, глядя в пар над чашкой, — я просыпаюсь и первым делом смотрю, не сбежала ли ты, не ис-

чезла и каждый раз вижу, что ты рядом. Это... даёт надежду.

Алина кивнула, сделала глоток. Горячо, терпко.

— Я не сбегаю, — произнесла она ровно, — потому что... я нужна тебе сейчас.

Он усмехнулся, но взгляд остался потухшим.

— Ты говоришь, как психолог. А я слышу: *«я с тобой, пока это удобно»*.

— Я с тобой, пока ты не пугаешь меня, — ответила она спокойно.

Тишина затянулась.

— А ты думала, что сможешь остаться? — спросил он, не поднимая взгляда. — Не из жалости, а просто из желания?

Она замерла.

— Никита...

— Не отвечай. — Он поднял глаза, в которых плескалось что-то острое, беспомощное. — Я просто должен был это спросить.

Он резко поднялся, прошёлся по комнате, остановился.

— Знаешь, как больно, когда ты рядом, но не со мной? Когда я чувствую твоё дыхание, а ты всё равно держишь дистанцию.

Алина медленно поставила кружку.

— Я не играю с тобой, Ник. Я просто не могу жить чужой жизнью. Мне нужно дышать. Нужно пространство.

Он подался вперёд:

— Но ты же дышишь здесь со мной. Значит, можешь. Зна-

чит, хочешь. Или нет?

Она почувствовала, как воздух между ними стал плотнее. Его рука осторожно скользнула по её щеке. Он произнес шёпотом:

— Скажи, Жасмин, хоть раз ты чувствовала себя здесь в безопасности?

Она кивнула.

— Да. Иногда.

— А со мной ты чувствовала не страх, а тепло?

Она колебалась. Да, тепло было, но и страх тоже. И он не понимал, что эти чувства не живут рядом.

— Никита, — сказала она тихо. — Ты путаешь защиту и контроль. Ты хочешь, чтобы я была рядом, но при этом решаешь за меня всё.

Он отступил, и по лицу прошла тень.

— Я просто боюсь потерять. Опять. Мне казалось, если ты останешься, то всё будет иначе.

— Я не Кристина, — тихо произнесла она.

Он застыл, будто получил удар.

— Я знаю, — выдохнул он. — Но иногда мне кажется, что если отпущу тебя, ты исчезнешь. И всё, что я делал, станет бессмысленным.

Алина шагнула ближе осторожно коснулась его руки.

— Если ты отпустишь, у тебя появится шанс вернуться к себе. К настоящему, живому.

Он долго молчал.

— Я не знаю, как это сделать, — наконец сказал он.

Она взяла его ладони, прижала к своим щекам.

— Я помогу, но только если ты перестанешь держать меня в кулаке. Я не птичка и не ключ от твоей вины. Я человек, Никита.

Он закрыл глаза, опустил голову.

— Я устал. Очень.

Алина поняла, он стал зависим от неё. Не физически, а глубже — эмоционально, почти болезненно. Чем больше она становилась для него светом, тем опаснее становилось любое её движение прочь.

И в этот момент она впервые ясно осознала: теперь *она* та, кто должен его спасать от чужих теней, от прошлого и от самого себя.

***

Они молчали уже долго. Лес за окнами шумел, как море, набегами, с шорохами, будто дышал вместе с ними.

Никита сидел у стены, сгорбившись, подбородок лежал на коленях. Он не смотрел на Алину, только на пол, на собственные ладони, будто в них пряталась правда, которую он пытался найти.

Алина лежала на кровати, не спала. Просто ждала.

— Знаешь, — вдруг произнёс он, почти шёпотом, — иногда мне кажется, что всё это уже было. Словно я снова и снова проживаю одно и то же. Сначала доверие, потом страх, потом пустота.

Она медленно повернула голову.— Ник...

— Я помню, как Кристина смеялась. У неё был звонкий смех. Я тогда думал: «Если она смеётся, значит, жива, значит всё хорошо». И это было моей опорой. Я не замечал, что она трескается, что её лицо уже маска.

Он поднял взгляд, глаза стеклянные.

— Я думал, что любовь — это достаточно. Что если быть рядом, держать крепко, закрывать руками от всех, она не сломается, не исчезнет. Но я ошибался, а теперь... — он всхлипнул. Один раз. Почти беззвучно. — Теперь я не верю даже себе.

Он резко поднялся, прошёл по комнате, схватил пустую фарфоровую чашку и бросил в стену. Она разбилась с сухим звуком. Осколки рассыпались.

Алина вздрогнула, села.

— Никита!

Он обернулся, в его взгляде было что-то чужое. Не зло, а боль. Бешеная, беспомощная боль.

— Ты уйдёшь. Я знаю это. Ты смотришь на меня и у тебя в глазах уже прощание.

— Это не так, — тихо ответила Алина.

Он подошёл ближе. Застыл.

— Если ты уйдёшь, я не смогу снова собраться, не после всего, не после того, как... ты стала мне всем.

Он резко притянул её к себе, не грубо, отчаянно, уткнулся лбом в её плечо.

— Не уходи, не оставляй. Я не хочу быть один в этом чёртовом лесу, я не хочу снова стоять над телом и думать: «Что я сделал не так?»

Она прижала его голову к себе, гладила по волосам медленно, ровно, как гладила бы ребёнка, которому снится кошмар.

— Шшш... Я здесь, ты должен дышать. Услышал? Просто дыши.

Он дрожал.

— Мне страшно, Жасмин. Я убил её не руками, а равнодушием. И теперь боюсь, что убью и тебя, даже если буду любить.

— Тогда не души, а доверяй. Это единственный выход, Никита.

Он замер и прошептал:

— Я не умею по-другому. Но, если ты не уйдёшь, я научусь.

Алина кивнула. В её глазах стояли слёзы. Он был не чудовищем, он был человеком на грани — оголённым, ломким.

Алина медленно отстранилась, положила ладони ему на щеки, посмотрела в глаза, глубоко. С любовью? Нет. С доверием, с принятием.

— Ты жив. Это уже значит, что можно меняться.

И прежде чем он успел что-то сказать, она аккуратно склонилась и поцеловала его в губы заботливо, нежно.

Но Никита не остался в этом покое. Он откликнулся со

страстью, с той жаждой, которую держал внутри слишком долго. Он словно пил Алину, жадно, будто обезвоженный путник нашел глоток воды в пустыне. Его рука легла на её затылок, языки встретились. Он не просил, он благодарил жадно, молча, всем телом.

Когда поцелуй прервался, они остались на расстоянии нескольких сантиметров. Оба сбивчиво дышали. Губы пылали. Взгляды не отрывались друг от друга.

Никита хрипло прошептал:

— Я так хочу тебя...

Но Алина медленно приложила палец к его губам.

— Не надо говорить ничего, — выдохнула она.

Он закрыл глаза, его грудь вздымалась от сдерживаемого напряжения. Он взял её ладонь и припал к ней губами.

— Ты мой свет, — сказал он еле слышно. — Даже если ты не со мной, даже если ты уйдёшь.

Алина коснулась его щеки:

— Сейчас я рядом.

***

Кровать казалась теплее, чем обычно. Не из-за пледа и не из-за тела рядом, а из-за той хрупкой тишины, что наконец перестала давить, а стала похожа на утешение.

Никита лежал на спине, глядя в потолок. Алина устроилась боком к нему, уткнувшись лбом в его плечо. Его рука обнимала её осторожно, будто он боялся одним неловким движением разрушить хрупкое равновесие между ними.

Она слушала его глубокое, неровное дыхание, с редкими вздохами, в которых чувствовалась усталость и напряжение. Иногда он вздрагивал, словно память возвращала что-то, от чего невозможно защититься.

Алина ждала несколько минут, а потом тихо произнесла:

— Ник...

— Мм?

— Ты ведь не хочешь, чтобы всё вот так и оставалось?

Он повернул голову. Морщины на лбу легли глубже.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты устал, — прошептала она. — От самого себя, от прошлого, от боли, которую носишь внутри. А я... — её пальцы мягко скользнули по его груди, — я не хочу, чтобы ты жил с этим один.

Он молчал, но его пальцы на её талии чуть сжались.

— Есть способ, — продолжила она. — Не лёгкий, но реальный. Ты не обязан нести всё это сам. Можно лечиться, говорить, искать выход. Психиатр, таблетки, диагноз — если нужно. Сессии, боль, работа над собой. Это тяжело, да. Но возможно. Если ты позволишь мне быть рядом не пленницей, а человеком, который держит тебя за руку.

Он замер. Молчание стало острым, как лезвие.

— Ты хочешь, чтобы я стал кем? Очередным пациентом, которому прописывают таблетки, чтобы не кричал и не плакал? Думаешь, это вылечит то, что внутри?

— Нет, — тихо ответила она. — Но это поможет тебе

жить так, чтобы внутри не рвало. Ты сам говорил, что хочешь удержать меня. Так вот, это единственный способ. Не держать, а меняться.

Он прикрыл глаза, судорожно вдохнул.

— Мне страшно, Жасмин. — Голос дрогнул. — Я боюсь, что если пойду туда, обратно уже не вернусь. Я стою на костылях из боли... Если их убрать, то что останется?

Алина провела рукой по его щеке.

— Ты, — сказала она. — Просто ты. Без маски, без ярости и без паники. Если оступишься, я подставлю плечо. Я не обещаю быть всегда, но обещаю быть честно. Как друг.

Он долго молчал. И наконец выдохнул, едва слышно:

— Я не говорю «да». Но я услышал.

Она улыбнулась и обняла его крепче.

— Этого достаточно. Для начала.

Глава 15.

Прошло уже несколько дней. Каждый час тянулся, точно густой мёд. Кирилл и Артём обошли всё, что только можно было обойти. Они проверяли карты, слухи, наводки от «серых», спутниковые снимки и даже старые заброшенные маршруты волонтёров двадцатилетней давности.

Всё впустую. Они находились совсем рядом, но упирались в глухую стену леса, где Никита двигался точно призрак. Он словно нарочно стирал за собой все следы, оставляя ровно столько, чтобы поддерживать слабую надежду, но не давать реального результата.

— Он нас водит, — снова резюмировал Кирилл, глядя в карту, исписанную пометками. — Почти на грани.

Стоит нам сделать ещё один шаг шире, и мы бы, возможно, нашли точку, а мы всё упираемся в круг.

Артём вытер лицо.

— Значит, делаем шаг шире, сегодня же.

Он даже не сомневался, что Алина жива. Но где и в каком состоянии?

***

Заброшенный лагерь.

Лес за окном становился мягче, светлее. Ушёл июньский холод, но вместе с теплом пришла усталость. Глубокая, вязкая, та самая, которая не лечится обычным сном.

Алина лежала, не шевелясь. Никита ещё спал, лицом уткнувшись в её шею, одной рукой обнимая за талию. Он стал таким тёплым, мягким, почти домашним. Но именно это пугало. Он расслаблялся рядом, но всё ещё не делал самого главного шага.

Она чувствовала его страх.

Последние несколько дней они говорили часами. Она рассказывала о детстве, о страхе одиночества. Он говорил о том, как не смог уберечь Кристину. О том, как гнил внутри, день за днём, убеждая себя, что всё под контролем.

Он начал задавать вопросы. Сначала осторожно, мимоходом:

— А если я пойду к врачу, ты уйдёшь? А если я скажу «да», ты правда будешь рядом?

Теперь он даже не спорил, когда она заводила разговор о терапии, о таблетках и о важности всего этого процесса. Сегодня она решила немного поднажать. Не силой, а аккуратно. Осторожно и мягко.

— Ник... — начала она, не глядя, — А если я скажу, что лечиться — это не признание слабости, а признание силы? Что нужно гораздо больше мужества, чтобы открыть душу врачу, чем спрятаться в лесу?

— Я думал, что спрятаться — это спасение. Но, наверное, ты права. Это просто способ отсрочить боль.

— И боль всё равно внутри. — Она коснулась его руки. — Только без лечения она гниёт, разъедает.

— А с лечением?

— Становится голосом который можно услышать и потихоньку приручить.

Он чуть сжал её пальцы.

— Я не хочу, чтобы ты меня жалела.

— Я не жалею.

Я... Я уважаю тебя, потому что ты живой, настоящий. Даже в ошибках.

— А если после всего я стану другим? Ты всё ещё захочешь быть рядом?

— Если ты станешь собой, неважно каким, я выберу быть рядом, как друг.

Он не ответил. Но в его взгляде была тихая, почти незаметная благодарность.

Она знала, ещё немного и он согласится. Внутри он уже шёл ей навстречу.

***

Штаб, день.

Усталая лампа гудела над столом, рассыпая жёлтый свет на карту, покрытую линиями, значками, обведёнными участками. Кирилл стоял, склонившись над ней, водя пальцем по старой просеке, что упиралась в густую чащу.

Артём сидел напротив, ссутулившись, держал в руке пластиковый стакан с чаем, третьим за вечер. Волонтёры уже разошлись, кто-то дремал в углу, кто-то перебирал рации.

— Мы топчемся, — глухо сказал Кирилл. — Пять дней, и

каждый раз одно и то же: ложные следы, пустые дома, тропы в никуда.

Артём кивнул, вытер лоб.

— Он оставил нас внутри маленького, удобного круга. Он хочет, чтобы мы искали рядом. Значит, надо смотреть дальше. Вширь.

— Насколько? — спросил Кирилл, поднимая взгляд.

— На десять километров минимум. Есть заброшенные стоянки, пара сгоревших лагерей, даже старые охотничьи базы, которые давно не значатся ни в лесхозе, ни в реестрах. Надо просмотреть всё, что вне логики.

Кирилл сжал кулак.

— Значит, завтра выходим с рассветом. Поднимем две группы. Одна пойдёт вдоль водоёма, вторая по старому просёлку. Дроны, карты, волонтёры с GPS.

Артём поднялся. Его глаза были воспалены.

— Если мы не сделаем это сейчас, ещё один день уйдёт в пустоту. А у неё может не быть этих лишних дней.

Кирилл кивнул.

— Завтра. Без права на промах.

Снаружи налетал прохладный ветер. На горизонте собирались тучи. Они оба знали, что-то сдвинулось. Впервые за много дней их выбор казался верным.

Заброшенный лагерь. То же утро.

Никита почти всю ночь не сомкнул глаз. Он лежал, глядя в потолок, пока рядом мерно дышала Алина. Её тёплая ла-

донь покоилась на его груди, служа безмолвным напоминанием о том, что он больше не один. Когда забрезчило утро, отступать уже было некуда.

Хриплый голос Никиты нарушил тишину:

— Жасмин...

Она проснулась мгновенно, приподнялась на локте и встретилась с ним взглядом.

— Что случилось?

— Если я соглашусь на врачей, на таблетки, на всю эту терапию... Ты действительно останешься рядом?

Он отвёл глаза, но она видела главное: его броня треснула. Он не сдался, он наконец открылся. Алина кивнула, бережно перехватила его ладонь и прижалась губами к суставам его пальцев.

— Я пройду с тобой каждый шаг. В кабинетах врачей, в аптеках, в долгих разговорах. Если ты оступишься, я поддержу. Ты больше не один ни на единый день. Я буду рядом, обещаю.

Он выдохнул медленно, словно сбрасывая с плеч неподъёмную тяжесть.

— Тогда... да. Я попробую.

Никита провёл дрожащей рукой по лицу, с трудом справляясь с подступившим комком в горле.

— Но если ты исчезнешь, я не справлюсь.

Алина тут же притянула его к себе, укутывая теплом. — Я никуда не исчезну, обещаю тебе.

Она прижалась щекой к его плечу и на мгновение умолкла, собираясь с силами для самого трудного разговора:

—Ник, ты ведь понимаешь. Я вернусь к своим, к Кириллу и Артёму. Они часть моей жизни.

Он напрягся всем телом, реагируя на её слова как на физическую боль, но промолчал.

— Но это не значит, что я вычеркну тебя. Ты не мусор из прошлого, ты живой человек, которому я хочу помочь выбраться из этой тьмы.

Никита едва заметно кивнул.

— Я обещаю быть рядом, когда начнётся путь. Я обещаю говорить честно, не предавать и сделать всё, чтобы твоё похищение не стало для тебя концом.

Она мягко провела ладонью по его спине, успокаивая.

— Если мы вернёмся правильно, тебя не посадят. Я расскажу правду. О том, что ты не калечил и не мучил, что был захлестнут болью, но нашёл в себе силы остановиться. Ты не преступник, Ник.

Он вздрогнул от этих слов. Алина прилегла рядом, поворачиваясь к нему лицом. — Ты всё время гнался за ветром, за высотой, за скоростью, а на самом деле просто убегал от самого себя. Твоя мнимая свобода была лишь маской, а под ней... вот здесь, в груди, всё просто разрывается от боли

Он закрыл глаза, позволяя правде проникнуть внутрь. Алина продолжила тихим, обволакивающим голосом:

— И я хочу помочь тебе очистить эту боль. Превратить её

не в тюремную камеру, а в прожитое прошлое. Ты можешь стать другим, Ник. Не буйным ветром, а человеком, который наконец научился жить.

Он смотрел в потолок, и горячая слеза беззвучно скатилась по его щеке.

— Мне страшно, но я хочу туда, куда ведёшь ты.

Алина тепло улыбнулась ему.

— Тогда пойдем шаг за шагом. Я буду рядом.

День тянулся медленно, заполняясь простыми делами среди заброшенных построек лагеря и тем особым молчанием, в котором больше не было напряжения. Сначала они перекусили завтраком, слушая, как шумит над крышей глухой лес. Потом Никита вывел её на заросшую сорной травой площадку.

— Смотри сюда, — негромко сказал он, протягивая ей тяжёлый охотничий нож с потемневшим лезвием.

Алина неуверенно взяла оружие, чувствуя холод металла. Никита встал позади, осторожно накрыл её пальцы своими, направляя руку, и её плечо тут же утопло в тепле его груди.

— Не кидай силой, — выдохнул он ей прямо в ухо, обдавая кожу горячим дыханием. — Рука должна идти от плеча, плавно. Отпусти в момент, когда пальцы сами распрямятся.

Она замахнулась и метнула нож. Лезвие со глухим стуком ударилось о кору рукояткой и отлетело в сухую траву. Никита тихо усмехнулся за её спиной, в его глазах блеснул живой, мальчишеский азарт.

— Ещё раз. Расслабь кисть.

Они повторяли это снова и снова, пока металл не стал слушаться, а глухие удары о дерево не начали звучать уверенно. Это занятие странным образом стирало остатки страха, сближая их куда быстрее любых слов. После обеда они гуляли по территории, осматривая местность.

Лес вокруг уже не казался враждебной ловушкой. Он стал просто фоном для их общего, выстраданного перемирия с миром.

А когда солнце опустилось за верхушки сосен, окрашивая небо в густые сумеречные тона, они вернулись в комнату.

После ужина они молча сидели в полумраке остывающей комнаты. Алина поднялась и подошла к окну, вглядываясь в сгущающуюся темноту заброшенного леса, где деревья уже сливались сплошной глухой стеной.

Никита неслышно подошёл сзади и осторожно обнял её за плечи, прижимая к себе. Она медленно развернулась в его кольце, поднимая лицо. Глаза в глаза. В тусклом свете сумерек его взгляд казался бездонным. Он медленно подался вперёд, сокращая расстояние между ними, и их губы встретились.

Это был не поцелуй обычной девушки и мужчины. Это был поцелуй тех, кто больше не может жить в броне. Кто нашёл в другом укрытие от собственной бури. Он вдохнул её, словно в этом поцелуе крылся весь его кислород, и ответил. Поцелуй стал глубже, настойчивее.

Он провёл рукой по её спине, остановился на затылке, взял чуть крепче, чуть ближе. Губы двигались медленно, уверенно. Тепло их дыхания перемешалось. Там не было суеты. Был только вкус долгожданного завершения.

Когда поцелуй оборвался, она осталась рядом, часто дыша, лбом прижатая к его щеке. Он крепко обнял её.

— Ты такая сладкая, — прошептал он, его голос дрожал. — Не от запаха, не от губ, от того, как ты смотришь, как не боишься. Ты вкусная тем, как держишь меня, как будто я не чудовище.

Её губы чуть дрогнули.

— Ты не чудовище, Ник. Ты просто долго жил в темноте.

И он сильнее прижал её к себе, провёл пальцами по спине, задерживая руку на пояснице. Его губы дрогнули, и тишину прорезал хриплый, сдержанный шепот:

— А потом ты уйдёшь к ним.

Алина чуть замерла. Он не убирал руки, словно уже заранее прощался.

— К ним. К этим твоим мальчикам. Они получат всё: тебя, твоё тело, твоё тепло, твою душу. И будут считать, что заслужили, что были рядом, что спасали и спасли.

Он замолк, сжав зубы до боли, а потом выдохнул:

— А я? Я только украл. Я буду для тебя грязным пятном. Страницей, которую не перечитывают. Ошибкой, которую никогда не называют вслух.

В его взгляде отразилось абсолютно всё: от дикой боли до

жгучей зависти, от любви до панического страха потерять её окончательно.

— Ник... Ты был не ошибкой. Ты тот единственный, кто показал мне, как можно стоять на самом краю и не сломаться.

Он отвёл взгляд в строну.

— А они будут касаться тебя, целовать. Ты будешь с ними смеяться, спать в одной постели. А я? Я буду сидеть на таблетках, где-то на самом краю чужой жизни.

— Нет. Ты будешь в своей собственной жизни. И в ней ты будешь главный. А я... я не исчезну, не сотрусь. Я буду рядом.

— Я просто хочу, чтобы хоть раз в жизни кто-то сказал, что выбирает меня, без всяких условий и без дурацких оговорок.

— Я выбираю помочь тебе. И если ты пройдёшь свой путь до конца, то сам станешь тем, кого выберут. Когда ты исцелишься от своей боли, ты обязательно встретишь ту женщину, которая будет тебе по-настоящему близка.

Он тихо усмехнулся.

— Мне не нужна другая.

Она повернулась к нему лицом.

— Да ладно. А кто тебе нужен, кого хочешь?

Он не моргнул.

— Тебя.

Повисла тишина.

— Ты... — она слегка прищурилась. — Ты, ревнуешь меня?

Он не стал юлить.

— Ревную.

Она тяжело вздохнула и спокойно, совершенно без упрёка, произнесла:

— Но я ведь тебе никогда не принадлежала. Ты прекрасно знал это с самого начала.

Он слабо кивнул.

— Я могу быть тебе полезной, Ник. Настоящим другом. Тем, кто поддержит, не предаст, не сбежит. Кто напомнит, зачем вообще жить дальше. Ты согласен на это?

Он долго молчал, уставившись в потолок, а потом выдохнул:

— Хорошо. Пока оставим такой план.

Она кивнула, легко касаясь его пальцев.

— Значит, завтра утром возвращаемся?

Он не ответил сразу. Сильно сжал пальцы, а потом проговорил тихо, почти с извинением:

— Наверное, да. Но знай, мне невероятно хорошо с тобой.

Он снова коснулся её губ своими, и их дыхание мгновенно сплелось в едином бешеном ритме. Сердце колотилось как безумное, в ушах стоял звон, а его руки скользили по коже, вызывая сладкую дрожь. Алина тихо застонала, не в силах больше сдерживать волну чувств.

— Подаришь мне эту ночь? — прошептал он, касаясь гу-

бами её чувствительной кожи на шее.

Её сердце болезненно сжалось. Мысли метались в сумасшедшем хороводе. Кирилл и Артём искали её, ждали, любили, а она стояла здесь, в объятиях человека, который еще вчера был её похитителем. Страх разрушить всё, что строилось годами, боролся с острой жалостью и странным, невыносимым притяжением. Но трещина в его душе манила сильнее любого страха.

— Это останется между нами, обещаю. — Шепнул он прямо на ушко, словно читая её смятенные мысли. — Ни при каких обстоятельствах я никому не расскажу, ни одна живая душа не узнает. Если я не попробую сейчас, я просто не пойму, насколько глубоки наши чувства. И это вовсе не станет преградой для моего лечения. Может, наоборот, поможет мне найти силы жить.

Она закрыла глаза, прислушиваясь к стуку собственного сердца. Внутри бушевала настоящая буря. Если она скажет да, это станет их общей тайной. Выдержит ли она этот груз? Сможет ли не предать мальчиков, которых любит всем сердцем? Но возможно, именно так она поймет, кто она есть на самом деле. Спасая его, она исцеляла что-то надломленное внутри себя.

Глаза распахнулись, полные решимости и страха одновременно.

— Хорошо... — выдохнула она едва слышно. — Но только если это останется нашей тайной.

Он слабо улыбнулся, и в его глазах она увидела такую безумную благодарность и надежду, от которых её собственное сердце забилось чуть спокойнее.

Он медленно провёл ладонью по её щеке, будто боясь разрушить хрупкую магию момента. Её глаза снова закрылись, а воздух вокруг стал невероятно плотным. Его пальцы мягко опустились к шее, а затем к плечу, заставляя её вздрогнуть от предвкушения. Сердце колотилось в груди подобно барабану, унося её в неизведанный мир страха и желания.

Она чувствовала, как внутри всё одновременно наливается теплом и холодом, болью и силой. Что она делает? Это её решение, и она должна быть сильной. Она не предаёт их, она пытается понять и помочь. Если она откажется сейчас, то навсегда останется пленницей собственных страхов.

Он провёл теплыми губами вдоль её шеи, и её дыхание мгновенно сбилось. Она позволила себе расслабиться, потому что в этот миг доверяла ему больше, чем кому-либо на свете. Но на самом дне души всё ещё шептались сомнения: что будет завтра, как они отреагируют, если всё узнают, сможет ли она простить себя за эту трещину в совести?

Он медленно поднял её руки и осторожно коснулся края футболки. Пальцы скользили по ткани, слегка дрожа от напряжения. Его взгляд был бесконечно мягким, полным нежности и благоговения.

— Ты невероятна, — прошептал он тихо, словно боясь спугнуть саму реальность. — Каждая твоя клетка звучит как

стих, который хочется читать бесконечно.

Он медленно начал стягивать футболку с её плеч, не спеша, наслаждаясь каждой секундой и каждым прикосновением. Ткань скользила по коже, обнажая тепло, которое он так отчаянно жаждал почувствовать. Он снял её одежду, а затем аккуратно избавился от своей, открываясь ей так же честно, как она открывалась ему. В его взгляде полыхало желание, но вплетённые в него забота и глубокое уважение делали этот момент священным.

Её тело мгновенно отозвалось на прикосновение, пробуждаясь после долгого оцепенения. Каждое касание ощущалось как глоток воздуха, наполняющий израненную жизнь новой силой. Он провёл ладонью по его боку, нежно исследуя каждый изгиб, давая ей раствориться в моменте. Её дыхание сбивалось, сердце стучало громче, и весь мир сузился до этой полуразрушенной комнаты.

Её пальцы нашли его шею, зарываясь в волосы, позволяя себе полностью раствориться в настоящем. Он шептал слова, похожие на молитву, словно вымаливая право оставаться рядом, быть её опорой и светом.

В этот миг для Алины перестало существовать прошлое и будущее. Был только он, его горячее дыхание и эта бесконечная ночь.

Её пальцы скользнули по его груди, улавливая ритм его сердца, бившегося в унисон с её собственным. Каждое прикосновение возводило прочный мост из доверия и абсолют-

ной уязвимости. Когда он наконец вошёл в неё, время окончательно замерло, наполняясь трепетом и осознанием того, как сильно они нуждаются друг в друге.

Алина ощутила мягкую, обволакивающую волну тепла. Их ритм был медленным, чувственным, а каждый вздох и взгляд становились частью долгого молчаливого разговора. Постепенно движения обретали уверенность и глубину, разжигая внутри огонь настоящей страсти.

Алина мягко перевернулась, оказываясь сверху, чувствуя всю полноту контроля над моментом. Никита вздрогнул от неожиданности, его глаза расширились, став ещё темнее от переполнявшего желания, ведь перед ним открывалась вся её красота, изгибы тела и та нежность, что сквозила в каждом движении.

Он смотрел на неё как на живое произведение искусства, и в этом взгляде странным образом смешались искреннее восхищение и лёгкая тень горечи. Он снова вспомнил Кирилла и Артёма, думая о том, как им повезло каждый день видеть эту женщину, слышать её смех и чувствовать её тепло. Алина была для них целым миром, и он, при всей силе текущего момента, отчётливо осознавал это.

Но сейчас она принадлежала только ему, здесь и вечность сузилась до этого мига. Её бёдра двигались плавно, а руки скользили по его плечам, заставляя забыть обо всём на свете.

Всю ночь они отдавались друг другу, пытаясь насытиться каждым касанием и каждым вздохом. Это была единствен-

ная ночь, когда они позволили себе такую безоглядную, исцеляющую отдачу. Они исследовали новые грани удовольствия, переходя от тихих разговоров к счастливому смеху и обратно к затаённому дыханию. Это была их общая тайна, хрупкое чудо посреди руин.

Когда их тела наконец утихли, а дыхание выровнялось, Никита крепко прижал Алину к себе и тихо прошептал в темноте:

— Это было потрясающе. Никогда бы не подумал, что способен чувствовать что-то настолько настоящее. Спасибо тебе за это.

Алина лишь улыбнулась в ответ, ощущая тепло его слов и ту мягкую усталость, что наконец принесла покой. Они остались лежать в тишине, растворяясь в объятиях друг друга, пока внешний мир казался далёким и несуществующим. Сон подкрался быстро, давая израненным телам заслуженный отдых.

***

После долгой ночи и удивительно крепкого, целительного сна Алина проснулась под мягкими лучами дневного света, заливавшего комнату. Они спали рядом, тесно прижавшись друг к другу и полностью забыв о времени и тревогах. Было уже за полдень, но спешить не хотел никто. В густом воздухе висела абсолютная нежность.

Никита аккуратно коснулся её губ своими, шепча едва слышно:

— Эта ночь... она навсегда останется со мной. Самое чистое, что у меня было. И я обещаю, что это так и умрёт нашей тайной.

Алина смущенно улыбнулась, поднимая на него затуманенный сна взгляд, и ответила тихо:

— Мне тоже было хорошо... Очень хорошо.

Но безжалостная реальность уже стучалась в двери, постепенно возвращая их к суровой действительности. Они переглянулись, понимая, что пора собираться в путь. Пора возвращаться туда, где каждого ждали свои незавершённые дела, свои обязательства и свои прежние жизни.

Они начали медленно приводить себя в порядок. Волосы Алины спутались, а на губах всё ещё блуждала мягкая, отрешённая улыбка — воспоминания об этой ночи продолжали жить в каждой клеточке её тела.

Никита натягивал футболку, и на его лицо постепенно возвращалось то привычное, дерзкое выражение, которое она успела так хорошо изучить. Он бросил на неё лукавый, с искринкой, взгляд.

— Слушай, а ведь с этого момента ты моя официальная сообщница, — произнёс он с лёгким вызовом в голосе, шагая ближе к двери. — Моя подруга. И я предупреждаю, отделаться от меня теперь не выйдет. Просто так бросить меня у тебя больше не получится.

Алина не выдержала и звонко рассмеялась, чувствуя, как уходит последняя тяжесть:

— Ну вот... наконец-то вернулся прежний Никита. Дерзкий и невыносимый.

— Ты вернула меня к жизни. Хватит печалиться, мы выходим в жестокий мир, где нет места тому плаксе Никите, которого ты видела. Кстати, забудь про того мальчика. Теперь я опять твой.. — Никита на секунду задумался, а потом безнадежно махнул рукой, — твой... друг и защитник. Любого порву, если попросишь. Ты веришь мне?

— Верю, Ник. Но давай обойдемся без убийств.

Они обменялись долгим взглядом. Когда Никита уже собрался переступить порог, он неожиданно замер в дверях, резко обернулся и мягко, почти робко попросил:

— Прощальный поцелуй?

Алина кивнула в ответ, и их губы вновь легко, нежно соприкоснулись, наполняя этот жест искренним обещанием и тихой благодарностью за то, что пережитая ночь навеки останется их общим секретом.

В этом прощальном прикосновении слилось абсолютно всё: легкий трепет, вновь обретённая смелость и хрупкая надежда на будущее. После этого они оба шагнули за порог комнаты.

Глава 16.

Звонок из офиса внезапно прервал утреннюю тишину. Телефон на столе зазвонил резким, знакомым гудком. Артём взял трубку.

— Здравствуйте, Артём Владимирович, — прозвучал голос Марины на другом конце провода. — На работе всё спокойно, заместитель отлично справляется, не переживайте. Хотела спросить, вы ещё не нашли Алину? Есть какие-нибудь сдвиги? Мы все здесь очень переживаем.

Артём кратко рассказал о последних событиях и о том, что поиски пока не дали результатов. Положив трубку, он с лёгким вздохом отложил телефон.

В этот момент отряд был полностью готов к выезду. Вместе с несколькими волонтёрами, помогавшими в поисках, а также парой сотрудников полиции, решивших поддержать операцию, они собирались выехать к заброшенному лагерю. Именно туда, по последней информации, Никита мог увезти Алину.

Снарядившись необходимым оборудованием и собрав последние данные, группа направилась в путь. Впереди их ждала неизвестность и отчаянная надежда на скорую встречу.

***

Они осторожно приблизились к заброшенному лагерю со стороны главной лесной просеки. На земле отчётливо видне-

лись свежие следы от автомобильных шин. Грязь в глубоких колеях была ещё совсем влажной, словно машина проехала здесь буквально несколько минут назад, уйдя по старой объездной грунтовке в сторону шоссе. Сердца обоих забились чаще.

Пробравшись внутрь заброшенного корпуса, они тщательно осмотрели помещение. В углу стояла простая кровать, рядом валялось брошенное оборудование. На плите в кастрюльке была еле тёплая вода. Это был явный знак того, что жильцы покинули этот корпус только что.

Всё вокруг безошибочно указывало на то, что они наконец нашли искомое логово. Но Алины и Никиты нигде не было.

В воздухе повисла напряжённая тишина. Похоже, Никита услышал шум подъезжающих машин или просто решил сменить укрытие в самый последний момент.

Лагерь будто замер в напряжённом ожидании. Полицейские быстро принялись за работу. Один из них вытащил камеру и начал фиксировать каждый уголок этого заброшенного пристанища, ведь каждая мелочь могла оказаться важной уликой. Другой аккуратно исследовал кровать. Простыня была слегка помята. Офицер надел перчатки и собрал небольшие образцы волокон ткани и случайных волос.

У плиты второй полицейский задумчиво наклонился над кастрюлькой и тут же передал по рации дежурному оперативнику информацию о свежем следе уехавшего автомобиля.

Волонтёры тем временем быстро осматривали территорию вокруг корпуса, на всякий случай проверяя кусты и завалы, чтобы убедиться, что никто не остался в укрытии.

— Всё это мы сфотографируем и занесём в отчёт, — говорил один из полицейских. — Затем передадим экспертам. Чем больше информации, тем лучше.

В это время Артём и Кирилл стояли посреди комнаты, обмениваясь тяжелыми взглядами. Вопросы висели в воздухе, а гнев захлестывал с новой силой.

— Вот чёрт, — выдохнул Артём, крепко сжав кулаки. — Только одна кровать... Они спали вместе. Вместе!

Его голос дрогнул от злости и ревности, а в глазах вспыхнуло что-то острое, почти болезненное:

— Как, чёрт возьми, Никита мог так с ней поступить? Алина... она ведь наша, а тут, в этом дерьме, она была с ним!

Кирилл, который обычно держался спокойнее, тоже не скрывал своего предельного напряжения. Он сжал челюсть и, глядя на помятую постель, молчал некоторое время, словно стараясь привести мысли в порядок.

— Я представляю, как он смотрел на неё, — тихо сказал он. — Как держал, как шептал эти свои мерзкие слова. Всё это просто кругом идёт в голове.

Артём сделал шаг вперёд, дрожа от сдерживаемого гнева.

— Чёрт, — прорычал он. — Она была совершенно одна! А он... этот ублюдок Никита! Понимаешь, Кир? Мы были так далеко, и я ненавижу себя за это. Каждый день она могла

нуждаться в нас, а мы искали не там. Вот где настоящая боль.

В этот момент раздался голос от двери:

— Парни, я нашёл наручники.

Они оба обернулись как по команде. В руках одного из волонтёров сверкали металлические оковы, холодные и тёмные.

Артём почувствовал, как в груди всё сжалось, словно ледяная рука сдавила сердце. Он хотел прокричать, крушить всё вокруг ногами, но вместо этого выдавил из себя лишь тихий шёпот:

— Значит, она была пленницей. Он не просто прятал её, он держал её силой.

— А если он насиловал нашу девочку?

Голос Кирилла срывался. Он закрыл лицо руками, словно пытаясь заглушить нарастающий ужас и боль:

— Что он с ней сделал?

Артём сжал кулаки так сильно, что ногти врезались в ладони до белизны. В голове бушевала буря из ярости, отчаяния и неистового желания разорвать Никиту на части. Он сделал шаг к выходу, с трудом сдерживая одышку.

— Я не могу даже представить... Но я обещаю тебе, — тяжело выдохнул он. — Я сделаю всё, чтобы это больше никогда не повторилось. Никита ответит за каждый её день здесь.

— Мы должны зафиксировать всё, — твёрдо сказал Кирилл, беря себя в руки. — Найти любой след, который поможет понять, куда они направились. И главное, не допустить,

чтобы он ушёл.

— Мы вместе, — ответил Артём, глядя в глаза другу. — Это наша война. Мы вернём Алину домой.

Они выскочили на улицу. Дрон плавно поднялся в воздух, мягко гудя винтами. Артём управлял им предельно сосредоточенно, отслеживая на экране планшета окрестные просёлочные дороги. Кирилл стоял рядом, напряжённо вглядываясь в изображение.

В этот момент у Кирилла зазвонил телефон. Он выхватил его из кармана и мгновенно принял вызов.

— Да. Кирилл Андреев. Что у вас?

На другом конце прозвучал короткий доклад оперативника из группы наблюдения: — Машина Никиты Серова только что зафиксирована камерами на трассе. Направление северо-запад, он объехал лесной массив и движется по шоссе в сторону вашего посёлка.

— Чёрт... — Кирилл резко повернулся к Артёму. — Они разминулись с нами по объездной и едут прямо в посёлок!

Артём, не отрывая взгляда от экрана, резко опустил дрон на траву:

— Поехали.

Они сорвались с места, не тратя ни секунды. Активисты остались дорабатывать на месте и собирать улики, а Артём и Кирилл прыгнули в машину и резко вылетели со двора лагеря, оставив за собой клубы пыли.

Машина неслась по трассе молча, быстро, почти бешено.

Каждый из них боялся произнести вслух страшную мысль о том, что всё это может оказаться простой ловушкой.

На подъезде к посёлку раздался резкий виброзвонок. Пришло новое сообщение. Артём мгновенно выхватил телефон из кармана. Смс без имени и без подписи.

«В 16:00 у озера. Будьте одни, и Алина не пострадает. Без фокусов».

Он вслух прочитал текст, и в салоне автомобиля повисла тяжёлая тишина.

— Он нас ведёт, — хрипло произнёс Кирилл, до белизны в пальцах сжав руль. — Но выбора у нас нет.

— Мы пойдём. Только мы, как он и сказал. Но если с её головы упадёт хоть один волос... — Артём не стал договаривать.

Взгляд его стал ледяным и пустым.

Они уже приближались к посёлку. До назначенного времени у озера оставалось меньше часа. И в каждом ударе сердца бился один-единственный вопрос: успеют ли они вовремя и в каком состоянии найдут Алину.

Глава 17.

Они подъехали ровно к четырём часам дня. Водная гладь озера застыла в тишине, обрамлённая густыми зарослями камыша и тяжёлым запахом влажной земли. Лёгкий ветер колыхал прибрежную траву, словно сама природа замерла в ожидании неизбежного. На небольшом песчаном выступе у самой воды стояли двое — Алина и Никита.

Никита держал её за руку. Он выглядел спокойным и сосредоточенным, как человек, который уже принял самое главное и непростое решение в своей жизни. Алина казалась уставшей, но в её глазах больше не было страха, только глубокая, изнуряющая тревога.

Кирилл и Артём выскочили из машины быстро, решительно. Артём сразу сделал резкий шаг вперёд, готовый в ту же секунду сорваться с места, но Никита лишь молча вскинул свободную руку, останавливая их простым, но непреклонным жестом.

Он медленно наклонился к Алине и тихо прошептал ей на ухо. Его голос прозвучал спокойно:

— Я верю тебе, подруга.

Затем он повернул Алину лицом к себе, задержал взгляд буквально на секунду, быстро и почти нежно чмокнул её в губы. Его пальцы соскользнули с её руки, и он мягко подтолкнул её в сторону ребят.

— Иди.

Алина бросила на него прощальный взгляд и со всех ног побежала к своим. Она кинулась в объятия Кирилла с огромным облегчением, с мелкой дрожью во всем теле, с тишиной, которую было невозможно выразить никакими словами. Он крепко обнял её, прижимая к себе так сильно, словно боялся, что она снова исчезнет, и чувствовал, как она возвращается частью его собственного мира.

Но Артём уже сорвался с места и вихрем бросился к Никите.

— Сволочь! — взревел он и в следующее мгновение со всего маха ударил Никиту в челюсть.

Тот резко пошатнулся, но на землю не упал. Лицо его застыло в холодной, едва заметной полуулыбке. Второй удар пришелся в живот. Третий — в плечо.

— Артём! Нет! — закричала Алина, вырываясь из рук Кирилла. — Стой! Не надо! Надо поговорить! Кирилл! Помоги! Оттащи его!

Кирилл в последний момент перехватил Артёма сзади, повиснув на нём, удерживая, оттаскивая в сторону.

— Успокойся, чёрт тебя побери! Хватит!

Артём тяжело дышал, его руки дрожали от ярости, а глаза метали молнии. Он будто сам не осознавал, что делает.

Никита отряхнул плечо, сплюнул кровь на землю. В его голосе не было злости.

— Али... поговори с ними.

Он посмотрел на неё пристально, с каким-то странным уважением.

— Я вернусь завтра в это же время, сюда.

Развернулся и пошёл по тропе, не оборачиваясь.

Алина стояла между двумя мужчинами, которые не знали, как теперь на неё смотреть. Они молчали. Их глаза были полны вопросов, ревности, злости и обиды.

Она сглотнула и выдохнула:

— Пожалуйста, не смотрите на меня так. Я расскажу всё. Только дайте мне минуту.

Она сделала шаг к Артёму. Он дышал тяжело, его грудь ходила ходуном, кулаки сжаты, будто он из последних сил сдерживался, чтобы не броситься вслед за Никитой. Алина сильно обняла его, крепко, по-настоящему. Его тело напряглось, потом чуть дрогнуло. Она подняла руку и нежно коснулась его щеки.

— Глупый, — прошептала она с грустной улыбкой. — Не надо было...Она коротко, трепетно поцеловала его в губы. Артём не шевельнулся, только прикрыл глаза.

Затем Алина повернулась к Кириллу. Он стоял, наблюдая за ней, с болью и заботой в глазах. Она подошла, коснулась его руки и, не говоря ни слова, также чмокнула его в губы. Он вздохнул, будто сдерживал всё это время дыхание.

— Пошли домой, — тихо сказала она. — Там я всё расскажу. Всё, что хотите знать. Только, можно, пожалуйста, нормальной еды?

Кирилл усмехнулся сквозь усталость и напряжение.

— Конечно.

Они сели в машину и поехали в молчании, каждый со своими мыслями. Дорога показалась бесконечной. Но, наконец, родной дом, знакомая дверь, уютное тепло внутри.

На кухне Кирилл сразу включил плиту, достал кастрюли из холодильника.

— Щи греются. Ещё запеканка есть, — бросил он через плечо.

— И пирог, — добавил Артём.

Алина слабо улыбнулась.

— Я всё это съем, клянусь. Всё. Только сначала сядьте.

Они опустились за стол. Артём сидел всё ещё с предельно напряжённым лицом. Кирилл выглядел внешне спокойнее, но взгляд его оставался колючим и холодным.

— Ты цела? — спросил Арт первым. — Он тебя не трогал? Не причинил боль? Не насиловал?

— Где вы были всё это время? — добавил Кирилл. — Почему ты не звонила? Ты же знала, что мы ищем тебя как сумасшедшие?

— Он тебя держал силой? — снова вступил Арт. — Наручники? Это были его? Почему он тебя поцеловал, к чему принуждал?

Алина подняла руки, останавливая их потоком.

— Стоп. Я расскажу всё с самого начала. Только слушайте. Хорошо?

Парни замолкли. Сели ровно. Смотрели на неё, будто она была между ними последним живым дыханием.

Она вздохнула. Алина говорила спокойно, но в её голосе слышалась усталость и лёгкая дрожь. Сидела прямо, плечи напряжены, руки сцеплены в замок.

— Когда я вам написала СМС от Леры, что всё хорошо... — она сделала паузу и, вдруг осознав, быстро добавила: — Кстати, с ней всё в порядке?

Кирилл кивнул.

— Да. Мы с ней держим связь. Она была напугана, конечно, но сейчас все нормально, за тебя переживает.

Алина облегчённо вздохнула, но ненадолго. В её лице снова появилась тень.

— Почти сразу после той СМС в дверь позвонили. Лера открыла. Там был Никита... и ещё один парень. Я его не знала. Леру усыпили почти мгновенно, чем — не знаю, она даже не успела вскрикнуть. А потом... — она сглотнула. — Потом Никита посмотрел на меня и сказал: «Ты не бойся. Я не причиню тебе зла. Но ты не должна сейчас звонить никому».Я хотела позвонить вам. Он отобрал телефон.

— Ублюдок, — выдохнул Артём, сжав кулаки.

— Подожди, — остановил его Кирилл, — Дай ей договорить.

Алина кивнула и продолжила.

— Он достал... ткань. Наверное, с хлороформом, не знаю. Это же... усыпляет?

— Да, — хрипло сказал Артём, — достаточно вдохнуть — и всё.

— Я не успела ничего. Просто темнота, а потом проснулась в заброшенном лагере. На кровати в наручниках.

В комнате повисла глухая тишина. Артём резко отодвинул стул, встал, прошёлся вдоль кухни, остановился и выругался громко, зло.

— Он тебя в наручники? — он повернулся, лицо исказилось. — Господи, да я его...!

Кирилл поднялся, чтобы остановить вспышку.

— Арт, спокойно. Ей и так тяжело. Слушай дальше.

Алина смотрела в стол, потом подняла на них глаза.

— Я не знаю, зачем он это делал. Возможно, чтобы я не сбежала. Но он был спокоен. Даже... ласков. Не приближался ко мне, не трогал. Потом я опять уснула, проснулась уже утром. Он оставил ключ от наручников рядом. Я освободилась.

Он принес еду, чай... Сначала был напряжен... Показал место где мы были, нёс что-то непонятное, я не могла понять толком зачем он меня украл... Постепенно он расслабился, начал доверять, раскрывать свои чувства.

Артём, сжав кулаки, не выдержал:

— Он спал с тобой?

— Да... на одной кровати, но не домогался. Только обнимал.

Мальчики обменялись взглядом, лица их горели злостью,

дыхание учащалось.

Алина вздохнула, продолжила:

— Мне пришлось идти на хитрость, чтобы он поверил мне, начал доверять, я позволила ему целовать меня, ради дела. Шипите сколько хотите, но иначе он не раскрылся бы.

Парни злобно фыркали, как будто через зубы.

— Он рассказал о себе, о своих страхах, боли. Я уговорила его пойти на лечение. Теперь прошу вас, закройте мои поиски, заберите заявление. Я обещала Никите помочь, быть рядом, чтобы он смог вылечиться.

Артём взорвался снова:

— Ты шутишь?! Мы не ели, не спали, бросили работу, бегали по лесам неделю, подняли на уши весь город, а ты хочешь забыть? Простить? Дать поблажку этому пацану? Ни за что!

Он сжал кулаки так, что вены на руках вздулись, лицо побагровело от злости.

Кирилл попытался успокоить:

— Арт, нужно понять, что сейчас важно для Алины. Она сама сделала свой выбор. Мы должны поддержать её.

Но в глазах Артёма был только гнев и боль, смесь ревности и бессилия. Он не мог поверить, что всё закончилось так.

Алина смотрела на них, сердце колотилось, но она твёрдо знала — этот путь для неё единственно правильный.

Алина посмотрела на мальчиков, в их глазах всё ещё горел гнев, страх и непонимание. Она взяла глубокий вдох и

заговорила мягко, с теплом и уверенностью:

— Спасибо, Кир... я знаю, что вы злы и расстроены. Я бы тоже была на вашем месте в таком состоянии. Но послушайте меня, пожалуйста. Никита сдержал своё слово. Он был со мной добр и обходителен. Да, я видела его в гневе — он страшен, когда злится. Но этот гнев он никогда не направлял на меня, даже когда я вначале кричала, спорила, била его и он злился. Он просто сломлен, сломлен и одинок. Я стала для него той опорой, которую он давно потерял. Ему не на кого больше положиться.

Она сделала паузу, словно собираясь с силами.

— Я хочу помочь ему. И обещаю, как только Ник поправится, он больше не будет меня доставать. Никто больше не пострадает.

Алина улыбнулась, в её глазах заблестели слёзы.

— Я так скучала по вам, по своим мальчикам... И я верю, что вы поддержите меня, ведь я верю в вас, люблю вас. Именно мысль о том, что вы меня ищете и ждёте, дала мне силы вернуться. Ник мог держать меня там очень долго и он мог разозлиться, если что-то пошло не так. Я была так близка к тому, чтобы остаться там навсегда... Но я вернулась ради вас.

Она взглянула в глаза Артёму и Кириллу, полная надежды и любви, и тихо добавила:

— Пожалуйста, помогите мне помочь ему.

Кирилл и Артём молча переглянулись, слова Алины оста-

лись в воздухе, но внутри них всё кипело.

— Ты правда веришь, что у него есть шанс? — тихо спросил Артём у Кирилла, не отводя взгляда от Алины. Его голос был напряжён и тяжёл.

— Я не знаю, — ответил Кирилл, сжав кулаки на коленях. — Но если Алина говорит, что он был с ней добр, если она действительно хочет помочь, значит, мы должны дать ей шанс. Но это будет не просто.

Артём скривился, почти выдавил из себя саркастическую усмешку:

— Я не могу представить, чтобы после всего, что мы пережили, я мог спокойно смотреть на этого... этого человека. Знаешь, как он её держал? Наручники, угроза, похищение. Это не просто стереть это из памяти.

— Я понимаю, — сказал Кирилл мягче, — но злость и ненависть могут сломать нас сильнее, чем он её сломал. Если мы не дадим Алине сделать этот шаг, мы рискуем потерять её. Нам надо быть рядом, а не против неё.

Артём глубоко вдохнул, затем медленно кивнул:

— Ладно. Но я буду внимательно следить. Если что, я первый, кто его закроет. И больше никаких сюрпризов.

Кирилл улыбнулся, немного расслабившись:

— Мы семья, и сейчас важнее всего быть вместе. Всё наладится, просто нужно время.

Они оба посмотрели на Алину, в их глазах теперь смешались тревога и надежда, готовность бороться и доверять.

Артём сжал кулаки, с трудом сдерживая бурю эмоций, но слушал внимательно. Кирилл нахмурился, пытаясь осознать каждое слово Алины, словно это была непростая загадка.

— Он хотел тебя, — проговорил Артём тихо, будто боясь, что сказанное пронзит сердце, — но не смог переступить черту... Это... это ещё хуже, чем я думал. Значит, он сдерживался ради тебя, понимая, кто мы для тебя. Ведь так?

— Так. Он не позволял ничего лишнего.

Кирилл вздохнул, отводя взгляд:

— Значит, в нем всё же есть что-то человеческое. Если он смог сдержаться, если понимал границы, может, есть шанс, что он способен измениться. Но всё равно это... жутко.

Алина кивнула, глаза её чуть заблестели:

— Я обещала быть рядом, потому что если я уйду, он может сломаться совсем. Ему больше не на кого опереться. Я хочу помочь, чтобы он справился и больше не причинял никому вреда.

Артём зарычал, голос дрогнул от сдерживаемой ярости:

— Ну и пусть ломается! Нам-то что? Пусть посадят, заставят лечиться принудительно — какой от этого толк? Такой же результат будет! Только тратим силы и время, а он всё равно останется монстром! Зачем вообще ввязываться во всё это?

Алина глубоко вздохнула, глаза загорелись твёрдостью:

— Нет, Артём, результат будет совсем другой. Принудительная терапия не поможет, она сделает из него настояще-

го зверя. Монстра, который однажды вырвется наружу. Он вспомнит обо мне и вернётся уже в обличии настоящего дьявола. Тогда его изощрённый ум придумает такую игру, что всем нам мало не покажется. И тогда он совсем не будет сдерживаться.

Она замолчала на мгновение, позволив словам повиснуть в комнате.

— Представьте, что тогда он может сделать со мной... с нами. Лучше сейчас попытаться помочь ему, пока он ещё хоть немного человечен.

— Проще убить этого ублюдка, — выплюнул слова Артем. — Али, ты только дай согласие, мы от него избавимся, обещаю.

Алина резко подняла голову, глаза вспыхнули гневом:

— Ты вообще о чём, Артём?! — голос дрожал от эмоций. — Ты думаешь, всё так просто, просто убить? Это не игра, не фильм! Это человек, каким бы зверем он ни был, и ты не имеешь права решать, кто должен жить, а кто нет! Я не прошу тебя становиться его другом, но и убивать — это не выход! Ты меня пугаешь своими словами.

— Меня печалит, что ты так к нему привязалась.

— Ты не понимаешь меня, Арт? Совсем?

Артем подошел и обнял ее.

— Понимаю, милая, просто не могу смириться, что часть твоей души теперь его.

— Арт, Кир, я вас очень люблю, правда. Никто меня не

отберет у вас. Просто поверь мне, доверьтесь. Вы сделаете все правильно. Мне нужно, понимаете, нужно ему помочь.

Артём сжал зубы:

— Ты рискуешь, Али. Ты хочешь быть светом в темноте, но не забывай — эта темнота может тебя поглотить.

Кирилл положил руку ей на плечо, мягко поддерживая:

— Мы все здесь, чтобы помочь. Не одна ты с этим.

Их взгляды встретились, в них смешались тревога, боль и хрупкая надежда, словно все трое прекрасно знали: это только начало, впереди будет тяжелый и извилистый путь, но другого выбора у них сейчас просто нет.

В комнате воцарилась тишина, наполненная жесткой решимостью и липким страхом одновременно.

— Завтра начнём готовиться, — предложила Алина, нарушая гнетущую паузу. — Сначала поговорим с психологами, а потом с Никитой.

Артём наконец улыбнулся, почти по-братски хлопнул её по плечу:

— Значит, есть план и мы его реализуем.

Кирилл кивнул:

— Вместе.

Алина, наконец, позволила себе расслабиться и села за еду, Кирилл аккуратно поставил тарелки с горячим обедом, или ужином. Парни наблюдали за ней, и их взгляды были наполнены тревогой и сожалением.

— Ты так голодна... — тихо прошептал Артём, — Нам так

жаль, что не нашли тебя раньше.

— Да, — поддержал Кирилл, — Мы сделали всё, что могли, но всё равно...

Алина улыбнулась сквозь усталость:

— Не вините себя. Главное, что я здесь, с вами.

В этот момент Кирилл достал телефон и позвонил в волонтёрский штаб.

— Алло, да, Алина нашлась. Всё хорошо, возвращаемся в участок, — сообщил он с облегчением.

После обеда они собрались и отправились в отделение полиции. Там дали подробные показания, рассказали обо всём, что случилось. Полицейские были внимательны и профессиональны, отметили важность поддержки таких дел.

— Обязательно передайте спасибо волонтёрам и всем, кто не остался равнодушным, — сказал старший инспектор.

На выходе из участка ребята смотрели друг на друга — усталые, но с чувством, что сделали всё возможное.

— Теперь начинается новая глава, — тихо сказал Кирилл, — Но сегодня мы уже победили.

***

Когда Алина потянулась за телефоном, чтобы позвонить Лере, Кирилл мягко, но решительно поймал её за запястье. Улыбнулся чуть лукаво и покачал головой:

— Стоп. Сегодня ты в нашем распоряжении. Лере я сам напишу, всё расскажешь ей завтра подробно, с эффектами. А сегодня... мы тебя не отпустим.

Он подмигнул, а рядом уже стоял Артём, добавив с игривой суровостью:

— Слишком долго мы ждали этот момент. И никаких поблажек, сначала душ, потом «разговор по душам». Готовься, Али.

Она хмыкнула, чуть сопротивляясь, но на щеках уже играли тёплые, живые искры, она знала, что спорить бесполезно.

После душа Алина почувствовала себя будто заново рождённой. Чистая, свежая, в мягком хлопковом халате, с влажными распущенными волосами. В спальне царила особая атмосфера: приглушённый свет, аромат иланг-иланга, теплота воздуха и почти магическое ощущение уюта.

Едва она вошла, Кирилл оказался рядом. Его руки легко скользнули по её плечам, и халат мягко упал на пол. Он обнял её, притянул ближе и коснулся губами не спеша, чувственно, будто смаковал само прикосновение.

Следом подошёл Артём, его поцелуй был другим: горячим, властным, с оттенком неуемной тоски. Алина задыхалась между ними от восторга, желания и нахлынувших эмоций.

На широкой кровати они оказались вместе, сплетённые в единое дыхание. Кирилл устроился с одной стороны, его ладонь ласкала её талию, губы оставляли влажные следы по шее и ключицам. Он смотрел на неё с нежностью и чем-то непередаваемо родным. Артём расположился с другой сто-

роны, ближе к её спине. Его руки исследовали изгибы позвоночника, касались так, будто каждое движение было продумано заранее. Он дышал ей в затылок, прижимался всем телом, создавая ощущение уюта и невыразимой близости.

Алина оказалась между двумя полюсами — теплом и огнём. Она чувствовала каждое прикосновение, каждый вдох, и вся её кожа отзывалась жаром. Её губы находили сначала Кирилла, потом Артёма, пальцы запутывались в их волосах, а дыхание становилось всё глубже.

Кирилл медленно вошёл в неё первым. Он был мягким, тёплым, будто хотел раствориться в ней, согреть изнутри. Алина тихо застонала в ответ на это нежное, бережное единение. Он двигался размеренно, плавно, не спешил — давая ей всё то, чего она была лишена все эти дни.

Артём присоединился после. Его касание было мощным, страстным, в нём чувствовалась сдержанная ярость, тоска, ревность и любовь, накопившиеся за долгие ночи. Он не торопился, но и не давал ей забыться. Его страсть вырывала из неё другой, более дикий отклик, оголённый и настоящий.

Кирилл обнимал, целовал, шептал ласковые слова. Артём сжимал её бедра, прижимал ближе, оставлял следы от поцелуев. Алина была между ними, чувствовала себя не объектом, а центром их любви, их желания, их мира.

Позже, когда её тело устало от чувств, а дыхание сбилось, Кирилл лёг, а она устроилась сверху. Она двигалась сама — медленно, плавно, будто дирижировала мелодией их слия-

ния. Артём был рядом, его руки направляли, поддерживали, ласкали.

Ночь была долгой. Их ритмы менялись от нежных до пылких, от медленных до захватывающих. Но в каждом прикосновении была любовь. В каждом взгляде — обещание быть рядом.

В тишине комнаты слышалось только их дыхание, шорохи простыней, поцелуи и тихие шёпоты. Аромолампа всё так же мягко светилась в углу, будто благословляя их союз. Они не спешили. Им некуда было спешить, ночь была их. Их ночь. Их единство. Их бесконечное «мы».

Глава 18.

Алина проснулась раньше всех. Сквозь лёгкую дрему она слышала размеренное дыхание Кирилла и Артёма. Оба спали крепко, по-прежнему прикасаясь к ней, будто не хотели отпускать даже во сне. В груди было тепло, спокойно. Тихо выскользнув из постели, она набросила халатик, прошла на кухню и набрала номер Леры.Сначала послышались длинные гудки. Потом:

— Алло? — голос был сонный, но настороженный.

Алина еле сдержалась, чтобы не разрыдаться:

— Лер... Это я.

— ...Алина?.. АЛИНА?! Господи... — дальше были только звуки рыданий, всхлипы, дыхание — будто Лера просто не верила. — Ты жива... Ты... Ты настоящая? Это не шутка?! Где ты? С тобой всё в порядке?!

— Я дома. Уже дома. Всё хорошо, честно... — Алина говорила шепотом, чтобы не разбудить ребят, — но я тоже думала, что не вернусь...

— Я тебя убила бы, если бы не обнимала сейчас в мыслях! — голос Леры дрожал, но в нём уже звучала радость. — Мы с ума сходили. Я обзвонила всех, даже в новостях смотрела. Ты не представляешь, что тут творилось!

— Я представляю. Я тебе всё расскажу. Не по телефону.

— Тогда готовься, я приеду к тебе с ватрушками, кофе и

пледом. И не вздумай спорить!

Они разговаривали почти час. Смеялись, плакали, обменивались признаниями, шутками и планами, как раньше. Лера всё время повторяла: «Главное, ты дома».Алина завершила звонок с лёгкой улыбкой и налитым сердцем. Тепло дружбы, простого, но такого живого было словно второй глоток воздуха.

***Тем временем, когда ребята проснулись, начался новый виток реальности — деловой, практичный, необходимый.

Артём был первым, кто сел с ноутбуком, открывая списки клиник. Его лицо выражало максимум сосредоточенности и минимум эмоций.

— Так. Никакие райцентры, только лучшие. Психиатрическая клиника на частном обслуживании, профильные специалисты. Под наблюдением. С круглосуточным доступом. Контроль за динамикой. — Он даже не спрашивал, просто говорил как факт.

Кирилл, потягивая кофе, только кивнул: — Я уже отправил заявки в две международные клиники. Есть один профессор, специализируется на пограничных расстройствах и агрессии после травм. Сильный.

— Чем быстрее он вернёт себе голову, тем скорее Алина перестанет о нём думать. — Артём бросил резкий взгляд в сторону Алины. — А ты ещё надеешься, что всё будет, как раньше?

— Надеюсь, что будет лучше. Без него без следа от этой истории. — Артём сжал челюсти до боли. — Мы всё сделаем, чтобы он вылечился. Главное здесь вовсе не благородство. А чтобы он отпустил её, насовсем.

Кирилл хмыкнул, глядя на чашку: — Чего бы он там себе ни напридумывал, Алина — не его история. А мы с тобой слишком упрямы, чтобы сдаваться.

Они снова обменялись взглядами разными по натуре, но одинаково решительными. Так начинался новый этап. Спокойствия в нём не было и в помине, но оставалась чёткая цель: вернуть всё на свои места. Или хотя бы построить новые, гораздо более прочные стены вокруг своей семьи.

***

Время близилось к четырём. Алина нервно поправила волосы, глядя на часы.

— Я пойду. Поговорю с ним, — сказала она твёрдо, словно уже решила всё внутри.

Артём сразу отреагировал, даже не дав ей закончить:

— Нет.

— Даже не думай, — подхватил Кирилл, однозначно.

— Ребят, ну...

— Али, он непредсказуем. И я не собираюсь смотреть, как ты опять исчезаешь, — голос Артёма был резким.

— Мы пойдём вместе, — Кирилл уже надеял на куртку. — Ты с ним говори, но мы рядом. Без вариантов.

Они втроём вышли к озеру. Небо было ясным, водная

гладь тихо мерцала в лучах послеобеденного солнца. Лёгкий ветер трепал листву прибрежных деревьев, будто готовился стать немым свидетелем чего-то неизбежного и важного. Место было уединённым, почти пустым. Только камыши, крутой берег и чистое небо. И через пару минут послышался знакомый нарастающий рёв мотора.

Никита подъехал на своём байке и легко спрыгнул с сиденья. Его тёмная куртка была расстёгнута, а под ней виднелась белая футболка. Он выглядел выспавшимся и свежим. Взгляд был ясным, слишком спокойным — с той самой фирменной, хищной ухмылкой на губах.

Алина на секунду застыла на месте, а потом, словно на мгновение забыв обо всём на свете, быстрым шагом пошла к нему и крепко обняла. Никита ответил не сразу, но затем всё же сжал её в ответ — коротко, почти машинально.

Позади, на небольшом расстоянии, неподвижно стояли Кирилл и Артём. Как два живых щита — внимательные, напряжённые до предела, готовые сорваться с места при малейшем намёке на угрозу.

Алина отстранилась от Никиты, внимательно заглядывая ему в глаза:

— Мы нашли лучших специалистов. Частные клиники, врачи — те, кто действительно умеют помогать. Если ты хочешь справиться со всем этим, у тебя есть реальный шанс.

Никита скосил презрительный взгляд в сторону парней. Его губы скривились в привычной наглой и колкой полу-

улыбке:

— А они точно не упакуют меня по-тихому?

— Нет, — твёрдо ответила Алина. — Они согласились на наши условия. Мы все согласились. Но ты должен по-настоящему доверять. Не играть на публику, не лгать и больше не исчезать.

Никита посмотрел на неё чуть дольше и глубже, чем обычно. Словно пытался заглянуть под кожу, на самое дно, чтобы понять, не обманывает ли она его сейчас.

Алина чуть наклонила голову, глядя на Никиту с тихой, но непреклонной уверенностью:

— Ты точно согласен? Это твой собственный выбор, не мой. Я не собираюсь тащить тебя туда силой. Только ты решаешь, Ник.

Он шагнул ближе. Его лицо оказалось опасно близко, и в его взгляде снова вспыхнул тот самый дерзкий блеск, тёмный, болезненно живой.

Он склонился к её уху, едва касаясь дыханием её кожи, и прошептал:

— После той ночи, которую ты мне подарила... я бы прямо здесь, сейчас... с радостью принял от тебя нож в сердце. Если бы ты захотела.

Алина медленно подняла на него взгляд. Её голос был тихим, но предельно ясным:

— Мы друзья, Никита. А друзей я убивать не собираюсь.

Он хрипло усмехнулся, выпрямляясь, как будто хотел что-

то сказать, но передумал. Глаза его потемнели то ли от боли, то ли от благодарности. И на долю секунды в нём больше не было оборотня, только человек. Сломанный, но настоящий.

— Тогда ладно, — сказал он, хрипловато. — Значит, живу.

— По рукам?

— По сердцу, — хмыкнул он. — Пока оно у меня есть.

Позади послышался тяжёлый выдох Артёма. Кирилл напряжённо поправил рукав.Алина осторожно взяла Никиту за руку, как друга, которому ещё можно помочь.

Никита снова посмотрел на них, будто бросая вызов, но в его взгляде не было злобы. Только усталость. И, возможно, капля веры.

***

Никита скосил взгляд на свой байк, будто только сейчас вспомнил о нём. Провёл ладонью по рулю, как по живому существу. Несколько секунд он стоял молча, будто прощаясь с чем-то прежним, диким и неуправляемым в себе.

— Ты на нём поедешь? — спросила Алина мягко.

Никита качнул головой:

— Нет. Если я правда начал этот путь, начну с доверия к вам, к себе. Оставлю байк у озера, потом кто-нибудь заберёт.

Он посмотрел на Кирилла и Артёма:

— Можете считать это первым шагом.

Парни молча переглянулись. Артём кивнул, на губах скользнула тень уважения — нехотя, но всё же.

Кирилл достал ключи и открыл двери чёрного внедорожника.

— Поехали, — коротко сказал он.

Никита закинул рюкзак в багажник. Алина устроилась на заднем сиденье, Кирилл сел за руль. Никита хотел было сесть назад, рядом с Алиной, но Артём метнул в него холодный, прямой взгляд. Тот усмехнулся и, не возражая, плюхнулся вперёд. Машина тронулась с места.— Что за клиника? — пробормотал Никита, глядя в окно.

— Самая лучшая, — ответил Кирилл. — И с психиатрами, и с психологами. Индивидуальный подход, частная территория, полная конфиденциальность. Все затраты на нас.

— И забор высокий? — хмыкнул Никита.

— Очень, — вставил Артём.

Алина вмешалась:

— Ник, ты справишься. Там не тюрьма, а путь к новой жизни. Просто доверься, как сегодня. Мы будем рядом.

— Ты будешь рядом, — уточнил он.

Артём шумно вздохнул, сжал кулак на колене. Алина мягко положила ладонь на его руку.

— Мы все, — повторила она с твёрдостью. — В меру, подружески. Так, как надо.

Машина понеслась по трассе, а впереди, за поворотом, ждал новый этап с врачами, признаниями, возможно, срывами и борьбой. Но впервые за долгое время каждый из них знал: они не одни.

***

Клиника находилась примерно в 70 километрах от города — уединённое место на окраине хвойного леса, вдали от городской суеты, с закрытой территорией, озером поблизости и охраной по периметру. Всё время в машине стояла полусонная тишина. Только музыка играла на фоне — нейтральный плейлист с джазом и акустикой.

Алина в какой-то момент уснула, прислонившись к плечу Артёма. Он не стал будить её, просто укрыл курткой. Кирилл сосредоточенно вел машину, а Никита смотрел в окно, как будто считал деревья. Он не задавал лишних вопросов, внутри шёл тяжёлый процесс согласия с самим собой.

Здание клиники было трёхэтажным, с белыми фасадами, стеклянными галереями и внутренним садом. Территория напоминала загородный пансион: уют, чистота, продуманность. Это не было похоже на «психушку», скорее на спа-центр с медицинским уклоном.Их встретил врач, главный специалист клиники, доктор Демидов. Мужчина лет пятидесяти, внимательный, спокойный, с глубоким взглядом и уверенной, но мягкой речью.

— Никита, мы будем работать вместе. Наша цель не сломать, а восстановить. У нас работают специалисты по ПТСР, расстройствам привязанности, вспышкам гнева. У вас будет личный психотерапевт, арт-терапия, EMDR, медикаментозное сопровождение по необходимости, и главное — пространство, где вас слышат.

Никита фыркнул:

— А клетка тут в комплекте идёт?

Врач не моргнул.

— Только если вы сами захотите в ней спрятаться.

***Палата напоминала номер в хорошем отеле: широкая кровать, окно во всю стену, отдельная ванная, минимализм в интерьере. Но на окне была решётка. Территория клиники охранялась. Было несколько уровней допуска. Никита подписал согласие на лечение. Врач подчеркнул:

— Вы можете отказаться в любой момент, но тогда подключатся официальные инстанции. Так что лучше пройти путь с поддержкой.

Алина взяла врача на откровенность, и тот пошёл навстречу:

— Первые 10 дней будет адаптация, никаких внешних контактов. После — индивидуальный график. Если Никита покажет прогресс, он сможет звонить, позже даже принимать гостей. Мы это обсуждаем. Всё будет зависеть от динамики и его состояния.

Никита, когда об этом узнал, кивнул:

— Десять дней молчания? Ну, звучит как челлендж.

Он посмотрел на Алину, и в его глазах было нечто новое, не нахальство, не страсть. Просто благодарность.— Обещаю, я не сбегу. Пока ты пообещала быть рядом у меня есть якорь.

Артём лишь хмыкнул, а Кирилл пробурчал:

— Держим тебя за слово.

***Никита стоял у клиники, в той самой кожаной куртке, в которой когда-то казался недосягаемым. Сейчас в его глазах было что-то другое. Смирение, уязвимость... и доверие.Алина подошла ближе, обняла его крепко, по-настоящему. Он прижался к её плечу, вдохнул аромат волос, как будто хотел запомнить это чувство надолго. Потом чуть отстранился, наклонился к ней и прошептал у самого уха:

— Я верю тебе. И если ты правда рядом, если будешь рядом, я справлюсь.Как только мне разрешат общение, я буду ждать тебя. Приходи. Только не исчезай.

Алина кивнула, удерживая слёзы.

— Я не исчезну. Мы договорились: теперь ты не один.

Он ещё раз обнял её, крепче, будто это могло удержать связь между ними в моменты боли. А потом отпустил, сделал шаг назад и ушёл внутрь. Двери клиники закрылись за его спиной мягко, но окончательно.

Алина стояла на месте ещё долго, пока не почувствовала, как тёплые ладони Кирилла и Артёма легли на её плечи.

— Ты всё сделала правильно, — сказал один.

— Теперь — твоя очередь дышать, — добавил другой.

Они молча вернулись к машине, каждый нёс в себе тихую надежду: может быть, у всех них ещё есть шанс на настоящее будущее.

***Снаружи уже садился вечер. Трое остались у машины. Кирилл смотрел на здание, Артём закурил, Алина стояла между ними уставшая, но облегчённая.

— Всё только начинается, — сказала она тихо.

— Главное, что мы начали, — ответил Кирилл.

— А дальше шаг за шагом, — добавил Артём, стряхивая пепел.

Они вернулись в машину и поехали домой.

— Меня немного напрягает ваш... контакт, эти объятия и тот поцелуй в губы, когда он тебя вернул... — скривился Артем.

— Любимый, воспринимай Никиту как моего брата. У нас теплые отношения, но не любовные. Он не будет посягать на ваше в этом плане, но ему необходимо тепло и забота.

— Я стараюсь, — Артем обнял Алину, — ты чудесная и очень добрая, обожаю тебя.

Глава 19.

День 1. Адаптация

Клиника "Рассвет", 07:30 утра.

Никита проснулся от мягкого звона колокольчика. Это был не резкий будильник и не оглушительная сирена, а просто мелодичный, почти издевательский звук. Он открыл глаза и уставился в потолок. Тот был идеально белым и ровным, от него некуда было спрятаться.

«Сюр, мать его. Я сам подписался на добровольное заключение. Ради чего? Ради неё? Ради себя? Или чтобы хоть что-то доказать этим двум пижонам?»

Он неспешно вылез из постели. Кровать даже не скрипнула. Всё вокруг казалось настолько стерильным и аккуратным, что вызывало легкую тошноту. Ни единого заусенца на полированной мебели, ни одного тёмного угла в комнате, даже воздух казался специально профильтрованным и лишенным привычных запахов.

В девять часов утра у него была запланирована встреча с ведущим психотерапевтом, доктором Эмилией Савельевой.

Это была женщина лет сорока с короткой аккуратной стрижкой, в сером кашемировом свитере. В её ясных глазах не читалось ни капли фальшивой жалости, только глубокое профессиональное понимание.

— Доброе утро, Никита. Вы находитесь в полной безопас-

ности. Здесь не будет никакого давления, предстоит только совместная работа. Начнём?

Он вальяжно сел в глубокое кресло, глубоко откинувшись на спинку:

— Давайте. Только сразу без этого вашего «а в детстве вас обижали?». Я далеко не из тех, кого можно легко раскрошить.

Она даже не улыбнулась, а лишь спокойно кивнула:

— Хорошо. Начнём с того, что вы пришли сюда. Это уже само по себе говорит о вашей храбрости. Расскажите, что чувствовали, когда Алина вас покинула?

Он моментально напрягся, челюсти сжались с тихим хрустом.

— О, решили сразу зайти с козырей. Прекрасно.

— Это называется прикосновением к первой боли. Пока мы не доберёмся до неё, всё остальное останется лишь поверхностной ложью.

Никита долго молчал, уставившись в окно. Пожирающая пауза затянулась, после чего он всё же выдавил из себя:

— Пустота. Словно весь мой мир рухнул в одну секунду. А потом накатила дикая злость. И вовсе не на неё, а на самого себя, на жизнь, на то, что такое вообще оказалось возможным.

На четвёртый день, после групповой терапии, где кто-то вскользь упомянул непростительную ошибку в прошлом, Никита сорвался. Он вырвался из зала, с размаху разбил

стеклянный стакан в своей палате и ударил кулаком в бетонную стену.

Психологи не применяли силу. Пришёл доктор Демидов и просто сел рядом прямо на полу.

— Ты боишься, что не заслуживаешь новой жизни?

Никита медленно сполз по стене, его пальцы мелко тряслись.

— Я боюсь, что если однажды снова сорвусь, тогда уже не будет никаких сдерживающих тормозов.

— А сейчас они есть?

— Да. Алина.

— Значит, пока есть кто-то, за кого ты держишься, ты ещё не монстр. Давай начнем именно с этого.

День 10. Ему разрешили короткий телефонный звонок. Он сидел с аппаратом в руках и дрожал, словно подросток перед первой в жизни любовью. Нажал вызов.

— Алина.

— Ник...

Только голос. Он не смог произнести больше ни слова. Он просто тяжело дышал в трубку.

— Я здесь. Ты огромный молодец. Я так горжусь тобой, — нежно прошептала она.

Он крепко зажмурил глаза, стиснул челюсти до боли, но не заплакал.

— Я работаю над собой. Ради тебя. Ради нас. Не уходи, ладно?

— Я рядом. Всегда.

День 13. Он впервые начал просыпаться без привычной утренней злости. Начал читать. На арт-терапии он впервые за всё время нарисовал не сплошное чёрное пятно, а четкую человеческую фигуру. Неизвестно что именно, но хотя бы что-то созидательное, не деструктивное.

Доктор Савельева внимательно посмотрела на рисунок:

— Что это?

— Переход. Между тьмой и светом.

— А где находишься ты?

Он посмотрел в окно.

— В пути.

День 14. Он проснулся резко, будто его выдернули из кромешной темноты за шкирку. Грудь сдавило так сильно, будто на неё кто-то навалился всем весом. Цепкий сон держал мёртвой хваткой: Кристина. Она не кричала, не обвиняла, не улыбалась. Просто сидела у самой обочины в белом платье и молча смотрела. Тихо. Без единого звука.

Он вскочил в холодном поту и тут же метнулся в ванную, спасаясь от удушающего запаха страха и собственной беспомощности. Это была не обычная паническая атака. Это было что-то совсем другое. Гораздо ближе, глубже, реальнее.

До самого полудня он не произнёс ни слова. Лежал на спине, уставившись в потолок, и в какой-то момент отчётливо понял: он ждёт этого звонка больше всего на свете. Еще немного и он снова услышит её. Алину.

Когда куратор вошёл в палату, Никита сразу поднялся с кровати. — Сегодня ты можешь поговорить. Только один человек. Один звонок на десять минут. Кого набрать?

— Алину, — ответил он, не раздумывая ни секунды.

Телефон положили на стол, включив громкую связь. Никита не отрывал взгляда от дисплея. Таймер отсчёта показывал нули. Он едва дышал.

— Али... — выдохнул он, и это короткое имя мгновенно стало его главным якорем.

— Ник, я здесь, я всё слышу.

— Ты правда здесь. — Он плотно закрыл глаза, и широкие плечи задрожали.

Куратор деликатно вышел за дверь, оставив камеру включенной для отчета. Никите было абсолютно плевать. Он впервые за долгие месяцы позволил себе быть живым.

— Я не знаю, как... — голос сорвался в хрип. — Как жить дальше без неё. Я всё время думаю о том, что если забуду Кристину, значит, предам её память. А если не забуду, то просто исчезну сам.

— Ты не должен её забывать, — мягко сказала она. — И ты не обязан исчезать. Просто живи с этой болью. Не утопай в ней, а живи рядом. Я с тобой.

— Пока ты рядом, я могу. Я хочу жить. Ради тебя... ради неё... и ради того Никиты, которым она когда-то гордилась.

Цифровой таймер на экране мигнул красным — десять минут истекли. Связь резко прервалась.

Он ещё очень долго сидел неподвижно с телефоном в руке, словно тот оставался единственным хрупким мостом в этот мир, полный света.

***С этого дня Никита сломался и начал собираться заново по кусочкам. На вечерней сессии он впервые заплакал не от злости и не от бессилия, а от чистой любви и тяжелой утраты. Он открыто признал, что совершенно не видел настоящей боли Кристины, когда она ещё была жива. Что находился рядом лишь физически, а сердцем был далеко. Что теперь хочет всё искупить, но так, чтобы больше не разрушить ни единой живой души.

Он начал писать письма. Каждый одинокий вечер — только Кристине. Прямиком в простую тетрадь. О том, что сейчас происходит с его раненой душой. Как ему невыносимо больно. Как сильно он тоскует. И как учится заново делать каждый вдох.

Когда психотерапевт спокойно спросил его:

— Для чего ты вообще жив?

Он честно ответил:

— Ради неё. Ради Алины. И ради того, чтобы однажды научиться не бояться закрывать глаза по ночам.

Тем временем в совершенно другой части города Алина сидела у широкого окна. Она плотно прижимала к плечам теплый клетчатый плед и мысленно перебирала его голос.

— Он звучал совсем не так, как раньше. Никакой фальшивой бравады. Только чистая боль и какая-то звенящая прав-

да. — Она произнесла это вслух, обращаясь к Лере сквозь долгую паузу.

— Ты серьезно думаешь, что он справится со всем этим? — с сомнением спросила подруга.

— Я не знаю, — честно ответила Алина. — Но он идет. И я иду вместе с ним. Пока он делает шаги вперед, я буду рядом.

На следующий день Никита попросил выдать ему бумагу и простой карандаш. Он принялся рисовать. Сначала штрихи получались убогими, тяжелыми и угловатыми. Но постепенно линии стали яснее: вот тяжелый мотоцикл на фоне густого лесного массива. То самое памятное место, где они когда-то катались с Кристиной. Вот лесное озеро. А рядом — силуэт Алины, стоящей спиной к нему в длинном платье в пол. Она почему-то держит в руках костыль. Он еще сам до конца не понимал значение этой детали, но отчетливо чувствовал: это было о нем самом.

День 15. Прошло уже ровно две недели с того момента, как Никита оказался в клинике. Самые первые дни пролетели словно в плотном тумане, он совершенно не понимал, где находится и зачем всё это нужно. Он бунтовал, наотрез отказывался пускать к себе врачей, демонстративно игнорировал выписанные таблетки и глухо отмалчивался в кабинете психолога. Но начиная с десятого дня, когда ему впервые разрешили короткие телефонные звонки, внутри него словно что-то осело и встало на свои места. Голос Алины в трубке стал

для него единственным надёжным якорем. Спокойный, мягкий, теплый. Она никогда не говорила лишнего, но ей хватало и пары простых фраз. Иногда он просто просил её:

— Говори со мной, пожалуйста, о чём угодно.

Она рассказывала ему самые обычные вещи. О том, как под её окном буйно зацвела липа и в воздухе повис густой медовый аромат, от которого кажется, будто весь мир вокруг замирает в ожидании. Рассказывала, как когда-то соседский кот умудрился пробраться через форточку в чужую квартиру и устроил там грандиозный переполох, или как Кирилл приобрёл себе нелепую гавайскую рубашку и теперь донимает всех домашних своим новоявленным чувством стиля.

Никита слушал эти рассказы, молчал в трубку и жадно вдыхал эти простые звуки нормальной жизни, как чистый кислород.

Днём он держался из последних сил. Он даже начал соглашаться на сложные реабилитационные упражнения с врачом, а на сессиях впервые всерьез и открыто заговорил с психотерапевтом. Он уже не был прежним, его лицо словно заострилось, резкие тени под глазами стали совсем темными, но зато взгляд приобрел пугающую глубину. В нем больше не плескалось дикое, звериное отчаяние, но отчетливо жила глухая тишина, за которой чувствовался страшный внутренний надлом.

А потом неизбежно наступала ночь.

Он сидел в одиночестве в своей палате. Окна были слегка

приоткрыты, и ночной прохладный воздух пал густой хвоей и землей. Никита тупо смотрел на белый потолок, а холодная пустота в груди разрасталась с каждым часом, превращаясь в настоящую черную дыру. Перед глазами снова и снова вставала Кристина. Её звонкий смех. То, как она в самый последний раз нервно поправляла свои длинные волосы. И то, как она лежала слишком тихо, неестественно неподвижно. И главное то, что он оказался абсолютно бессилен её спасти.

Он сорвался внезапно, оглушенный этой невыносимой тишиной. Резко поднялся с кровати и с яростью смахнул с тумбочки стеклянный стакан с водой. Тот разлетелся на мелкие осколки. Затем он дико заорал сорванным голосом, выплескивая всю скопившуюся боль наружу, словно пытаясь вырвать её из груди с мясом. Тяжелый стул с грохотом врезался в стену. Он дышал так часто и тяжело, будто собственные легкие наотрез отказывались ему подчиняться. Дежурные медсестры прибежали на шум мгновенно. Лечащий врач появился в палате спустя пару минут.

Никита крупно дрожал всем телом. Он уже не сопротивлялся, когда ему мягко предложили сделать успокаивающий укол. Больше он не произнес ни звука. Он просто сидел на полу, крепко обхватив голову руками, и лишь едва слышно, исступленно повторял в пустоту:

— Я не успел... Боже, я не успел... прости меня...

Ночь затихла вместе с ним. Сильное снотворное ему давать не стали, врачи настояли на том, чтобы он прошёл че-

рез эту боль до конца и прожил её сам. Он просто лежал на постели в темноте, а в ушах непрерывно гудело одно-единственное имя: *«Алина... только не оставляй меня»*.

***

На утро Алина получила звонок:

— Алина? Здравствуйте, это доктор Ветров.

— Что-то случилось? — голос её дрогнул.

— Ночью у Никиты случился срыв. Паническая атака, вспышка тревоги. Мы среагировали вовремя, вывели его из состояния. Но сейчас он очень закрыт. Почти не разговаривает.

— Из-за чего?

— Мы думаем, что у него возник острый внутренний конфликт. Вероятно, вы вчера задали вопрос или напомнили о чём-то важном. Такое бывает в начале терапии.

— Я... может я рассказала про липу. Он сказал, что она любила этот запах. — Алина говорила почти шёпотом.

— Понимаю. Иногда даже запах или слово — это спусковой крючок.

— Я могу с ним поговорить?

— Мы дадим ему немного времени. Если он сам выразит желание, то конечно. Он по-прежнему спрашивает о вас.

Ровно через час раздался короткий звонок. Разговор продлился всего пару минут. Алина взяла трубку почти мгновенно, едва прозвучал первый гудок. — Привет, — голос у него был хриплым и надтреснутым, будто он долго плакал

или не спал несколько ночей подряд.

— Привет. Как ты себя чувствуешь?

Долгая пауза на линии.

— Ты вчера говорила про цветущую липу.

— Да... — Алина испуганно затаила дыхание. — Прости меня, Ник, я совершенно не знала, что...

— Не нужно извиняться, — перебил он тихо и мягко. — Я и сам не помнил. Просто... у Кристины под окнами тоже росла липа. И в тот самый день, когда её не стало, она цвела точно так же. И этот густой запах...

Алина судорожно сжала ладонь в кулак.

— Я совсем забыл об этом. Всё в памяти стерлось, забилось мусором. Но когда ты заговорила, я вдруг снова физически почувствовал этот запах. Будто старое окно распахнулось настежь, и оттуда снова пахнуло тем проклятым летом. И всё внутри меня снова рухнуло.

Он замолчал. В трубке отчетливо было слышно его тяжелое, сбитое дыхание с надломом.

— Ник...

— Всё нормально, — снова перебил он, ещё тише. — Я держусь. Просто, если вдруг завтра не получится ответить на звонок, даже не волнуйся. Мне назначили новые препараты, доктор говорит, может сильно вырубить.

— Я здесь, Ник. Я рядом. Только не забывай об этом, ладно?

— Я знаю.

Связь оборвалась неожиданно, звонок сбросили со стороны клиники. Дежурный врач заранее предупредил её, что сам обязательно свяжется с ней, если в состоянии Никиты произойдет что-то серьезное.

Алина долго сидела неподвижно с телефоном в руке, тупо глядя в погасший экран, словно тот всё ещё мог внезапно ожить. Тяжелые слова Никиты снова и снова отдавались в голове глухим эхом: *«окно открылось... запах того лета... всё рухнуло»*.

Она отчетливо чувствовала, как внутри неё всё туго стягивается холодной, вязкой болью. Как вообще можно любить настолько сильно, чтобы один только запах цветущего дерева мог заживо разорвать человека изнутри? Сколько же невидимых слоев скрывалось за этой травмой, сколько гноящихся ран ещё не было вскрыто?

Она мысленно вспоминала Кристину, только по чужим коротким рассказам, по тому, как когда-то ярко вспыхивали глаза Никиты, стоило ему лишь вскользь упомянуть её имя. Кристина была для него абсолютным началом всего, а её нелепая смерть стала страшным обрывом. Он остался стоять на самом краю без будущего, без малейшего смысла жить дальше. До той самой ночи. До появления Алины.

«Я не замена, — подумала она с горькой ясностью, — *и никогда ею не стану. Но раз уж я теперь его единственная причина держаться за этот мир, я обязана быть рядом. Не спасатель с сиреной, не пылкая возлюбленная. Просто*

живой человек, который сможет выдержать с ним его кромешную тьму».

Алина глубоко, до боли в груди вдохнула прохладный воздух. Теперь привычный запах липы больше не казался ей просто приятным ароматом теплого лета, он навсегда стал личным маркером чужой боли. И всё же в самом центре её сердца теплилось тихое, упрямое пламя: он вспомнил. Он впервые открыл запертую дверь. А это значило, что процесс лечения наконец запущен. Он больше не слепо тонет в пучине, а начинает нащупывать ногами твердое дно.

Глава 20.

Каждое утро Алина наслаждалась утренней тишиной офиса, пока вокруг никого не было, и густым запахом свежесваренного кофе, который Артём неизменно приносил прямо к её столу, не произнося при этом ни единого слова.

Кирилл всё чаще задерживался в своём кабинете, но всегда скидывал ей что-то смешное в общий семейный чат: мем, глупую картинку или цитату в духе «держись, пятница уже близко».

После работы они втроём возвращались домой без лишней суеты, с самыми простыми планами: совместный фильм, сытный ужин и неспешные разговоры. Иногда они обсуждали Никиту. Спокойно, по-взрослому. Как именно продвигается терапия, какие заметные изменения появились в его голосе, что сообщает лечащий врач. Алина не переставала искренне благодарить их за колоссальное терпение и за то, что они ни разу не дали ей почувствовать себя виноватой.

— Я правда не знаю, как у вас это получается, — сказала она однажды вечером за ужином. — Просто быть рядом и абсолютно ничего не требовать взамен. Это невероятная роскошь.

Артём лишь понимающе пожал плечами: — Ты часть нашей жизни. И точка.

Кирилл молча кивнул в знак согласия и заботливо налил

ей ещё горячего чаю.

Шло время. Работа в «Археоне» кипела вовсю: готовился крупный новый проект, проходили регулярные встречи, обсуждались свежие концепции. Алину полноправно подключили к масштабной презентации. Артём взял на себя весь технический блок, Кирилл уверенно курировал смысловую идею. Всё двигалось ровно, с искренним уважением и заботой. И с той невидимой, но очень важной внутренней уверенностью: прямо сейчас всё идет именно так, как и должно идти.

***

Прошло восемь месяцев.

Казалось, будто вся эта тяжелая история происходила в какой-то другой жизни, где-то далеко за толстым стеклом. Никита полностью завершил основной курс реабилитации. Официальный диагноз давно сняли. Осталось только легкое наблюдение, редкие профилактические встречи с психотерапевтом и поддерживающее лечение — словно фоновая музыка, которая совершенно не мешает жить, но помогает никогда больше не сбиваться с правильного ритма.

Он стал совершенно другим человеком. Не прежним самоуверенным парнем. И не тем сломанным мальчишкой, каким попал сюда до Алины, до Кристина, до той жуткой темноты, что сжала его изнутри. Он стал новым — в чём-то гораздо тише, в чём-то глубже. Иногда он просто останавливался у окна и ловил себя на удивительной мысли: он просто

дышит. Больше не пытается выжить на пределе, не воюет с призраками прошлого и не ищет виноватых. Он просто живёт.

Кристина больше не снилась ему каждую ночь. Изредка — да, её образ возвращался во сне. Но теперь он не нёс за собой разрушительную боль. Осталась лишь светлая благодарность, тихое тепло и чистые воспоминания, словно они наконец спокойно поговорили, попрощались как взрослые люди, и каждый из них пошел своей дорогой.

Он отпустил её. Наконец-то понял, что настоящая любовь вовсе не умирает со временем, она просто перестает быть обжигающе жгучей, превращаясь в мягкое, успокаивающее эхо где-то глубоко внутри. Именно это он однажды сказал Алине, когда она приехала навестить его, уже не как спаситель и не как испуганный наблюдатель, а как человек, с которым он прошёл через самую страшную зиму своей жизни.

Ворота клиники плавно, почти торжественно открылись. Мягкий весенний ветер качнул зеленые верхушки деревьев. На просторной стоянке его уже ждала машина. Кирилл вышел первым, лениво поправляя солнцезащитные очки. Артём встал рядом с ним, скрестив руки на груди. Алина стояла чуть позади, бережно прижимая к себе термос с горячим чаем и мягкий плед, как символ того простого домашнего уюта, которого Никите так отчаянно не хватало всё это время.

Никита вышел неспешно. Он никуда не торопился. Взгляд

чистый и ясный. Спина прямая. С каждым сделанным шагом он словно оставлял позади свою тяжелую старую тень.

Алина подошла к нему первой. Они молча посмотрели друг на друга. Это был просто взгляд, полный того глубокого смысла, который они оба просто не могли и не хотели произносить вслух. Она крепко обняла его. По-настоящему, без малейшего страха, без прежнего напряжения. Как старого друга, как родного брата, которого наконец-то встречают после долгой и опасной дороги.

— Спасибо, — тихо сказал он ей едва слышным голосом. — За то, что не отвернулась тогда. За то, что дождалась и осталась. Вам всем. Я... я бы просто не вытянул это в одиночку.

Она чуть отстранилась и внимательно заглянула в его глаза.

— Я люблю тебя, Ник, но как брата. Ты навсегда останешься моим дорогим другом и самым близким человеком. И это никогда не изменится. Ты всегда можешь обратиться ко мне за помощью. Понял?

Он тяжело кивнул, не отрывая глаз от её лица. Проглотил тяжёлый ком в горле, возможно, застрявшие слёзы, возможно, последние осколки старой боли.

— Спасибо, что ты так и не ушла из моей жизни. И... я прекрасно знаю, что ты абсолютно свободна от меня. Но если ты когда-нибудь решишь уйти совсем... просто... пожалуйста, не исчезай внезапно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.